4
2023

АРТ ЛАД

12+

Журнал «Арт»

Акценты

Каждые двадцать лет меняются поколения. К сожалению, молодость рано и неизбежно уходит от нас к другим, и вот нас уже не радуют мультфильмы. Но в этой быстротечной поре зреет не только старость, но и будущее, поэтому 2023 год был объявлен Годом молодёжи. Не принимая участия в официальных мероприятиях, журнал считает нужным осветить тему молодёжи на своих страницах в особом разделе «Молодёжка».

Раздел открывается циклом стихотворений Ольги Викторовой «Простыми словами». Её «простые слова» удивительно лиричны: они о сказке, что творится вокруг, и в этой сказке любовь и Пушкин, и летящие над гладью Печоры моторы, и по-ноябрьски скулящий фонарь, и неведомый Красный город.

Галина Маас, художник из Инты, назвала свою маленькую повесть «Дороже золота» не модным словом «фэнтэзи», а уральским сказом. В этом «сказе» есть что-то от всем известного Павла Бажова, но древний Урал интинского автора открывает читателю совсем другие тайны.

Публикация Галины Лимеровой «Главное – знать, для чего. Остальное – не проблема!» открывает цикл материалов о нынешней молодёжи. Галина провела блиц-интервью с молодыми музыкантами, студентами разных консерваторий России. Как живут молодые люди, какие вопросы приходится им решать, как происходит их становление именно как музыкантов – вот круг проблем, затронутых в публикации.

Герой интервью Андрея Фетисова – барабанщик Евгений Лисовский. Евгений известен сыктывкарской публике своими яркими выступлениями на разных городских мероприятиях. В интервью он делится с читателем мыслями о музыке, о месте музыки в современном мире.

Спорт – не менее значимая составляющая жизни молодых. Материал Григория Спичака – о школе тхэквондо Анатолия Чиканчи, вернее, о молодом тренере Арсении Логинове. Сама школа Чиканчи известна в Республике Коми и за её пределами, но вот путь в неё у всех разный. Сам Арсений попал в школу тхэквондо вроде бы по воле случая, но нашёл здесь самого себя.

Публикация Элины Шлоповой – о молодом тележурналисте, телепродюсере Анастасии Семяшкиной, о её пути на телевидение.

Статья Александра Чувьюрова «Зоопарк» – три дня в Сыктывкаре» – о молодёжи 1980-х, вернее, о музыке, которую слушали в то время молодые.

В разделе «Арт-факт» – публикация Лили Вовк «Поколение "Y" выбирает… себя» о молодой московской художнице, родом из Сыктывкара, Анне Гордеевой. В небольшом интервью Анна делится мыслями о жизни, о кредо художника, о природе творчества.

Традиционный раздел «Литература СегоДня» начинается с цикла стихотворений Дмитрия Безгодова «Маргиланское солнце». Это поэтическая ретроспекция в прошлое, в детство, в то солнечное время, когда маленький Маргилан вмещал в себя весь мир. Повесть Игоря Иванова «Дерево у потока» – о жизни и смерти, о долге живых перед ушедшими. «Юяслӧн сьылан» (Песни рек) – лирический цикл стихотворений Елены Афанасьевой. Всеобъемлющий образ цикла – река, которая несёт в себе не только воды, но и весь мир – слова, стихотворения, церкви, цветы, людские жизни, летние сны…

Журнал в журнале «Ы» знакомит читателя с короткими рассказами удорского автора Юрия Яковлева, юных литераторов из с. Усть-Нем и с. Пожег Усть-Куломского района Татьяны Напалковой и Георгия Бугримова, со сказкой детской писательницы из Череповца Марии Ушениной «Гортса пу» в переводе Алёны Шомысовой.

Павел Лимеров, главный редактор

АРТ ЛАД

12+

СОДЕРЖАНИЕ

• Литература сегодня

Д. Безгодов. Маргиланское солнце (Стихи) **6**
И. Иванов. Дерево у потока (Повесть) *Окончание* **18**
Е. Афанасьева. Юяслӧн сьылан (Кывбуръяс) **58**

• Молодёжка

О. Викторова. Простыми словами (Стихи) **68**
Г. Маас. Дороже золота (Уральский сказ) **76**
Г. Лимерова. Главное – знать, для чего. Остальное – не проблема! **102**
А. Фетисов. Барабанщик Евгений Лисовский: «В ударных инструментах есть что-то древнее, шаманское, завораживающее...» **112**
Г. Спичак. «Мы приедем, если ты хочешь!» – педагогическая миссия школы Анатолия Чиканчи **117**
Э. Шлопова. Анастасия Семяшкина: «Олӧмад нинӧмысь оз ков повны» **124**
А. Чувьюров. «Зоопарк» – три дня в Сыктывкаре **129**

• Арт-факт

С. Грачева. «Вахта» на Переправе **148**
Л. Вовк. Поколение «Y» выбирает… себя **154**

• Ы

М. Ушенина. Гортса пу (Мойд) **178**
Ю. Яковлев. Мый корсян, сійӧ и сюрӧ (Висьт) **185**
Сям артмӧ ичӧтдырйи (Висьт) **186**
Мый сэн дуран? (Висьт) **187**
Машук (Висьт) **188**
Т. Напалкова. Ылі грездын гӧститӧм (Висьт) **189**
Г. Бугримов. Лэч туй (Висьт) **191**

t.me/komiart

Делимся с вами новостями в Telegram

Присоединяйтесь
к увлекательному чтению!

Республиканский
литературно-публицистический,
историко-культурологический,
художественный журнал

Республикаса литература,
публицистика, история,
культурология да
художественнӧй журнал

Издаётся с 1997 года четыре раза в год
на коми и русском языках.

Публикация социально значимых тем
осуществляется при государственной поддержке
Министерства цифрового развития, связи
и массовых коммуникаций Республики Коми.

Учредители (соучредители):
Администрация Главы Республики Коми,
Министерство национальной политики
Республики Коми, МОД «Коми войтыр»,
АУ РК «Редакция журнала «Арт».

Руководитель редакции – Татьяна Логинова.
Главный редактор – Павел Лимеров.
Художественный редактор – Юрий Лисовский.
Технический редактор – Наталья Коносова.
Корректор – Алёна Старцева.
Главный бухгалтер – Татьяна Леончик.

25 ЛЕТ ЖУРНАЛУ АРТ

Журнал «Арт»
Зарегистрировано Управлением
Роскомнадзора по Республике Коми.
Регистрационный номер и дата принятия
решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-35079 от 23 января 2009 г.

Тираж: 1200 экземпляров.

© Журнал «Арт», № 4 (104) 2023 г.
Дата выхода в свет: 24.11.2023 г.

Руководитель редакции:
Логинова Т. И.

Главный редактор:
Лимеров П. Ф.

Цена свободная.

В оформлении обложки
и заставок использованы работы
(©) Ю. Лисовского.

Адрес редакции, издателя:
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Карла Маркса, д. 229, каб. 136.
тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru,
www.artlad.ru

Отпечатано в ООО «Коми республиканская типография»
с электронных носителей заказчика
в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов.
Подписано к печати по графику – 08.11.23.
Фактически – 08.11.23.
Формат: 70x100 1/16. Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,48. Заказ № 23-6805.
Адрес типографии: 167982, Республика Коми,
г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

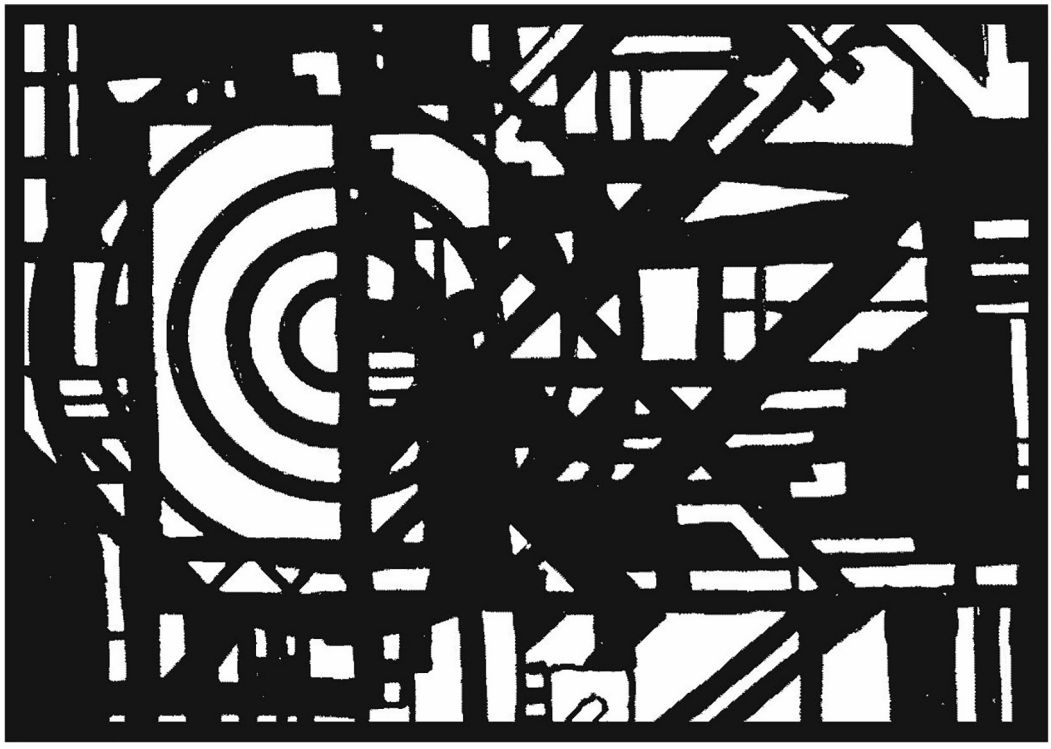
Подписной индекс:
П4453 по каталогу «Почта России»

Все права на материалы, опубликованные в
номере, принадлежат журналу «Арт».
Перепечатка без разрешения редакции
запрещена. При использовании
материалов ссылка обязательна.

Материалы, не опубликованные в журнале,
редакция не рецензирует и не возвращает
авторам. Публикуя материал, редакция не
обязательно поддерживает точку зрения
автора.

www.artlad.ru

ЛИТЕРАТУРА СЕГОДНЯ

Дмитрий
БЕЗГОДОВ

Дмитрий Николаевич Безгодов *родился 20 июня 1970 года в городе Маргилане Ферганской области Узбекской ССР. Окончил Маргиланскую среднюю школу №18 (1987), философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова (1993), аспирантуру философского факультета МГУ (1996). С 1997 года работает преподавателем кафедры философии Ухтинского государственного технического университета. Стихи публиковались в журнале Ухтинского университета «Концепт», в альманахах «Перекаты», «Сыктывкар», «Белый бор», журналах «Арт» и «Наш современник», в газете «Литературная Россия». В 2020 году издана книга стихов «Добрые вещи».*
Вместе с супругой награждён медалью ордена «Родительская слава».

Маргиланское солнце

Советской Родине –
с благодарностью
за наше счастливое детство.

ВЕЛИКОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ

Маме –
Зинаиде Карповне Долговой

Возвращенье взойдёт не спеша.
Воздух Родины чист до предела –
задохнуться боится душа,
вот и медлит гуманное тело.
Постоит на перроне, потом
остановится на остановке.
Приближается медленно дом,
части тела всё менее ловки,
части речи теснятся в груди,
чувства тоже, конечно, на части
рвутся, чтобы бежать впереди…
Жми, таксист, догоняй моё счастье.
Застучат долгожданным дождём
пальцы, ливнем прольются ладони –
в дверь, звонок, дверь, звонок, дверь, проём –
и хозяйка посуду уронит.
Словно жемчуга жадный ловец,
дышит дом, понимая глубинный
смысл жизни своей, наконец, –
просто жить. И потянется длинный,
объясняющий всё, разговор
после смеха, застолья и песен;
незакрашенный мамин пробор
будет с «гостем» отчаянно честен.
Сердце, слышишь? – стихают слова –
как соседи сжигают солому,
как распарена в плове айва?
Дым Отечества, отчего дома!

НУРМАТ-АКА

Человек, вероятно, не может всегда улыбаться.
Разве только – от горя, как в книге Виктора Гюго.
Но бывает: судьба на лице упражняется в дартсе,
чтоб морщины лучились и свет привлекали в него.
Вот – лубок. Детский сад и под солнцем трава, и листва, и
вот навстречу кому-то под крики всеобщий забег.
Длинноухий осёл не спешит и всегда успевает.
На арбе очень старый, на взгляд детворы, человек.
Очень старый и добрый. А это, хоть взгляд Аполлона
примени, будет правдой. Развозит по детским садам
он обеды в кастрюлях, тазах и огромных бидонах,
и билет – прокатиться к воротам как к лучшим мирам.
Он остался в сердцах многочисленной паствы как солнце,
ибо добрые лица успешней небесных светил
греют души растущие. В нас, как в деревьях, есть кольца
обручения с жизнью – кто сколько любви накопил.

СТУДИЯ ЗВУКОЗАПИСИ

Равшану Шакаримову

«Заповедная даль… Свет хрустальной зари…»
Чистым снегом лежат на вершине сознанья
детство, песни твои, детство, думы твои.
Как искрится в них солнечный смысл мирозданья.
Закрывалась бесшумно тяжёлая дверь,
оставался динамик поющий снаружи,
а внутри дорогой электрический зверь
синий пластик под песню кружил неуклюже.
И врезалась игла в полимерную плоть.
И вживался мотив в онемевшую душу,
потому что непросто ведь перемолоть
эти чувства в судьбу, и хотелось подслушать
тему жизни, и тенор лирический пел:
«Заповедный мотив… Свет над миром встающий…»
Незаметно хозяин пластинок седел.
Незаметно душа обживалась в грядущем.

ФОНТАН

Он был живой или – как часть живого.
Выцеливая что-то в небесах,

взмывал и падал, поднимался снова,
чтоб вновь претерпевать гремящий крах.
Как месть поверженного Черномора,
клоками белыми вздымалась борода.
А рядом выпадал из разговора
родительского мальчуган. Вода
брала, точней – она вбирала душу,
чтоб в высшей точке вместе замереть
и вновь упасть. И, как плохой послушник,
малыш держался за земную твердь,
и быстро-быстро находил ладони
и плечи тех, тогда больших, людей,
которых Бог, возможно, тем и помнит:
что брали на руки испуганных детей.

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

Нине Васильевне Быченко

Опыт критики чистого смеха,
опыт самых простых вещей…
Это возраст меняет вехи,
это прошлое всё сильней.
Слово «первый» и слово «учитель» –
как бы дважды призыв небес
твой сердечный толкнул накопитель,
и пошёл болевой процесс.
Сколько лет я её не видел?
Сколько лет не стучался в дверь
с сочетанием цифры и литеры?
Опоздал. Вспоминай теперь.
Так устроен: главное что-то
надо выяснить. Может, смех?
Тот, что ангельски и животно
приступ счастья делил на всех.
Полагалась большая книга –
всё казалось большим тогда –
на учительский стол, и мигом
мы стихали как та вода.
Ожидались приливы смысла.
Обводила глазами класс,
чтоб чуть-чуть, по контрасту, кислым
подготовить вступленьем нас.
И взмывала райская птица,
мы, смеясь, улетали вслед.
Эти форточки – детские лица –

вечно настежь. А солнца свет
щедро лился в большие окна,
чуть помешкав в листве чинар,
чтоб окрасить лучей волокна,
чтоб шелка приносились в дар.
Персонаж по канве сюжета
мчит, всё более нам сродни –
мы участвуем в деле этом,
в классе радостный смех звенит.
Никого он не обижает,
ничему он не навредит.
Так смеются в преддверье рая.
Но пора. И суровый вид
напускает учитель. Чтенье
завершилось. Найдёт урок
непременное продолженье –
заготовлены чувства впрок.
Мир несётся потоком сельным,
но когда-то в душевный грунт
чувства добрые ты посеяла.
Ты ушла, а они растут.

БАЗАР

Бабушке –
Марии Дмитриевне Долговой

Накопленье жизни происходит
скрытно, постепенно, постоянно…
Приценилась к помидорам вроде
бабушка. Раздумала. Туманны
перспективы внука на свободу.
Просто так базар не отпускает.
Здесь играют в бисер всем народом.
Лишь магистр, не женщина простая,
может так спрягать слова и числа,
вес первичных и вторичных качеств.
Мерно ткётся шёлк живого смысла.
Внук мечтает, что футбольный мяч и
марки впишутся в статью расходов.
Но большой арбуз в приоритете –
тоже круглый. Опытно свободу
познают покладистые дети:
ведь, когда арбуз домой внесётся,
сбруя послушанья просто рухнет.
Ты взошло, взошло, футбола солнце,
зайчиком мелькнув по светлой кухне!

ШАХМАТНЫЙ КРУЖОК

Булату Мухаммедовичу Ягудину

Сознание доступной высоты.
Далёкое парадоксально близко.
Строй шахмат, рядом лучший друг и ты.
Вас дедушка привёл. И – горсть ирисок.
Его карман, как фабрика конфет,
работал всю дорогу. Но – довольно!
Самозабвенья райского секрет
известен детям, как и вход игольный.
Мы попадаем в круг эльфийских сил
посредством глаз и лица сделав строже.
Решить задачу маг нас попросил.
И, вероятно, он нам и поможет.
Очки его не портят, а пиджак
нисколько не мешает вдохновенью
и производству яростных атак.
Дебютные, столкнувшись, ухищренья –
сицилианская, индийская, гамбит –
ввели в игру часы, фигуры, доски.
Открыты окна, и паркет блестит,
и тонко пахнет лаком или воском.
Никто не помнил, как пришёл домой.
Взахлёб лилась история баталий.
Наутро в школе был продолжен бой.
В дневник об этом красным записали.
Ах, поведенье! Целый класс зато
был сагитирован и без обеда,
рутину дел оставив на потом,
погнался за гроссмейстерской победой.

СТАРЫЙ ТУТОВНИК

Виталию Яйкову

Два закадычных друга ангельского сословья
влезли на старый тутовник (кеды, пальцы, кора).
Просто простые вещи детям не прекословят.
Просто для них от века он есть посреди двора.
Что там? Штабная квартира? За девочкой пункт наблюденья?
Ходит: домой из школы, из дома во двор играть.
Это зелёное платье – какое-то наважденье,
они ей чаще, чем в классе, ставят оценку «пять».

Вечные эльфы мира, укрывшись в листве, решают
судьбы и мира, и школы – как лучше сорвать урок.
Поскольку домашку на завтра сделать не успевают,
значит, муляж гранаты достать наступает срок.
Только всё обойдётся – тутовник собой бы не был,
простирающий ветви к верху, баюкающий их прыть.
И Бог, улыбаясь Канту, приподнимает небо,
чтобы мечтам их детским место освободить.

ЮЖНАЯ ТИШИНА

Иреку и Ринату Маликовым

В футбол играли во дворе,
хоккей был в основном настольный,
орать любили слово «гол» и
теряли голову в игре.
На юге звонче голоса –
не помещаются в квартирах:
летят во двор, – обратно. Мир их
приемлет на своих весах.
Но блажь и благость тишины –
пусть в малых дозах – там знакома.
Болеет друг, остался дома,
мы навестить его должны.
Учитель посмотрел в окно,
и намагниченные взоры
за ним теряются в просторах,
забыв, что на доске дано.
На топчане седой старик
сидит, смакуя чай и время.
И падает в сознанье семя –
его благообразный лик.
И девочка – как южный снег…
На миг немеем у подъезда.
А малышня кричит про тесто,
возобновляя жизни бег!

ЛЕТНИЙ КИНОТЕАТР

Роберту Садыкову

О том, что лето, – душно и в окно
кричит, терзаема подростком, песня.
В диапазоне трёх аккордов тесно,

под сводом одиночества темно.
Но что поделать – юг и ночь нежна,
пигменты мглы от нежности активны.
На голову жары бывают ливни,
на тьму – кинематографа блесна.
Сюда влечёт: к облупленным скамьям,
к неугомонной семечковой речи.
Такая исподволь от судеб лечит.
Судьба – полёт, сплошь из воздушных ям.
Трещит проектор ветхий. Шевалье
плечист, речист и всю дорогу верен,
и верит сам, что не напрасно веер
то прикрывал, то открывал колье.
Здесь верят все: мальчишки на стене,
и пожилые пары на скамейках,
киномеханик в будке с лентой клейкой,
и билетёрша, и кассир в окне.
Во тьме миров странноприимный дом,
приют для глаз, охваченных сияньем,
для женских слёз, недолгого молчанья –
и вздоха звук, и шум, и жизнь потом…

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Уткиру Мадалиходжаеву

Пыль, когда она в потоке света,
из больших который окон льётся
в книжном магазине среди лета –
это письма для детей от солнца.
Потому так часто, так подолгу
два товарища толкутся у прилавка:
смотрят то на окна, то на полку,
улыбаются, читая имя «Кафка».
В царстве солнечной и книжной пыли
всё устроено для счастья книгочеев.
Трудно спрятать ангельские крылья
продавцу – при виде их светлеет:
разрешает громкие им споры,
отпускает их бюджетам вины
скидками. Добро должно быть скорым,
чтоб глаза лучились и морщины.

НЭЦКЭ

Мальчик бездомных собак собирает свистом
после уроков, и бабушкин бутерброд
делит на всех без остатка под «Чардаш» Листа.
Это из дома напротив к нему ведёт
все эти стёжки-дорожки, судьбу, короче,
строгая одноклассница – ясный взгляд,
пальцы проворные, коим подвластны строчки
школьных диктантов, банты и звукоряд.
Мальчик ещё не умеет жалеть соседей,
гаммы созвучны лаю на вкус его.
Но на протесты монументальной леди
он реагирует вежливо и легко.
В недрах души и одежды многокарманной,
там, среди гаек, марок, значков, монет,
он добывает конфету и под охраной
стаи своей уходит, как в белый свет,
в город родной из объятий двора родного.
Он не предвидит за ширмой зелёных крон,
сколько хватает чувств, ничего такого –
чуждого миру, который так любит он.

ВЕСНА

Дмитрию Цою

В расстёгнутой демисезонной куртке –
под ней футболка, под футболкой тело –
летит душа, как на лихой попутке,
по улице. Кивает – то и дело, –
как бы кладёт лицо в ладони света.
Регистры чувств почти неразличимы,
понятно только – скоро будет лето,
зацвёл урюк, простуда излечима.
Душа поёт – тестирует реальность,
простукивает, как сосуд хрустальный.
Похоже, верно выбрана тональность –
прохожие оглядываться стали.
Ей кажется знакомым каждый встречный.
Всех принимает горизонт далёкий.
Предчувствует, что счастье будет вечным,
но с переменами на школьные уроки.

КАНИКУЛЫ

О чём невозможно говорить,
о том следует молчать.
Л. фон Витгенштейн

Абсолютное счастье! Огромное лето!
Кавалькада автобусов в горы ползёт.
И, подобно лягушкам из гимнов Ригведы,
мы, в восторге от жизни, поём мимо нот.
Только все попадают. Огромное лето –
идеальная в тире желаний мишень.
Счастья хватит на всех. Как конвейера лента,
время длится. На выходе – солнечный день.
То есть – серия дней. То есть времени столько –
океан самой сладкой в природе воды.
Мы поём! Одноклассник по имени Колька –
громче всех, он – для девочки, – там, впереди.
Впереди всё на свете: футбол, дискотека,
и кино по субботам, и день Нептуна,
и запойное чтенье про персов и греков,
и бескровная школьная наша война.
А ещё впереди, в лёгкой дымке мечтаний,
когда с другом о будущем мы говорим, –
лучший мир, для которого нет окончанья.
Да и в том, что молчим, мы сообщники с ним.

ДЕНЬ УЧИТЕЛЯ

Валентине Николаевне Тужилкиной

Цветы обязательны. Долго искали вазу –
пытались вписать её в свой дефицитный бюджет.
Идею с конфетами забраковали сразу,
ведь не донесём, хотя нам и солидно лет.
Когда это было? Двуликой эффект открытки:
откуда смотреть – и вчера, и века назад.
Квартиру сыскали не с первой хотя попытки,
но дружно ввалились и тесно уселись в ряд.
Конфет было вдоволь, и правильно – не купили,
и чайник курсировал трафиком кухня – зал,
и верилось, что все обеты пребудут в силе:
чего только каждый тогда ей не обещал.
И помнить, и делать, и быть… Никакой бравады –
назавтра начнём готовиться к выпускным.

Она улыбалась потоку сермяжной правды –
всё сбудется, только иначе, чем мы хотим.
А мы разлетимся, затем и росли ведь крылья,
пока говорила и мел по доске стучал.
Чтоб слёзы удерживать, сердце должно быть сильным.
Но есть ещё время и снова заварен чай.
Сервант дребезжит, потому что мальчишки спорят,
а самого буйного девочка за рукав
одёргивает. Проще поезд одёрнуть скорый.
Она улыбается! Каждый сегодня прав.
Она улыбается! Эта улыбка вечна.
Привита когда-то созвездию детских глаз,
она повторится классическим пледом клетчатым
и души согреет наши ещё не раз.

ИГРА В ЛЕТНЮЮ НОЧЬ

Дедушке –
Ходжаеву Мухаммеду Закировичу

Комната, словно остров в лемовском океане,
блаженствует, дом отходит после дневной жары.
Светильник тонирует лица, почтенные островитяне
негромко ведут беседу по ходу детской игры.
Четыре фигуры жизни берут и кладут картонки
с рисунками, будто что-то пытаясь перекупить:
может быть, друг у друга, может, у этой тонкой
руки, наклоняющей чайник, чтоб дольше тянулась нить
размеренного разговора в общей текстуре судеб.
Как сладок чай на вершине, где сходятся все пути!
Как будто собрались в дорогу и вдруг огляделись люди,
и поняли – дома лучше, и сели – в себя прийти.
Стулья, журнальный столик, диван – обстановка рая.
Дочь хлопочет на кухне, спать не ложится внук,
старик со своею старухой с четой соседской играют,
ход переходит по кругу, и не расходится круг.

АНАМНЕСИС

Ты помнишь, как открыл глаза
и всё увидел? Утро. Утро.
Душе – ей кто-то рассказал,
чтоб было узнавать нетрудно,
что будет прибавляться свет,

взойдут и прояснятся лица,
и, первым окликам в ответ,
сознанье в сердце постучится.
В потоке солнечных лучей
плывут кораблики улыбок,
и воздух – хоть вдыхай, хоть пей.
И, застрахован от ошибок, –
встаёшь, бежишь… Взмывает вверх
душа в прочувствованном теле.
Хрустален и безгрешен смех…
И это всё – на самом деле.

КОГДА ТЕБЯ ПОНИМАЮТ

Тане

I

Пусть это штамп кинематографический…
За первой партой в увлеченье чувств
творит по руслу темы ученической
мою судьбу восторженный Прокруст.
Отличница! Хотя не это главное.
Над ухом светоносный завиток…
И в сердце проникающие, плавные
движенья, окрыляющий поток
к вещам прикосновений, откровений их –
как будто свет исходит от вещей.
Пусть двойка будет вновь за сочинение.
Чем гуще тернии, тем труд души верней.

II

Доживём до «когда тебя понимают»
и расставим над ждущими точек «и» –
нет, не точки расставим, а знаки рая:
например, улыбки детей своих.
Например, – прохожего жест прощенья,
когда ты ненароком задел его.
На скамейке в сквере два воплощенья
просто счастья – по сущности одного.
Доживём – какой не идти пустыней.
Если так сияют твои глаза,
значит, куст не сгорая горит доныне.
Доживём и поймём всё, что Бог сказал.

АВГУСТ

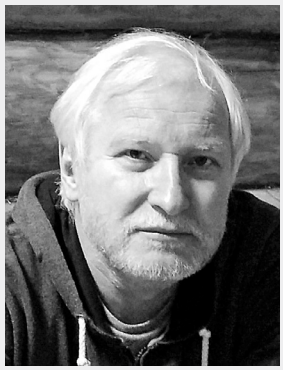
Деньги кончились. Август принудил к посту.
Пир свободы и счастья на пике достатка
продержался недолго. Останки несу –
оговорка по Фрейду, – конечно, – остатки.
Уходящему в осень в узбекский платок
лето – этот радушный хозяин земного –
хлеб и сласти положит по мерке дорог,
что осталось пройти. Их не может быть много.
Вечер августа. Свет золотых фонарей
в малахитовых кронах деревьев. Сердечный
приступ к вечности. Надо вдохнуть поскорей
весь оставшийся воздух. Пусть время подлечит
раздобревшее за лето тело души,
чтобы как-нибудь легче версталась дорога.
Путник шаг то замедлит, то вдруг заспешит,
будто вспомнит, что времени тоже не много.

ПЕРВОЕ АВГУСТА

Тане

I
В доброй толчее, среди народа,
в сердцевине праздника глазами
встретиться с судьбой. Начало оды
пишется случайными словам.
Случай, два луча, глаза и солнце!
Много ль надо, чтоб двоим влюбиться?
Это просто брызнул свет в оконце,
высветил в толпе родные лица.

II
Иллюзия касательной, прямой…
Едва коснувшись, сердце замирает
и, повторяя, принимает твой
изгиб души. Как будто свет, по краю,
по плоскости оконного стекла
скользнув, вселился в дом, достиг предела
счастливого. Рука любви легка:
соединять – знакомое ей дело.

Игорь
ИВАНОВ

Игорь Владимирович Иванов *родился 1 июля 1964 года в г. Мурманске в семье журналиста и адвоката. Окончив факультет журналистики Ленинградского университета, работал в газете «Молодёжь Севера». С 1991 года является главным редактором православной газеты Севера России «Вера»-«Эском», а с 1995-го возглавляет и издательство «Эском». Автор-составитель книг «Наследие Стефана Пермского», «Златой ларец» и др. С журнальными очерками печататься начал с 1988 года. Живёт в г. Сыктывкаре.*

Дерево у потока

повесть

Начало в № 3 2023 года

* * *

Всё это я вспомнил в кладовке, когда увидел незаконченный этюд. Я решил взять картонку из чулана с собой.

– Можно, я заберу её на память? – показал я тёте Мане этюд, когда она вернулась на кухню из комнаты, где читала свои молитвы.

– Забирай, что хочешь, – ответила она, даже не глянув. – Куда мне всё это девать? Пока жива, стоят в чулане. А потом что? Мыши доедят или просто сгниют.

– Может, кому-нибудь их отдать? – предложил я.

– Кому? Забирай ты.

– Мне некуда…

– Ну вот. И все так скажут.

– А где у Вити его книги? – вдруг вспомнил я. – У него было много книг. Тоже раздал?

– Книги он библиотекарше Надьке отдал год назад. Пойдёшь к ней ночевать – увидишь. Ты вот что… грамотный ведь?

Я кивнул. Странный вопрос.

– Вот пока пойди почитай, – она положила передо мной книгу. – А я к ней схожу, скажу, чтоб тебе приготовила место. Ты не беспокойся, она поздно ложится.

Я зашёл в комнату и включил свет. Теперь можно было по-настоящему рассмотреть лицо Витьки: его заострившийся нос, провалившиеся щёки… На самом деле оно выражало не канцелярскую строгость, а бесконечную отрешённость. Казалось, он потому и закрыл глаза, что ему стало невероятно скучно от того, что его окружало, и гроб стал для него лишь заранее приготовленным убежищем, в котором он мог укрыться от этого вмиг ставшего чуждым ему мира. Он избавился от всякого земного интереса, наконец, от всякой земной привязанности и, главное, от боли. А ведь ни к чему так не привязывается живое, как к своей боли, привычным изъянам своей плоти, когда научаешься аккуратно ступать или разгибаться, привыкаешь нежным образом обходиться с телом в те мгновения, когда может отчаянно заныть, внезапно полоснуть или схватить.

И в эту минуту – что это было? – немощь, от которой его освободила смерть, словно перекинулась на какое-то время на меня, вся тяжесть его долгой болезни: и разбитость в поту, и остановки и сбои замирающего в кулачке сердца, и рыбья нехватка воздуха. Я сел на стул, потому что стоять на ногах не мог. Бездна каждодневного существования внутри боли вдруг открылась мне, всё это безотрадное уродство умирания, когда мысль о достоинстве ухода становится такой же отвлечённой, как бином Ньютона, когда плоть вступает в жесточайшую схватку за сохранение себя и первым делом отключает главного своего врага – сознание, породителя всех идеек и всего того, что не связано с сохранением теплоты и противлением подступающим к горлу горчащим водам, в которых твоё прежде всевеликое «я» съёживается до размера капли и до неразличия сливается с невыносимым запахом льда и горьковато-кислым вкусом во рту. Это когда из чего-то более или менее определённого, имеющего границы и смыслы, ты превращаешься в волну, не имеющую вовсе никакой формы, существуешь толчками, наподобие судорожного биения пульса, и эти рывки вспарывают ножом твоё вязкое естество, раздирают его и превращают в сплошную рану; это медленное выныривание к свету и чувство невероятного облегчения, а потом быстрое погружение в боль, когда вновь никаких мыслей и желаний. Кроме одного. Когда молишь уже даже не об окончании этой муки, а о блаженном опускании на дно, которого всё нет и нет, о том, чтобы лечь на что-то твёрдое и упокоиться навсегда.

Не могу сказать, сколько это длилось и когда приступ прошёл, – от всего этого безумия осталось только головокружение, такая ничтожная запятая, лёгкая дымка над водой в сравнении с ужасом погружения. Открыв глаза, я обнаружил в руках у себя книгу. Откуда она у меня, что за книга? Но не открыл её, только крепче сжал в руке, встал со стула и, пошатнувшись, тут же отпрянул назад, потому что уткнулся в нечто совершенно разительное – настолько иное, что это не с чем сравнить и нет слов в языке, чтобы выразить до конца.

Я вдруг явственно ощутил, что здесь, возле гроба, вокруг меня остановилось время. Это была не тишина, потому что тикали где-то ходики, потрескивали дрова в печи на кухне, тётя Маня ещё не ушла и брякала посудой, и всё же это было густое, как гель, безгласие, которое начало засасывать меня, точно в воронку. Это было похоже на неспешное, но неудержимое соскальзывание по крыше или скорее на сползание в открытую пасть рудника – не прямо вниз, а как бы под уклоном до какой-то границы, и ты чётко понимаешь, что в какой-то миг дальше – срыв и бездна. Мне словно приоткрылись ворота в иной мир, и оттуда, как трубный глас, прозвучало безмолвие. Что там, в глубине: леденящий холод космоса или невыносимый жар от сердца земли?

Я увидел, что там, в мире без запахов и звуков, предки ждут его, и Витька хотя ещё не слился с ними, но уже на пути к ним. Они прошли это все: старики, без покаяния упокоившиеся на лавке за печью, когда всё село на сенокосе; суровые мужики, переломленные упавшей лесиной на валке; неопытные юнцы, замёрзшие в заснеженном лесу у потухшего костра; за ними – утонувшие рыбаки-поморы с обветренными лицами, угрюмо пожёгшие себя староверы; ещё дальше – скошенные чёрной смертью новгородцы, их ещё можно различить по соломенным чёлкам, потом, дальше уже и не разглядишь – безоглядный океан мужиков и баб, чьих имён нет ни в церковных книгах, ни на берестяных грамотках, ни на давно упавших и сгнивших могильных крестах;

тени, утратившие всякую плотность, даже не тени, а истончившаяся до паутинного колебания, до дыхания эона, совокупная человечья душа. И вот сопровождаемый их молчаливыми взглядами Тюха-Матюха идёт к ним, как бы погружается на дно, раскинув руки, медленно, озираясь в движении, ещё не совсем понимая, что же происходит, – и так ещё сорок дней пройдёт, как много сотен тысяч наших земных дней, пока он будет опускаться. Когда же он окажется среди своих, они не спросят его, ни кто он, ни каким пришёл (вопрошать – это свойство живых и ожидающих), а примут его таким, каков он есть. Но мало ли, вдруг разузнал Витька что-то новое об исполнении времён, да и что там говорят о грядущем возвращении, Василий Калика жив ли, о чём бает, а может, святые отцы, наконец, объяснили смысл их страданий, тоски и кратковременного прихода в греховный, но чарующий мир или учёный люд нашёл тот горизонт вод, за которым проглянула заветная земля праотцев?

Ох, сердечные праотцы-братья, откуда ж Витьке знать про всё это! Сколько столетий вы шли и шли вперёд, прогрызая лёд и гранит, а тётя Маня вон говорит, что главное – спастись самому, а потом заселиться в сады счастья и гулять там, гулять до упаду по неведомым дорожкам, среди диковинных цветов… Нет, это вы мне скажите: вот там – в чём память ваша? где ваши надежды и труды, радости и победы – где всё это? есть какое-то хранилище для них в вашем мире? а для печалей и утрат есть какие-то отдельные места или оно всё вместе у вас, кучей? Мне вот кажется, что всё должно быть вместе, потому что как же ощутить радость, если она не вышла из мучения и не смотрится в печаль, как в зеркало? И ещё вот что скажите: неужто мы, живущие человеки, как муравьи, и каждый по отдельности в этом мире не имеет смысла и значения, но только в муравейном сообществе? или вот одинокая сосна на голой вершине, как у Шишкина на картине, что она значит без своих собратий в тайге: она за них в ответе ли, а они за неё? а ваши кости, ставшие гумусом на погостах или превратившиеся в известковые отложения на дне моря, – вы в ответе за них? и что Витькины кости завтра будут лежать на запущенном кладбище Поморска, а иные чьи – в вазе столичного колумбария, не всё ли равно? что на этот счёт говорит садовник?

***

Многие слова в этой книге, написанной русскими буквами, были мне неизвестны. Если молиться по этим текстам я не умел и не мог, то по крайней мере мог постараться понять, о чём в них говорится.

И я начал читать. Не сразу, но слова стали обретать мелодическую связность, хотя попрежнему трудно было уловить их смысл. Но в мельтешении непонятных фраз и образов постепенно стали проявляться картины. «Наклонил Он небеса и сошёл…» Глаза продолжали читать, но мысленно я представил, как это выглядит – наклонённые небеса. Это было величественно и красиво! «И воссел на херувимов и полетел, и понёсся на крыльях ветра…»

Через несколько минут меня неудержимо потянуло в сон. Это называется «срубило». Прежде так иногда случалось, когда я просиживал в конторе двое суток без сна. Да, в этот раз я не выспался в поезде, но ведь не двое суток бодрствовал? Тут дело было в ином. Что-то во мне противилось чтению. Я захлопнул книгу, но через мгновение снова открыл. Надо взбодриться. Достал из кармана кислое яблоко, прихваченное из чулана, и надкусил. От оскомины меня перекосило, но зато полегчало. Продолжил.

«И будет он как дерево, посаженное при потоках вод, которое приносит плод свой во время своё и лист которого не вянет; и во всём, что он ни делает, успеет». Дочитав до этих слов, я остановился. Они зацепили меня, даже вызвали что-то вроде досады. Мне почему-то представилась ива у реки, которую я видел сегодня днём, – дерево у потока, но с каким трудом оно пробивалось к воде через высокий кустарник… А если не «у потока»? Разве дерево само выбирает, где ему вырасти и упасть? А помнишь, Витя, как по весне мы прыгали по брёвнам в половодье? Только поставишь ногу, как бревно начинает проворачиваться, и, если не успеешь тут же перепрыгнуть на следующее, – рухнешь в ледяную воду. По реке несло всякий хлам, какие-то вымытые из земли заборы бочки. И деревья несло, с крохотными весенними листочками на ветвях. Их подмыло на берегу, «при потоках вод», и тащило откуда-то с верховий, но они ещё не осознавали, где они и какова их участь… Эх, Витька, где наше лихое, но счастливое детство? И какой мы с тобой, Витька, принесли плод? Жалко, что в строительстве своей «Надежды» ты так и не продвинулся дальше шпангоутов. Жалко твою мать, оставшуюся одной-одинёшенькой на белом свете. Даже эту твою каменную голову, которой ты так и не сделал рот, тоже жалко. До всего этого дело было только тебе.

Но ты, наверно, хочешь спросить меня о том же самом? Жалеешь меня? Где мои мечты? Если б знать… Оба мы с тобой деревья, пересаженные в чужую бесплодную почву, далеко от реки.

У меня возникло странное чувство, будто чтение этих малопонятных строк прорвало какую-то невидимую пелену между мной, живым, и им… тоже живым. Во всяком случае, слышащим меня. И теперь я мог обращаться к нему, как в юности: задавать вопросы прямо и не ждать пощады в ответ.

* * *

Я снова вспомнил ту нашу роковую поездку на Север. Через день или два после происшествия, когда «Жигули» ещё сохли во дворе маленькой деревенской больнички, мы втроём прогуливались вдоль береговой кромки. Витька каждый вечер так гулял у моря, а мы просто прилепились к нему в тот раз. Шли, пиная камни и ракушки, Эдик вспоминал афоризмы великих о природе.

В километре от деревни, увязнув в песке, лежала кокора размером с мачту, бывшая некогда большим деревом. Скорее всего, её выбросило море. Когда-то весной, сотню лет назад, молния расщепила ствол, а река подмыла корни – и этот огромный ствол с короной из корней вынесло в море, а во время последнего шторма оно вышвырнуло его обратно. Возвратило корягу без одежды, выскобленную, точно скелет, отбелённую солёной водой, с разглаженными морщинами. Побывав в пучине, древо явилось в новой смертной красоте: ствол оделся в погребальные облачения пепельного цвета, а корни, некогда питавшие крону, очистились и уподобились божественной красоте кораллов – в их сплетениях проявилась некогда незаконченная, недоступная человеку подземная мысль. И всё же в своём смертном достоинстве дерево оставалось собой, то есть деревом, каковым прожило около вод всю свою сознательную жизнь.

Подойдя ближе, мы остановились и стали разглядывать это произведение природы.

– Напоминает гигантского кальмара с раскинутыми щупальцами, – заметил Эдик, обойдя вокруг. – Я видел однажды такого на берегу Охотского моря, его выбросило в шторм.

– Ну уж нет! – неожиданно горячо отреагировал Витя. – Кальмар – это склизкая плоть, очень противная… А это дерево – оно же давно не от мира сего, оно как древний монах на молитве. Смотри, как оно строго держит руки. Живая плоть на такое не способна.

– Его подработать, убрать лишнее, как сказал бы Роден, и получилась бы интересная фигура, – Эдик отломил от корня несколько торчащих ответвлений.

– Прекраснее самой природы ничего не может быть, и то, что она создаёт, несравнимо по красоте с делами рук человеческих, – задумчиво сказал Витя. – Это как совершенная картина мастера. Подрисовывать на ней – только портить. Вот скажи, почему созданное природой так прекрасно? – обратился он ко мне.

– Потому что сама природа такая… красивая, – ответил я.

– Нет. Природа бывает страшна… Человек тоже бывает страшен, но при этом внешне он может выглядеть как все, ничем своего ужасного нутра не показывая. Внутри – один, а снаружи – другой. А у природы любое творение равно себе и внешнее полностью выражает внутреннее существо. Тем она и прекрасна.

– Человек, выходит, не природа?

– Выходит, так. В природе волк – он и есть волк. А человек может быть и волком и ангелом одновременно. Поэтому человеку невозможно сделать хоть что-то, что бы равнялось ему. Не говоря о том, чтобы сделать что-то больше самого себя.

– Почему? А великие творения мастеров?

– Нельзя быть разделённым в себе и сделать что-то больше себя, – настойчиво повторил свою мысль Витя.

– В общем, как один мудрец сказал, всё суета и томление духа, – вставил Эдик. – А нет ли у вас, господа хорошие, желания искупаться в море?

– А как насчёт околонулевой температуры? – заметил я.

– Боитесь, значит?

– В Поморске я бы в реке в это время искупался, но не здесь.

– В нашем городке с морским именем мы жили в трёх километрах от моря, совершенно не понимая его стихию, – вдруг сказал Витя. – Да и не интересуясь даже. Помните ли, когда наша компания в Поморске распалась? Вы уехали в город, а я тогда записался в мореходную школу. Летом мы ходили в море на учебной шхуне. Свист ветра в снастях, скрип палубы, ночной шорох воды за бортом… Вот тогда я понял, что море – это моё.

– Ну и правильно, мы – речные люди. Что тут плохого?

– Плохого ничего. Но разница есть. Река – это когда видишь движение, процесс, а окончательной цели не видишь и не знаешь.

– Поэтому ты сюда, на край земли, и приехал? Зов стихии? Окончательная цель?

– Да, иногда я слышу, обычно по ночам или когда вот так вечером хожу тут один, будто кто-то зовёт меня оттуда, – задумчиво сказал Витя, глядя в пустынную даль, но тут же встряхнулся и зачерпнул ладонью песок. – Вот смотрите: песок. Камень со временем превращается в такую каменную крупу, вода сносит её в океан. Если вдуматься, всё, что существует в мире, и что в океан попадает с других планет, и что мы производим, – всё оказывается в конце концов на дне. Даже вот огонь, казалось бы, независимая властная стихия. Но то, что поглотил огонь, всё равно в виде пепла оседает в глубинах океана. В конечном итоге и нас, распавшихся на частицы, тоже выносит туда.

– И душу тоже, по-твоему, сносит в океан? – усмехнулся Эдик.

– Где оно, убежище всех душ? Вот говорят, на небе. А может, на дне океана? Мне иногда кажется, что море знает всё и содержит всё. Но оно так же, как священник хранит тайну исповеди, должно молчать.

И все трое мы замолчали, глядя в пустынную даль и думая каждый о своём. Витя, стоя рядом с кокорой, гладил её ствол.

Первым не вынес молчания Эдик:

– Да, понимаю: стихия, царство смерти. Поживёшь тут, каждый день глядя в пустоту, неизвестно, какие мысли в голову полезут…

– Нет у смерти никакого царства… – оборвал его Витя раздражённо. По-видимому, его окончательно достало псевдоглубокомыслие Эдика. – Тем более море – оно вообще непричастно смерти.

– Как это нет? Разве не утонули в нём бесчисленные рыбаки из вашей деревушки? Ты же вчера сам рассказывал жуткие истории о сгинувших. И потом, разве позавчера море нас не пыталось утащить к себе на дно?

– Море – это стихия, которая смерти не повинуется, – упрямо повторил Витя.

– А чему оно подчиняется? Это даже интересно, – Эдик наставил пистолетом на Витю указательный палец.

– Той высшей силе, которая сильнее иных прочих сил и сила над всеми силами. Той, что всё создаёт и истребляет и не имеет собственного имени. Море – это хаос, а смерти хаос не по зубам. Она является только за рождёнными, за организованными существами, за организмами. Смерть вообще существо зависимое, даже жалкое. Старая слуга на посылках.

– Слуга? И чья же?

– Сидит и ждёт распоряжений, – развеселился вдруг и Витя. – Представь: такое огромное здание до небес, в котором решаются судьбы мира, совсем как в областной администрации, где ты служишь, только в сто раз больше. Ну и отдел внутренней политики там тоже есть, – это Витя подцепил Эдика, который как раз возглавлял отдел с таким нелепым названием. – В этом здании, разумеется, вершится много разных дел, полезных и бесполезных. В коридорах суета и томление духа. А на последнем этаже два кабинета. В коридоре у дверей приёмной вдоль стены – лавочки, на одной из них, ссутулившись, сидит глухая старуха. Тут дверь одного кабинета открывается, выходит секретарша вся в белом, выносит от своего начальства распоряжение. Старуха кряхтит, встаёт – глядь, а это же Смерть – ей предписано идти за чьей-то доброй душой. Возвращается старуха, а тут из соседнего кабинета выходит секретарь в чёрном фраке с бабочкой – снова предписание от завотделом, и снова надо собираться, на сей раз за грешником. И попробуй не выполни приказ! А внизу, в фойе, просителей толпа, их привратник не пропускает – все со взятками да слёзными просьбами к матушке-смерти, в основном об отсрочке хотят просить. И не знают они того, что она сама глухая и подневольная, – суеверно пытаются договориться с ней, задабривают её всячески. И что, если уж на то пошло, надо с её хозяевами договариваться…

– С дьяволом, что ли, договариваться? – хмыкнул Эдик. – Ну ты даёшь!

Что в тот момент было неуместнее: легкомысленные пошлости Эдика или этот жутковато-юморной взгляд Вити на жизнь и смерть? Может, поаккуратнее надо было о костлявой-то? Есть вещи, о которых нельзя вслух. В конце концов, тогда мы все уже читали о том, что смертность человека – это только полбеды, а настоящая беда в том, что человек порой внезапно смертен.

– Слушай, Витя, я анекдот знаю, прямо про тебя, – Эдик, по-видимому, решил отыграться на Витьке за шутки про свою контору. – Умер в деревне бобыль, повёз его пьяный тракторист на кладбище. По дороге тело вывалилось из гроба. Следом ехал грузовик и переехал тело. Шофёр испугался, решив, что задавил живого человека, подъехал к берегу и выкинул труп в воду. А тут мимо браконьеры проплывали, видят – тело плывёт. Решили, что катер его винтом убил. Вытащили и возле дерева посадили. Вечером идёт мужик и в темноте ему показалось, что это медведь, ну и выстрелил. Подошёл и видит: человека подстрелил. Повёз его в деревню, в амбулаторию. Сидит ждёт в коридоре. Через час выходит

такой весь уставший доктор Матафанов и говорит: «Если б вы хотя бы на несколько минут опоздали, медицина была бы бессильна!»

Я понимал Эдика: он вовсе не был пустомелей, каким часто казался. Как-то он поведал мне своё кредо: никогда не грузить других своими проблемами, настроением и мечтами – для собеседника ты должен быть легче, чем он для тебя. Не всегда у него получалось следовать своей установке, его высказывания порой были стёртыми, как ходячие монеты, а поступки казались дурацкими, но после каждой нашей встречи я обнаруживал не без удивления, что в очередной раз ничего не узнал о нём – чем он жив и болен. Если Витька из себя был одно содержание без формы, то Эдик приносил всегда с собой только оболочку, а все тяжёлые внутренние сомнения, проблемы, страхи он держал где-то в спрятанном от посторонних глаз прочно запертом сейфе.

– Бородатый анекдот, – вздохнул Витя. – Но по сути верный. В общем-то, так тут народ и живёт. И умирает так же нелепо.

Мы побрели дальше.

– …Понимаете, – наконец прервал молчание Витя, – человек – существо трусливое, шальное, вдобавок, как правило, болезное. Но когда он причастен к чему-то великому, то становится больше самого себя. Здесь, в деревне, живут на самом деле великие люди, потому что они не отделяют себя от тайги, от бесконечной тундры, пропахли морем и рыбой. Эта слитность с миром вокруг – она очень меня поддерживает, потому что даёт спокойствие в те моменты, когда вспоминаешь, что в конце концов всё пойдёт прахом, ты умрёшь и тебя забудут. Но маленькое внутреннее «я» наше, слабое и зависимое, втайне жаждет отклика от этого великого покоя вокруг. Пусть не одобрения, но признания причастности хотя бы.

– Ты же сам говорил, что море должно молчать, – напомнил я.

– Да, но даже и молчание моря – оно царственное и может вдохновлять. Вдохновлять на короткое время, но не добавлять сил… Вот сколько я уже живу тут, у берега, я люблю его и всё жду, что оно ответит мне каким-то знаком. Но никаких знаков пока не увидел. Оно молчит.

– Может, вы просто говорите с ним на разных языках? – предположил я. – Вон, слышишь, как шумит прибой. Может, это тайный язык?

– Нет, шум волн – это его вечный разговор с самим собой… Тут дело, скорее всего, во мне. Может, море на самом деле знает о моём раздвоении, что моё настоящее «я» хочет одного, а душа – другого.

И, подумав, добавил:

– А плоть – третьего? А ведь море ревниво…

– У тебя уже совсем крыша поехала, – раздражённо прервал Витьку Эдик. – Ты уже превратил вот это, – он кивнул на пустой горизонт, – в ревнивую женщину, в живое существо!

В этот момент я тоже глянул вдаль и увидел, что на горизонте показался смутный абрис какого-то корабля, кажется, военного. Он явился из ниоткуда и бледной тенью, призраком завораживающе-беззвучно двигался на восток, оставляя за собой струю дыма. Витька быстро разделся, зашёл в воду по пояс и нырнул. Я тоже подошёл к воде, потрогал её и поёжился, глядя на него: вода на самом деле была ледяной.

– Уф, окурнулся хоть для свежести мозгов… – Витька, весь продрогший, яростно обтёрся футболкой. – Я вот подумал: а может, этим случаем оно хотело мне что-то сказать важное?

– Когда нырял, на дне услышал? – съязвил Эдик.

– Нет, я про случай с машиной твоей. Заметьте: моряна явно хотела проглотить вас и её тоже. А мне пришлось вас цеплять, чтоб машину оттащить. Ну то есть…

– Так это ты про Верку!.. – засмеялся Эдик. – Я давно говорю, что тебе жениться надо. А то тут в одиночку с ума сойдёшь. Сначала выполни свой природный долг, так сказать, а уж потом морзянку из-под воды принимай. Я недавно твоей матери звонил, так она у меня по секрету спрашивала, нет ли у тебя какой девушки. По всему видно, заждалась тётя Маня внуков.

– А ты тоже так думаешь? – Витька повернулся ко мне.

– Ну, в общем-то, вряд ли можно считать нормальным, что тебе скоро тридцать, а девушки у тебя как не было, так и нет…

– Ты действительно считаешь, что это ненормально? – переспросил Витя.

Я пожал плечами и отвернулся. Тень дымившего корабля на горизонте исчезла, и море снова было пустынно и блестело, словно металл.

* * *

Видимо, всё в те дни сложилось одно к одному: и заброшенность Витьки в этой далёкой заполярной деревеньке, и его одиночество, и мысли о дальнейшей судьбе, а кроме того, знаки, но не моря, а те знаки внимания, которые Верка, как обнаружилось, уже начала оказывать ему.

Тюха-Матюха потом увёз её в город, и она лежала там в больнице с воспалением лёгких. Он несколько раз съездил к ней, и всё закрутилось очень быстро, так что к зиме они уже расписались. Витька приглашал меня на свадьбу, но приехать я не смог, не вспомню уже почему. Вообще эта пара казалась мне очень скособоченной – слишком разными они были: он – сухой, способный неделю не произнести ни слова, проглотить книжный фолиант за день и совсем не есть мяса; она – пышнотелая, то и дело переспрашивающая «а чо?», любившая пельмени и индийское кино. Можно было даже поверить в то, что она, как человек практичный, любила его каким-то особым образом. Говорят, противоположности сходятся. Но это был не тот случай.

Вскоре после свадьбы мы случайно с Витькой встретились в городе и пошли посидеть в том самом кафе «Чайка» на набережной, впрочем, тогда оно уже называлось по-другому.

– Зачем ты женился? Ведь ты её не любишь! – сходу ляпнул я.

– Да! – с вызовом ответил он.

– Неужели ты и вправду подумал, что тогда, во время прилива, тебе был дан какой-то знак с Веркой?

– Не было никакого знака. Не в этом дело…

– А в чём тогда? Может, тебе странно слышать от меня такие слова, потому что раньше я всё нашёптывал: женись! Но тут же совершенно ясно, что вы не подходите друг другу. Если можно отыскать на свете две несовместимые противоположности, так это вы и есть! И по тебе видно – то, что ты к ней испытываешь, что угодно, но не любовь…

– А ты думаешь, что любовь – это такая стрела купидона, которая разом поражает в сердце, и всё? Так не бывает. Точнее, бывает, может быть, но у меня другое. Любовь – она бывает не в начале, а в итоге. Её заработать надо усилиями и трудом, иногда мучительным.

– Послушай, труд – это замечательно. Не подумай, что я за легковесные отношения, нет… Но труд нам нужен, чтобы сохранить себя в этом мире, добывать какие-то необходимые ресурсы. Труд, может быть, самое главное для человека. Но он нужен, чтоб выживать. А любовь нужна, чтобы жить. Понимаешь?

Витя несогласно замотал головой:

– Сама любовь – это постоянный труд! Я говорю не о труде ради копейки, а о труде над собой, над своей душой!..

Далее Витя продолжил про то, как у своей второй половины можно «заработать любовь» (видимо, он всё-таки подозревал, что Верка его не любит), и говорил сначала тяжело, но потом всё увереннее, а затем разгорячился так, что я уже не мог его остановить, пока он не высказался весь. Я слушал Витьку и думал, что был, по-видимому, какой-то провал в моём восприятии его, какой-то особый период в развитии его мировидения, который я пропустил. Это как едешь в поезде среди полей, прикорнул под стук колёс, а открыл глаза – за окном дремучий лес.

Я не знал тогда, что ответить на его правильные рассуждения о том, что любовь – это труд, что это взаимный труд, что терпение и милосердие – главные её составляющие. Не знал, как ответить на эти замечательные слова, не имевшие отношения к живой жизни.

Я не знал тогда, что любовь – это огонь. И что огонь настоящей любви, впервые вспыхнувший в человеке в незапамятные времена, был явлен с небес. И с тех пор он передаётся-зажигается от другого огня, от искры, даже от тлеющего уголька сердца. А ещё этот огонь может вспыхнуть в душе случайно – от луча солнца, отразившегося в осколке бутылочного стекла. Но ведь это же, по сути, тоже огонь от огня. Конечно, можно попытаться добыть огонь, как древние люди, с помощью палочки и трения – наверно, есть и ныне такие мастера. Но я не встречал.

И ещё: я не знал, что любовь – она как болезнь. Болезнь заразная, притом ты можешь болеть несколькими её видами сразу. А один раз переболеешь, и, если не умрёшь, она навсегда поселяется в тебе. И незримо живёт в тебе, циркулирует в крови, прокачивается через сердце, насыщается дыханием лёгких. Чтобы не заболеть к смерти в следующий раз, надо принимать лекарство – да, есть специальные лекарства! – надо следовать предписаниям доктора и вести себя правильно. Если заболеешь снова – да, всё пойдёт по второму кругу, можешь снова сбить симптомы, но шансов выжить будет меньше.

И ещё: я не знал, что нужно быть осторожным. Потому что любовь как цветок, она распускается на солнце и источает тончайшие ароматы, влечение к которым подобно помешательству. И его тоже не избыть. Ощутив этот аромат однажды, его никогда не забудешь, и жизнь твоя станет иной: идя по многолюдной улице, вдруг почувствуешь этот до боли знакомый дух – и тогда всё: планы, труды, обязательства, успехи, собранное, начатое, завершённое, заветное, – в мгновение всё это теряет всякий смысл. Случается это весьма редко, но неведомо, существует ли какое-то спасение от этой напасти. Говорят, проходит само. И лучшее лекарство – это время. Но на самом деле единственное лекарство – это смерть.

Всего этого я тогда, слушая Витю, не знал и потому в ответ просто промолчал.

* * *

Мы как-то ещё собрались втроём – в последний раз. Это уже случилось вскоре после его развода. Я приехал по каким-то делам из Москвы, Витя – из своей деревеньки, а Эдик, как обычно, был на месте, но смог выкроить лишь пару часов. И в обеденный перерыв мы сидели в ресторанчике на набережной. Дул холодный ветер, и вообще было довольно промозгло – наверно, это происходило осенью или весной. Глядя на нездоровое, осунувшееся лицо Витьки, я уже тогда подумал, что с ним происходит что-то не очень хорошее.

Что долго их брак не продержится, мне стало ясно, когда вскоре после свадьбы он снова уехал в свою деревню дорабатывать по контракту, а Верка не поехала с ним, оставшись в его городской квартире. После этого какое-то время длился, можно сказать, пе-

реходный период к краху, когда весы склонялись то в одну сторону, то в другую. Она ездила к нему в деревню, пекла там блины и говорила, что хочет ребёнка, потом уезжала, а он ехал за ней, вёз ей в подарок копчёную рыбу и уговаривал вернуться и потерпеть ещё немного. Но, по-видимому, говорил он это так, что она в конце концов всё поняла. Дело было не в ней, а в нём: он просто не смог полюбить её. Она это почувствовала, обиделась и решила его наказать. Так Витька остался без квартиры.

В разговоре он постоянно возвращался к этой больной теме – видимо, у него ещё не отболело. Не к тому, что остался без жилья, а к тому, что остался один. Говорил, что был против развода, но никакие его уговоры не помогли: «Наверно, просто она нашла себе кого-то». Но это было не так. Она, конечно, нашла себе кого-то, но только не до развода, а после. Такие, как Верка, не могут долго жить в одиночку. Но Витька этого не хотел понимать: он постоянно прокручивал в своей голове последовательность событий, начиная с происшествия с утонувшими «Жигулями», и во всём искал свою вину.

– Знаешь, почему, когда вы уехали со своей «копейкой» на прицепе, Вера осталась? – спросил он меня.

– Заболела, она же сама говорила.

– Нет, она осталась ради меня. Потому что мне было плохо. А вы уехали.

– Я что-то не заметил, что тебе было так плохо, – отозвался Эдик. – В ледяном море купался, не кашлял особо, температуры у тебя не было. При этом ты уже тогда, при нас, завёл с ней шуры-муры.

– Да я не о температуре! Тогда у меня было такое состояние, когда я не знал, за что ухватиться в жизни… Вот тогда я её и принял – за доброе сердце, за готовность помогать мне.

Эдик хмыкнул:

– Всё гораздо проще. Вообще, если хочешь решить какую-нибудь задачку или что-то понять, нужно её упростить. Это правило математики, но оно применимо и к жизни. И вот я подозреваю, что и поехала-то она с нами только потому, что хотела посмотреть на тебя: годишься ли на что, стоит ли жертвовать своей будущей жизнью ради квартиры в центре города. Поглядела – годный. И решила тебя подобрать…

Витька нахмурился и глубоко втянул воздух, и я понял, что в нём начало закипать. Не хватало только, чтоб они тут поссорились.

Я поспешил перебить Эдика:

– Мне кажется, Витя, он вот что хочет сказать: любят ни за что, а просто так. Влюбляются и любят безо всяких на то логических оснований. И рядом при этом не замечают, может быть, более красивых и умных. А вот разлюбляют за что-то.

Витя опустил голову и задумался:

– Пожалуй, ты прав. Между нами оборвалась какая-то нить, понимания не стало. Вот она меня и разлюбила.

– Это, дорогой Витя, всё выдумки: «нить», «понимание», – опять влез Эдик. Сегодня он принял на себя роль разоблачителя. – Надо было просто жить вместе. Ты должен был обеспечить комфорт – а больше Верке, как всем женщинам, ничего и не нужно было.

– Странное понимание семейной жизни. Просто комфортно жить в квартире можно и с кошкой.

Пришлось мне опять поправлять Эдика:

– Он хотел сказать, что нужны определённые условия… То есть неналаженный быт, например, убивает любовь. Любовь, как и цветок, требует ухода.

– Ты же сам сказал, что любят ни за что.

– Это так, да. Но у женщин наоборот. Влюбляются они ни за что, любят за что-то, а разлюбляют просто так. Как там? – «она его за муки полюбила, а он её за состраданье к ним…». Но эта история, как ты помнишь, не очень хорошо закончилась и для неё, и для него.

– Это слишком сложно для меня, – усмехнулся Витя, заметив, что я запутался. – Отношения всегда были для меня тёмным лесом.

– Когда женишься ради «понимания», другого нечего и ожидать, – сказал Эдик. – Женятся, чтобы рожать детей, клеить обои, готовиться к старости. У женщин интуиция развита значительно сильнее. Потому ты зря думаешь, будто для Верки было тайной, что сначала у тебя «идеи», потом «служение», а она непонятно на каком месте. Даже твоя шхуна для тебя была важнее. Подозревала, что сядешь ты в один прекрасный день на свою «Надежду», ей не сказавшись, развернёшь парус – и ищи-свищи тебя. А такие, как она, хотят быть на первом месте. Надо было это понимать, когда женился. Эх ты, Тюха-Матюха… – Эдик хлопнул рукой по столу. – Однако засиделся я тут, а мне уже пора на совещание. Гуд бай, ребята, увидимся.

Он ушёл, а мы заказали ещё по сто.

– Вот скажи мне, чего ей надо было? Ведь заработанные деньги я ей посылал, себе почти не оставлял…

– Деньги, конечно, это важно. Но ты скажи мне сам: а тебе-то вообще кто-нибудь нужен был?

– Что значит «нужен»?

– Ну то есть не для того, чтобы заботиться или, например, вместе детей растить, дом содержать… А вообще, чтоб жить? Как бы тебе по-русски объяснить… Вот скажи, ты когда-нибудь сильно любил?

– Конечно. Я маму сильно люблю.

– Это само собой. Но ты же понимаешь, о чём я…

– Если ты про женщину, то да, был влюблён. Но очень давно.

– А в кого? Я её знаю?

Я видел, что Витька, наконец, готов говорить откровенно, что случалось с ним крайне редко. На моей памяти из своей внутренней берлоги, где прятался от яркого света, он выходил лишь пару раз, и один раз это случилось тогда, на берегу Белого моря, – тогда ситуация как-то располагала. А теперь ему самому захотелось рассказать – он словно почувствовал, что видимся мы в последний раз, и потому я превратился для него в случайного пассажира, которому можно излить душу и забыть об этом навсегда.

– Вряд ли знаешь. Хотя, скорее всего, встречал. Ведь она из Поморска.

– Отлично, я знаю Поморск…

– Это ты когда выпьешь двести граммов, тогда знаешь. На самом деле ты ничего не знаешь, потому как там сто лет уже не был. Время я, разумеется, исчисляю не по официальному календарю, а по нашему, поморскому. Ты просто росток, отрезанный от ствола растущего в лесу дерева и пересаженный в горшок.

– Так уж и в горшок?

– Именно в горшок, потому что у вас там, в столице, всё растёт только в горшках. Но запомни, дикие растения в горшках живут недолго и печально…

– Ты же сам не бывал в столице лет сто… по твоему поморскому времени. Ну да ладно, ты не уходи от темы. Она до сих пор там живёт?

– Да, там. И она необыкновенная! Ты мог видеть её в школе, она училась с нами, но на несколько лет младше. Я был в шестом, а она в третьем – в общем, мелюзга. Таких не за-

мечают просто. В школе три года – это огромная пропасть. А я почему-то уже тогда приметил её. Она отличалась от других, была как будто старше их на голову. То есть она реально была их выше, но ещё и выделялась каким-то спокойствием. Все дети бегают сломя голову, а она стоит, смотрит на них, улыбается, будто мама. Никак не получалось познакомиться поближе, знаешь эту неловкость – старшекласснику якшаться с мелюзгой… А потом я уехал в город. С восьмого класса она подрабатывала, потому что их бросил отец. Поступила в университет… Но потом никуда не уехала, хотя могла. У неё мать болела, и она ухаживала за ней.

– А ты откуда всё это знаешь, ведь ты же уехал из Поморска?

– Я приезжал домой к маме, узнавал про неё и от знакомых.

– Так обычно узнают про бывшую… *(Витька нахмурился.)* Шутка. Не обращай внимания.

– Я и саму её встречал. Мы были шапочно знакомы, но сблизиться по-настоящему не получалось, она вокруг себя какую-то зону отчуждения создала. Не только от меня, вообще от всех. Может быть, кроме нескольких подруг. Погрузилась в уход за матерью, в своё хозяйство, книжками обложилась. К тому времени она уже выросла в настоящую красавицу. Ты бы видел, какое у неё открытое, умное лицо! Таких лиц больше нет в Поморске.

– А дальше?

– А что дальше? Меня текучка затянула: учёба, потом служба, работа. Когда я уехал на Север, она как раз, отучившись, вернулась из Москвы – мне мама об этом писала. Жила сначала в Поморске, а потом переехала к матери, в Заречье…

– Так она ещё и рядом жила?!

– Да, и я как-то приехал к маме, встретил её, мы даже успели поговорить немного…

– Ну и?.. Она теперь замужем?

– Вроде бы нет.

– Отлично. Но тогда почему сейчас ты не там, не рядом с ней? Зачем эти твои подвиги в тундре?

– Видишь ли, я не уверен… – он потупил взгляд и налил себе ещё.

– В чём ты не уверен? Если не уверен – приди и уверься! Нельзя же без конца оставаться тряпкой! – я тоже был уже порядочно выпивши и потому не очень-то подбирал слова. – С какого такого момента ты решил жизнь свою погубить? Тоже мне, Крузенштерн нашёлся!

* * *

…Я снова открыл книгу. «Господи! услышь молитву мою, и вопль мой да придёт к Тебе. Не скрывай лица Твоего от меня; в день скорби моей приклони ко мне ухо Твоё; в день, когда воззову, скоро услышь меня; ибо исчезли, как дым, дни мои, и кости мои обожжены, как головня; сердце моё поражено, и иссохло, как трава, так что я забываю есть хлеб мой; от голоса стенания моего кости мои прильнули к плоти моей. Я уподобился пеликану в пустыне; я стал как филин на развалинах; не сплю и сижу, как одинокая птица на кровле…»

В этот момент на пороге показалась тётя Маня:

– Пойдём, Надя уже постелила…

Я шагнул за ней, но на мгновение задержался: мне неудержимо захотелось глянуть на себя в зеркало. Единственное зеркало в простенке оказалось завешено. Я осторожно отогнул уголок ткани. Но из-за темноты в комнате сложно было что-то разглядеть.

По улице с редкими фонарями мы шли минут пять. Корыто для мытья обуви, метла, коврик возле крыльца. Типичный портал в жилище одинокой женщины. «Чего закрылась?» –

вздохнув, пробурчала тётя Маня. Стукнула в дверь ещё раз и, не дожидаясь, пока откроют, махнула устало и отправилась восвояси.

Дверь открыла женщина лет тридцати, в очках, как и положено «библиотекарше». Есть такой правильный, даже красивый тип лица: строгий овал, тонкий удлинённый нос, большой лоб, прямые волосы, – с такой не решишься познакомиться на улице, а мысль пофлиртовать и вовсе покажется непристойной. А ещё выражение лица… Я попытался запечатлеть: сосредоточенное – нет, внимательное – тоже нет, умиротворённое, сдержанное – нет. Всё вместе и всё не то.

– Здравствуйте, меня отправила… – начал я.

– Я знаю, проходите. Располагайтесь, а сама я сейчас пойду поищу мою Мяуку. Днём убежала, но до сих пор нету. Она обычно к реке бегает.

– Я тогда с вами. Можно? Хочу перед сном прогуляться…

Надежда шла по дощатому тротуару, то возникая в свете фонарей, то исчезая в темноте, ступая уверенно, будто знала каждую доску, а может, действительно знала. У спуска к реке стоял последний уличный фонарь – он не столько светил, сколько испуганно вглядывался в чёрную бездну оврага по соседству. Под фонарём Надя остановилась и оглянулась:

– Я к реке спущусь, а вам, наверно, лучше подождать меня тут. По крайней мере, здесь светло. Дальше спуск к реке в темноте, можно упасть. Да ещё собаки бегают…

Она ушла, а я остался в круге света под фонарём.

Из оврага растекался ещё хранящий тепло майского дня воздух, настоянный на травах, густой и сытный; гниловатый запах цветущего боярышника смешивался с нежным ароматом шиповника, но их перебивал наплывавший волнами неистовый черёмуховый дух. Где-то в посёлке топили печь, и струйка благовония от горящих в печке берёзовых полешек вплеталась в упругий запах преющей земли. Голова шла кругом от этого пиршества весенних благоуханий. Всё-таки у запахов какое-то особое право на человека. На чистых страницах человеческой памяти запахи пишут своё, не спрашивая разрешения. Я полной грудью вбирал этот воздух, ещё не понимая, что он входит в меня навсегда и, быть может, меняет не только в душе весь её строй, но даже расположение звёзд на небосводе.

А когда я наполнился ароматами, тогда услышал звуки вокруг. Чириканье, скрип, бульканье, стоны, рокочущее уханье филина, отчаянное, точно на рояле, всех перебивающее глиссандо какой-то нахальной пичуги – всё это оглоушило. Как я прежде мог не слышать этого, прожив больше четырёх десятков вёсен?! Зато теперь в награду оказался единственным в целом свете слушателем этого восхитительного концерта, ещё не достигшего, как оказалось, своей высшей точки. Но вот наконец над всем этим мелкоперым горластым множеством, над залихватской квадрофонией вступил со своей сольной трелью соловушка, такой одинокий этой ночью, что показалось – он не поёт, а молчит своим пением, точно скала среди бушующего моря. «Почему он здесь один? – подумал я. – А если он один, зачем он поёт ночью, для кого?..» Сделав несколько колен, соловей замолкал, как бы давая возможность вступить хору иных пичуг, а потом снова начинал цокать, щёлкать и заливаться – всё это можно было слушать бесконечно.

А Нади всё не было. Я решил спуститься к реке.

От воды тянуло сыростью, но казалось светлее, чем у оврага: там ты находишься на свету, зато глубже темень, в которую вглядываешься. А возле реки самая глубина ночи уже была пройдена: где-то далеко на севере холодила румянцем заря, такая водянистая и бесплотная, что её лёгкости хватало на весь небосвод и невозможно было уловить, где звёздная синь ночи переходит в свежесть утра. Река ещё полноводила: кое-где в кустах у берега

стояла вода, мусор застревал в пене, медленно кружил в суводях. Два бакена – красный и белый – сонно перемигивались между собой, у причала на другой стороне бледным призраком медленно разворачивало баркас, а в окошке водной станции горел тусклый огонёк – там дремал сторож, положив голову на стол. Цепочка фонарей на том берегу обозначала улочку, по которой накануне я спускался к реке. Отблеск зари на миг отразился в золочёном кресте колокольни и угас, заволакиваемый туманом. Вдалеке за городом несколько раз что-то глухо ухнуло, будто сработал паровой молот на кузне.

Из-за кустов за рекой послышались голоса: разговаривали двое, казалось, совсем рядом, но слов было не разобрать – он говорил с жаром и много, она отвечала редко и кротко. «Да это же любовники весны!» – подумалось отчего-то радостно. С реки донеслись всплески и глухие стуки о борта лодки: это в темноте рыбаки растягивали сеть. Потом всё стихло, остались только таинственные всплески в стремительных водах реки, а сама она постепенно укрывалась дымкой тумана. Вся природа успокоилась над книгой ночи. «День дню передаёт речь, и ночь ночи открывает знание», – вспомнилось мне. Небосвод беззвучно расчерчивал розовый инверсионный след самолёта, словно подчёркивая состояние глубочайшего равновесного покоя в природе.

Боже, как же я люблю всё это: эту реку, и фонарь на берегу, и овраг, и переливы птиц, и дурман запахов майской ночи, и город на том берегу! А может, люблю себя, свою радость здесь и сейчас, но ведь это то же самое. Родство даёт силу, а сила приносит покой.

Всё, что было рядом, теперь пребывало и во мне, и воцарилась равновесность: ласкового тепла и волглой промозглости, света и сумрака, радости и молчания, зарождения и нежити. Может, именно это мимолётное и обманное ощущение гармонии, установившейся на какие-то мгновения между жизнью и смертью, и освободило меня. Ощущение безысходности, навалившееся в доме тёти Мани, сожаления об упущенном и погубленном, об отжитом уже лучшем времени жизни – то, о чём я думал над гробом Вити, всё это перевернулось и в таком виде показалось мне мороком. Ведь и этот пернатый мир лишь на время снимается и улетает, чтобы потом обязательно вернуться, – так и люди уходят и возвращаются снова, так мы теряем и снова обретаем. Река высвобождается из-подо льда и летом пыхает в небо чудесными кучерявыми облачками. Ничто никуда не исчезает.

* * *

Наконец показалась Надя, держа в руках кошку. Вместе с ней меня достиг густой, до кашля, и пронзительно пахнущий сыростью туман – и я непроизвольно поёжился.

– Простите, вы, наверно, озябли? – виновато улыбнулась она. – А я вот всё Мяуку искала. А она под лодкой спряталась – и ни звука.

– Как вы интересно сказали: «мяука – ни звука».

– Пойдёмте скорее в дом, там вы согреетесь.

– Ничего страшного, я наслаждался запахом реки и пением соловья.

– Да, тут у нас в овраге поселился нынче соловей… Каждую ночь заливается, один почему-то.

– Может, потому и заливается, что один. А если б нашлась пара, занялся бы птенцами, хозяйственными делами и замолчал.

Надя усмехнулась, погладила кошку, и мы стали подниматься на угор. Возвращались по тем же деревянным пружинящим мосткам – и теперь её походка казалась мне не уверенно-целеустремлённой, а по-детски весёлой и в то же время изящной.

Зайдя в дом, она сразу поставила чайник на плиту, и скоро из носика уже валил пар. Меня она усадила возле окна. Между рамами на бумаге лежал шмель. Надя увидела, что смотрю на него, и зачем-то стала извиняться:

– Не обращайте внимания, пожалуйста. Не знаю, как он туда попал. Вторую раму я уберу, как только окончательно потеплеет. И между рамами тоже почищу.

Себе Надя чаю не налила, села напротив и, подперев голову рукой, стала смотреть, как я пью.

– Вы совсем как тётя Маня на меня смотрите… – не выдержал я и засмеялся.

– Ой! Я… простите, – она точно очнулась и тут же встала. – Пойду, не буду вам мешать.

– Нет-нет, пожалуйста, останьтесь!

– Вы пейте-ешьте, я всё-таки пойду.

– Надежда, это негостеприимно – бросать меня вот так, одного. Давайте я тоже вам налью чаю. Или, может быть, заварю кофе? У вас есть кофе?

– Есть, но я не буду на ночь, а то не усну.

– Чтоб уснуть, нужен коньяк. У вас есть коньяк? Вы простите, что я покушаюсь на ваши припасы. Но у меня сумка осталась в гостинице. Я, можно сказать, случайно сюда смог переправиться.

– Да, катер сломался, переправа не работает…

– Расскажите, что ещё здесь не работает?

– Телефон не работает, – она кивнула на стоявший в прихожей на тумбе старинный телефонный аппарат, какие прежде держали в совхозных конторах: увесистый, чёрный и округлый, как автомобиль «Победа». – Магазин не работает. Ещё на подстанции то и дело свет отключают… Вообще-то, мы тут никому не нужны, и люди потихоньку переправляются жить на ту сторону. Скоро совсем никого не останется.

– А вы останетесь?

Надя пожала плечами:

– Какой смысл? Наше Заречье – это ровно то, что будет с Поморском через какое-то время. Поэтому нет никакой разницы, жить на этой или на той стороне реки. Вот мы пойдём на кладбище завтра, и вы увидите, что там не пролезть между беспорядочно наставленными оградами, кругом грязь и хлам. Все требуют от властей навести порядок, а сами в родительскую субботу оставляют после себя горы мусора. Полгорода нигде не работает, а на субботник не затянешь – отвыкли и не хотят что-то делать руками. Заборы на улицах повалились, палисады заросли крапивой… А захочет кто сделать что-нибудь хорошее, полезное – помощников не найти. Или запрещено какими-нибудь дурацкими инструкциями.

– Это вы в связи с чем?

– Да в прошлом году хотели подправить часовенку на кладбище, чтоб можно было прямо там отпевать. Она почти развалилась, но, оказалось, её трогать нельзя – памятник. Сколько раз я слышала, как люди жалуются, что в нашем медвежьем углу совершенно ничего не происходит. Сочинили даже такое присловье: где родился, там и выгнил. Как вам? А спроси, чего не хватает: праздничных салютов, ярмарок с медведями на цепи, демонстраций и бунтов? – не ответят. Мне кажется, что люди страдают оттого, что не знают, зачем они вообще появились на свет. Дети уезжают из Поморска при первой возможности, их благословляют и даже выгоняют родители, обеспокоенные их «лучшей жизнью».

– Я понимаю этих родителей. Дело не в безработице. Люди убегают от запустения, чтоб самим внутри себя не запустеть окончательно. Это страх. Оставляют землю хиреть без присмотра не столько потому, что ищут лучшей жизни, а потому, что боятся худшей, боятся наступающей пустоты.

– …И попадают в пустоту больших городов. Меня всегда озадачивало, и я до сих пор не нашла ответа: почему большие города построены по принципу лабиринта. Проезды, тупики, проспекты, а по сторонам высокие дома – как стены… У меня прадед, считай, всю жизнь проработал на лесобирже в Петербурге, писал домой, как ему там тоскливо, но к себе туда семью не перевозил. «Нехорошо здесь», – писал. Дом в Поморске содержал в порядке, ещё и копанину в деревне постоянно расширял – надеялся, что приедет и возьмётся за плуг. Но так и умер в столице, там и похоронили.

– Обычная история. Знаете, вот только что мы были на берегу… Недалеко от нас проплывало дерево. Беззвучно, с поднятыми ветвями. Его вырвало из почвы наводнение. Перед тем как отяжелеть и пойти на дно, оно ещё долго зеленеет листочками. Дерево наверняка думает, что ещё живёт. А на самом деле его просто тащит течением…

– У меня иногда такое ощущение, словно мы живём при отливе. Славные времена, большие воды – они ушли, а на берегу остался всякий мусор, крабы на съедение чайкам, ракушки… И больших людей не стало, а остальные потянулись отсюда на запад, на юг. А ведь когда-то наши предки шли сюда, на север и северо-восток, из глубин континента. И не просто так они шли, что-то хотели найти… Искали царство, приготовленное им ещё до их рождения.

Есть такая легенда не легенда, а может, и быль про одного новгородца, жившего тысячу лет назад. Звали его Моислав. Отправился он со товарищи и своим сыном Яковом в море искать райскую землю на трёх баркасах. Долго их носило по морю, один корабль потонул, а два прибило к высокому берегу. Смотрят – а на скале изображение Христа, будто бы и не человеком сделанное, и от него свет исходит, и откуда-то из-за горы радостное пение слышится. Ждут: может, привиделось? Но нет, всё сияет и сияет, как говорит легенда, «бысть свет многочастный». Ну и решили скитальцы отправить разведчика на гору, чтоб тот заглянул за неё и узнал, что же там светится и кто поёт. Вот полез он на гору по щегле – это такое бревно с насечками в виде ступеней, по которым можно взобраться наверх. И когда он поднялся на гору, вдруг что-то увидел там, засмеялся и бросился туда, прочь от своих друзей и баркасов. Тогда товарищи отправили другого, строго наказав ему вернуться и рассказать об увиденном. Но и он не вернулся: забрался наверх, всплеснул руками, как бы от счастья, и убежал. А оставшиеся испугались и задумались: что же делать? Ведь надо же узнать, что там! И послали третьего, привязав верёвку к его ноге. Поднялся тот на гору, тоже всплеснул руками и побежал было, забыв от радости про верёвку. А товарищи сдёрнули его, притянули – смотрят, а он мёртвый. Поняли они, что нельзя человеку ни видеть эту радость, ни слышать пение-ликование. Собрались спешно и покинули тот берег, вернулись в Новгород, не стали искать новую землю… Вот такая легенда.

Она потрогала губы кончиком языка и облизнула их. В этот миг я понял, откуда эти губы, этот округлый лоб и этот тусклый взгляд исподлобья. Она только кажется современницей, ну, почти ровесницей, можно сказать, землячкой. На самом деле она не из нашего времени, дитя иной, искренней эры, семя из каких-то древних времён, пролежавшее в земле много веков. И сейчас, открывшись свету, именно потому так неуверенно чувствует себя и не может найти здесь себе применения…

– И я вот думаю, что этот третий, который поднимался по щегле с верёвкой на ноге, – это и был тот самый Яков, сын Моислава, – добавила вдруг Надя. – А повязал ему верёвку отец. Очень это по-нашему…

Мне представился тот долгий путь на северо-восток, которым шли наши предки, волоча за собой скудный скарб, истощая силы на переходах через топкие гати, вырубая проходы в буреломах и продираясь сквозь вековую деберь, умирая от голода среди молчащих

лесов, когда невозможно насытиться горькими грибами и водянистой брусникой и нет даже птиц в тридесятом царстве елей, подпирающих небеса. Шли, замирая ночами в круге света от костра, в страхе от горящих в темноте глаз, потому что огонь не спасает от медведя, чующего кровь; вскакивали и бежали в темноту, с хрустом ломая ветви и раздирая в кровь лица и ноги, но и там не было спасения от туземцев с белыми глазами и острыми стрелами из кости, ведомых своими духами, способных зреть в темноте. А ещё приступит странная болезнь, когда пальцами вынимаются зубы из дёсен или живот пучит в мерячной лихорадке. И страх, когда таёжный дух, поселившийся в неведомой большой птице, вдруг заухает и захохочет на вершине ели, а сердце провалится и замрёт в последнем ужасе и отчаянии, и захочется зарыться в землю или просто прислониться к стволу сосны и так, сидя с закрытыми глазами, умереть, стать землёй, почвой, деревом, травой, только не оставаться человеком. Однако всё-таки они открывают глаза и идут. Идут, пока не упрутся в кромку дышучего моря, но не испугаются и здесь, на краю, не остановятся, а только, поставив форпост на берегу, сошьют баркасы и двинутся дальше, туда, где рваный ветер разгоняет перекрёстные волны, а внезапные бури переворачивают баркас в считанные мгновения, и люди идут на дно, не успевая наложить на себя крестное знамение, – лишь полный рот слегка солёной воды, той самой, которую можно пить, но которой нельзя напиться. А на дне их, придавленных тяжестью воды, объест треска – её век короток, рыба снова станет водой, из которой вышла, и костяк привычно ляжет на дно. И когда наутро после бури воздух будет как вата, спасшиеся на крохотном островке не узнают по звёздам, где восток, чтоб молиться, и Бог не приметит их из-за густого тумана. А когда надежда станет напрасным грузом, тогда они соберут обломки своего корабля на берегу, чтобы поставить крест – для тех, кто следом пристанет к этому пустынному берегу и вот так же, лишённый надежды, но не веры, прочитает, быть может, их имена за упокой.

И тут я подумал, что да: такое безотчётное, если смотреть извне, многовековое до самозабвения стремление за край может быть, только если знаешь, куда идёшь. Возможно, первопроходцы и не смогли бы внятно сформулировать и показать пальцем на карте, потому что не имели карт, но в глубине души они знали, куда движутся. Они возвращались. Только потому и могли преодолеть все чудовищные трудности пути, безнадёгу, смерть детей и короткий век жён, что знали цель.

Они возвращались с берегов моря, где живёт червь неусыпающий и из глубин слышится скрежет зубовный, где чёрные василиски извиваются в прокалённых каменных ущельях и течёт кипящая река Морг, вода которой уходит в преисподнюю и вновь выходит наверх трижды за день, но колодцы давно пересохли; где обитают племена тёмных существ, похожих на людей, убивающих из любви к смерти, и где никогда не бывает тишины, потому что пространство заполнено густым, хитиновым стрекотом цикад и глухим воем машин.

Они шли на родину, словно под водительством Моисея, – в когда-то покинутый край, в надежде снова обрести его, приобщить к своему счастью быть и свету души те земли, где им было предписано судьбою пребывать; их, эти земли, надлежало заново открыть. И это было сродни возвращению в землю обетованную.

Но они слишком долго шли к этому радостному свету и, истощив силы, не дошли. Быть может, находились уже в двух шагах, и даже последнюю преграду на пути – горы – преодолели, до цели оставался только один рывок, последнее усилие, но злосчастная верёвка на ноге… эта самая злосчастная верёвка. Однако факт состоял в том, что путь не был пройден до конца – остановились, не дойдя, заветное отечество не было обретено. И не познали радости возвращения, не напитались этой радостью. И сделалось блёкло и скучно, и открылась пустота.

Я ещё раз взглянул на Надежду: но дело, может быть, не в достижении цели, а, весь смысл отчаянного пути в том, чтобы кто-то прошёл его рядом?

***

В комнату тихо, но уверенно вошла кошка и вспрыгнула Наде на колени. Она погладила её движениями рефлективными, бессознательными, ничего не вкладывая в эту ласку, – взгляд её был погружён внутрь себя.

– А где вы работаете, где ваша библиотека? – попытался разбудить её я.

– Почему библиотека? – она очнулась и облизнула губы.

– Как? Тётя Маня называет вас «библиотекаршей».

Надя засмеялась, я тоже. Она то и дело трогала пальцем и облизывала языком верхнюю слегка покрасневшую и опухшую губу – по-видимому, на ней собиралась выскочить простуда. Это смешило меня, но, впрочем, выглядело довольно мило. И вообще в нашем разговоре почти сразу возникло ощущение доверия и простоты, даже дружеской близости – будто говорил я со своей школьной подругой, перед которой бессмысленно красоваться и невозможно скрыть, кто ты есть на самом деле.

– Это она просто такое прозвище мне придумала. Может, потому что я в очках? Но я очки надеваю, только когда темно… Или потому что люблю книги читать? На самом деле я не знаю почему. А вот мама моя была библиотекарем. Это её дом. Когда она умерла, я переехала сюда. Надо было бы, конечно, раньше. Но трудно терпеть характер пожилого человека, поэтому приезжала только помогать по хозяйству. Молодой была, не понимала…

– Да вы и теперь не старая… – начал было я, но она поднесла палец к губам.

– Мама и тётя Маня были подругами. Уходя, мама сказала мне присматривать за ней. Вот я и пыталась заниматься этим последние годы, хотя тётя Маня, может быть, и не нуждалась в этом. А потом приехал Витя. Я стала присматривать за ними обоими. Но и это, скорее всего, было зря.

Она снова замолчала, погрузившись в себя.

– Надя, о чём вы думаете?

– Задумалась о том, сильно ли старая я «библиотекарша», как вы сказали, – улыбнулась она.

– Это не я сказал!..

– Вот они, – Надя кивнула на стеллаж с книгами в прихожей, – все призывают нас стать другими. Одни хотят сделать нас лучше, другие – хуже, третьи – моложе. Но думаю, что только обстоятельства жизни, а не вычитанное или услышанное где-то могут по-настоящему изменять нас и делать другими. Внешние обстоятельства вроде книг или событий – они ведь как уроки, которые невозможно выучить, а даже выученные, они легко забываются. Что бы ни случилось, мы остаёмся такими, какие мы есть. Единственно действенные обстоятельства – они внутри нас. Но с возрастом меняться становится всё сложнее, гибкость исчезает. Деревенеешь, вы правильно сказали. Не делаешь уже то, что желаешь. Не делаешь даже то, что подсказывает тебе внутренний голос. Делаешь то, что надо, при этом полагаешь, что живёшь. А кому надо, зачем?.. Такими вопросами лучше не задаваться.

– И что вы думаете о своей жизни здесь? – не нашёлся я, что спросить после такого пронзительного монолога.

– Я? Живу как все. Или, по крайней мере, как большинство. Как во сне. Что-то делаю, ем, хожу, работаю. Но иногда мне кажется, что я здесь ещё и не начала жить. Или даже ещё не родилась.

– Как это?

– Ну представьте, вот ребёнок. Он уже живой, но ещё не родился, и всё, что снаружи, для него чужое и неинтересное… Вообще-то, я работаю учётчиком. Серая мышка, которая сидит и считает, сколько на склад поступило и сколько со склада ушло, и записывает в журнал. Эту мышку никто не замечает: ни начальство, ни даже коллеги. Поэтому мышка иногда думает, что её нет.

– Кому-то же надо считать…

Видимо, это прозвучало как утешение слишком фальшиво, потому что она снова улыбнулась.

– В будущем мою работу будут делать роботы. Я надеюсь. Так что можете считать меня предшественником роботов. Если говорить честно, то, что делаю я, никому не нужно. И мне тоже. Я бы занялась чем-то другим, но другой работы у нас в городе нет.

– Например, рисовать, как делал это Витя.

– Надо же ещё на что-то жить… Но и то, что он рисовал, тоже ведь никому не нужно. К сожалению. Может быть, он это чувствовал, поэтому и не хватало сил, чтобы завершать. В чём смыл, если не для кого…

– Вам, как и мне, не нравится, что он не заканчивал свои картины?

– Наверно, это характер.

– Но он же не выбрасывал свои картины, хранил! Может, надеялся, что наступит время, когда он их завершит?

– Мне нравилась одна его работа, мне казалось, она завершена. Но он сказал, что она его не устраивает, и порвал или выбросил – во всяком случае, больше я её не видела.

– Давайте угадаю: это был ваш портрет, так?

– Как вы догадались?

– Я сегодня разглядывал его работы в чулане и только сейчас понял, что там с десяток ваших портретов.

– Меня он часто просил позировать. Наверно, просто больше некого было попросить у нас в посёлке.

– И какими глазами он смотрел на вас? Не могу представить его отношение к вам.

– Ну, это-то просто – как к художественному объекту. Рисуя, он всегда смотрел отстранённо.

– А мне почему-то кажется, что влюблёнными глазами. Но боялся себя выдать.

– Но мне-то он сразу сказал, что пишет меня не из-за красоты, а потому что у меня своеобразные черты лица. Так и сказал – «своеобразные». Я и сама это знаю. Витя всегда говорил правдиво.

– Ну, не знаю… Я считаю вас вполне красивой.

– «Вполне» – какое замечательное слово! Вы уже заметили, что я «не старая», теперь вот «вполне красивая». Боюсь предположить, что последует дальше, – Надежда засмеялась.

– Простите, Надя, я неправильно выразился. Я хотел сказать…

На самом деле я не знал, что хотел сказать. Просто нужно было срочно выходить из положения.

– Я тоже немного рисую. Хотите, я сделаю ваш законченный портрет?

– Нет, благодарю, это уже в прошлом. Быть натурщицей, пусть даже не такой, как я, а вполне себе красивой, не слишком весёлая работа.

– Опять вы про это моё неудачное «вполне», – я мысленно ещё раз обругал себя

за неуклюжесть. – Ну, простите меня, простите. Ничего не могу с собой поделать, с вами почему-то не получается говорить как с барышней, галантно. Я хотел сказать, что есть правильные черты, а есть красота, понимаете?

– Понимаю.

– Вот, например, тётя Маня – она красивая.

– Да, красота – это когда ты соответствуешь своему возрасту.

– Витя никогда не соответствовал ни возрасту, ни времени. Вы знаете, Надя, однажды в разговоре он упомянул, что в Поморске живёт человек, который ему нужен. Теперь я понимаю, что это были вы. И ещё я понял, что шхуну, которую он строил, но не достроил, назвал в вашу честь – «Надеждой». Вот такие открытия я сделал за последние несколько минут.

– Да, он мне рассказывал про свой корабль, который не достроил из-за неправильных чертежей. Сказал, что как проектировщик он пустое место. Мне нравилась его прямота. Я и сама такая.

– Значит, у вас с ним не было шансов: плюс с плюсом отталкиваются…

– Да, Виктор Викторович был категоричным человеком… – в голосе Нади прозвучали металлические нотки. Кошка спрыгнула у неё с колен и ушла в комнату.

– Викторович? Удивительно, я об этом впервые слышу. У него ведь не было отца… То есть он, конечно, был, – смешался я, – но… он его не знал.

– Да, он так и говорил, что это неправда, будто у него есть отец. Считал, что для него он только «осеменитель» – таким жестоким словом называл того человека, которого никогда не знал и не видел. Он даже хотел взять отчество матери. Мариевич или Марьевич. Как-то так.

– Он неизлечимо болел в последнее время – вас это не пугало?

Надя задумалась на мгновение:

– Он не очень-то допускал меня помогать ему, а ведь я больше ни на что не годна. Даже лекарства заказывал где-то не то в Москве, не то в областном центре. Думаю, не хотел, чтоб я жалела его.

– А он вас жалел?

– Однажды мы шли здесь, за посёлком, и одна из собачьих стай – их у нас три бродит в наших окрестностях – начала к нам приставать. Он взял палку и припугнул собак, а они же трусливые – отбежали. Но он не остановился, а догнал одну, дворнягу Рыжуху, которая яростнее всех гавкала, и стал бить её палкой.

– Вы их здесь всех знаете по кличкам и совсем не боитесь?

– Они чувствуют жертву по запаху. Ведь у страха есть запах. Я для них в этом смысле не подхожу.

– Да, но всё-таки Витя если не жалел вашу психику, то защищал вас. Пусть и немилосердно. Наверно, в тот раз тормоза отказали…

– Нет, тут другое… Какая-то во всём, что он делал, была неприкаянность. Думаю, он сам не знал, зачем это сделал. Знаете, в каждом из нас живут два разных человека. И это ещё хорошо, если только два, а то и несколько. Но один всегда господствует над другим. Это залог предсказуемости, порядка какого-то, что ли. Но рядом с ним было беспокойно. Не покидало ощущение какого-то внутреннего раздрая в нём, как будто эти два его внутренних равных по силам человека постоянно дерутся между собой. А я такая… я ценю покой.

Я мысленно согласился с ней: есть люди-катастрофы, а есть те, что носят этот покой в себе. И она была одной из таких. Но всё же возразил: похоже, подсознательно мне хотелось вывести её из этого состояния рассудительного покоя, разбудить в ней женщину, а не просто собеседника.

– Настоящий покой – это смерть и холод. А мы существа теплокровные.

– Река сейчас вспучилась и несёт мусор, а зимой подо льдом она покойна, но разве мертва? Та же рыба ходит, та же трава колышется на дне… Река полна жизни в глубине.

– Сегодня Мария Ивановна дала мне читать молитвы над гробом, представляете? Ну и я понял, почему умерших называют покойниками. Не потому, что они где-то в другом мире достигли покоя, этого ведь мы не знаем. А потому, что успокаиваемся мы, живые. Ну или должны бы успокоиться – относительно того, кто ушёл, и относительно себя тоже. Чтоб не испытывали иллюзий о собственной значимости в этом мире. Правильнее поэтому было бы назвать их не покойниками, а успокойниками.

Это я так попытался подсветить юмором мрачную тему, на которую нас неожиданно вынесло. Но после прогулки к реке сама ситуация вокруг внезапной кончины Витьки и в самом деле уже не казалась такой безысходной.

– Успокоиться насчёт себя – это вы хорошо сказали… Давайте-ка я вам положу поесть, – неожиданно предложила Надежда. Не дожидаясь моего согласия, достала из холодильника суп и стала его подогревать.

– А я как выгляжу, во мне тоже раздрай?

– Ну, вы, по крайней мере на первый взгляд, другой. Он – бездомный в глубине души. А вы – человек большого города. Там ваш дом.

– Это плохо? Что это значит?

– Это трудно объяснить. Комфорт больших городов накладывает на людей отпечаток, который нельзя скрыть.

– То-то лодочник на меня сегодня волком смотрел: чужак. Но вы правы. То, чем я занимаюсь: налаживанием связей между предприятиями, поставщиками, контрагентами и прочее, – все это вещи при простоте жизни совсем ненужные. Но в большом, сложном, как вы сказали, городе-лабиринте, без таких, как я, наступит хаос. Вот поэтому я – дитя большого города, а он – мой родитель. Хотя родился-то я здесь и в детстве никогда и не думал заниматься тем, чем занимаюсь сейчас. Сложно представить нормального ребёнка, который мечтал бы стать делопроизводителем или снабженцем. Но, однако ж, заметьте, какая прорва народа занимается тем, результат чего нельзя испытать или пощупать, если только не считать результатом шелест в руках денежных купюр. Но что поделать – этот монстр слепил из меня ту куклу, которая ему в тот момент требовалась. Это была плата за измену мечте.

– У вас была мечта?

– Наверно, была, – я попытался вспомнить. – Не могло не быть. Может быть, даже несколько. Но не было, вероятно, какой-то одной большой, и в этом вся беда. Как выясняется, самое непреодолимое препятствие для порывов юности святой – не сложная неоднозначность мира, которую ещё не понимает молодая душа, и даже не собственные слабости…

– И что же это?

– Комфорт. Он окутывает, расслабляет, убаюкивает, раз упав, из этой пуховой перины уже не выбраться. Этот комфорт сопровождает каждый шаг моей конторской работы, поддерживает ощущение её какой-то особой важности для общества, и он же повышает самооценку. Комфорт нашёптывает: ты достоин меня, ты заслужил… Но вернуть себе свободу и аннулировать контракт уже нельзя, он пожизненный, как приговор.

– Почему вы так считаете?

Надежда поставила передо мной тарелку дымящейся ухи. Я почувствовал, что на самом деле ужасно проголодался, и, не ответив, без лишних слов приступил к ужину.

– Не торопитесь, кушайте спокойно, – сказала она, глядя, как я зачастил ложкой.

– Привычка… – я постарался есть размереннее. – Скорость – один из способов выживания в большом городе, которому от человека нужно непрерывное движение. Потому что люди – это его кровь, кровяные тельца. Чем они быстрее бегут, тем лучше чувствует себя этот монстр, тем более он заряжен.

– Но ведь там у вас, в столице, в основном приезжие. Получается, этот, как вы сказали, монстр питается кровью провинции? – заметила Надя, внимательно слушавшая меня. – Жутковатая картина.

– Да, людоедская. Я не так давно был на Ближнем Востоке по делам. Знаете, там есть такой кубический храм, а в угол его вмонтирован чёрный камень по форме наподобие яйца. Говорят, что это метеорит, что он когда-то был белым, но всё это не очень похоже на правду. Так вот, там есть такой обряд, когда люди семь кругов в плотной толпе, плечом к плечу, обходят этот камень вокруг. Невозможно ускориться или замедлить ход. Невозможно остановиться или выйти. Не видно, что впереди, не слышно рядом идущего. И покинуть это коловращение нельзя, потому что случится переполох и давка.

– Иногда олени хороводят в тундре, я однажды видела, – Надя улыбнулась. – Удивительно смотреть, даже жутковато – они как заколдованные…

– Вот так и мы в переносном смысле идём по кругу, при этом никто не знает, куда, зачем и что же представляет из себя этот священный камень: деньги, комфорт, порядок, благополучие, успех, беспечность?..

– А вы где: смотрите с холма на это человеческое коловращение?

– Какое там! Я в самой глубине толпы, бреду вместе со всеми.

– Вы не жалеете себя…

Это было так – не жалел, как не жалеет себя ввязавшийся в драку или гонку; в азарте я нёсся по волнам собственной риторики и в какой-то момент даже испытал что-то вроде ораторского наслаждения, вообще-то довольно постыдного в доверительной беседе…

– Спасибо, вы очень вкусно готовите, – поблагодарил я и положил ложку. – А откуда рыба?

– Да есть тут рыбак, принёс мне… Наверно, вам уже пора укладываться спать? Время позднее…

– Да, пожалуй.

Мне было постелено на диванчике в комнате, где вдоль стены, как и в прихожей, располагались стеллажи с книгами.

– Это те самые книги, которые он отдал вам? – спросил я, разглядывая корешки.

Надя обернулась:

– Да, частично. Отдавая, он сказал, что где-то среди этих книг вложил сюрприз для меня. Но я его так и не нашла. Если честно, и не искала.

– Давайте поищем.

– Не стоит. Теперь это уже не нужно.

Надя ушла обратно на кухню, а я, засыпая, всё смотрел на полоску света, пробивавшуюся из щели под дверью. Я лежал, и через мою голову текла река, неспешная, летняя, тёплая, переливалась в подушку и исчезала.

Внезапно я услышал шаги. Дверь открылась, в комнату зашла Надя и молча села на краешек дивана. Она скинула кофточку, оставшись в ночнушке, и нагнулась надо мной, так что волосы упали мне на лицо. Лицо её пылало. Я протянул руку и положил ладонь на её лоб. Лоб был холодным. В этот миг я догадался, что вижу сон, и проснулся. На диван, оказывается, запрыгнула кошка и примостилась прямо на моём одеяле с краю. Солнце уже нарисовало на полу золотые трапеции.

По тишине я понял, что один в доме. Действительно, Нади нигде не было. Одевшись, я прошёл вдоль книжных стеллажей. Вытащил наугад несколько наиболее потрёпанных книг. Какие-то старинные романы, некоторые уголки листов были загнуты. Над дверью висела картина: парусник отчаливает от пирса в море. Я не сразу понял, что на картине не так: на пирсе махала руками толпа провожающих, а на палубе не было ни одного человека.

В прихожей хлопнула дверь, и в комнату, как порыв ветра, внеслась Надежда:

– Как хорошо, что вы проснулись! Нам надо идти, там уже всё готово.

– Да, конечно, я сейчас. Скажите, чья это картина на стене?

– Вы простите, мы даже позавтракать не успели! – не услышала она меня в суматохе.

– Я согнал Мяуку, она лежала у меня в ногах. Кошка как, обидчивая?

– Вот возьмите ложку ботинки обуть.

– Как там себя чувствует тётя Маня?..

* * *

Мы зашли в тот момент, когда тётя Маня приспосабливала белый носовой платок в ладони у Вити. Со вчерашнего вечера он почти не изменился, разве что потемнел лицом, нос заострился, и он стал ещё больше похож на тётю Маню.

– Зачем это? – спросил я.

– Так нужно, – шепнула Надя.

– Кому? Разве ему не всё равно?

– Нет, конечно, – ответила тётя Маня, услышав нас. – Душа-то сверху смотрит.

– Разве она не на небесах уже?

– На небесах, конечно… – тётя Маня призадумалась. – Но и тут присматривает, чтоб всё как надо сделали. Ещё ведь возвращаться придётся!

Потом она занялась какими-то последними приготовлениями и распоряжениями, но, наверно, всё ещё думала над моим вопросом, потому что через пару минут подошла ко мне и вполголоса сказала:

– Оно, конечно, так: земля еси, и в землю отъидеши. Но не какая-нибудь земля-то, а Божья. Глядишь, Господь из неё снова кого-нибудь слепит. Стало быть, надо, чтоб порядок был.

Подошла Надя, наклонилась и поцеловала Витю в лоб.

– Надеюсь, он простил меня, – сказала она тихо, когда я вопросительно посмотрел на неё. – Или потом простит…

«Прощай, Витя», – мысленно произнёс и я.

В дом зашли два мужика, и сладкий запах ладана перебил тяжёлый табачный перегар. Одного из тех, с кем договаривалась тётя Маня накануне, утром дома не обнаружили. Домовина была без ручек, поэтому нам пришлось взгромоздить её на плечи. Я встал впереди, рядом со мной оказался тщедушный мужичок из местных, на голову ниже меня – из-за этого гроб перекосило. Сзади взялся один: втянув голову в плечи, он пристроил его себе на загривок. Мы двинулись той же дорогой, которой ночью с Надей ходили к реке, – по довольно-таки крутому склону, мимо оврага, откуда уже не слышалось птичьего концерта, лишь репетировала безголосая дневная мелочь, не ощущалось уже и тех райских запахов, что были разлиты ночью.

Откуда-то появилась стая собак и увязалась за нашей небольшой процессией. Некоторые псы забегали вперёд, глядя на необычное зрелище, а другие путались под ногами.

– Да что вы прицепились как грехи! – замахнулась на них тётя Маня.

В ответ одна из собак испугалась и стала задиристо лаять почему-то на меня. Надежда вышла вперёд и стала размахивать руками, словно расчищая пространство, и, к моему удивлению, псы разбежались. Она пошла впереди, и я поневоле залюбовался ею, забыв, что несу: контраст её лаковых резиновых сапог с налипшими «галошами» из глины и изящной, подчёркивающей фигуру юбки был разителен.

У берега уже ожидала лодка, в которой сидел вчерашний дед. Увидев нас, он встал и направился было в нашу сторону, но, как-то неуверенно качнувшись, вернулся. Выглядел он понуро – похоже, всю ночь пил. Дед был снова босиком, но на сей раз в старой истёртой шляпе, надетой, по-видимому, именно в связи с похоронами. Его клочковатая седая борода и грязная седая шевелюра замечательно гармонировали с немыслимыми лохмотьями, которые, вероятно, ещё в молодости представляли из себя пиджак.

Мы взошли на мостки и осторожно поставили гроб в лодку. Он улёгся между бортами, как семечко в родную скорлупу.

– Сначала Петрович домовину отвезёт, потом вернётся за нами, – объявила тётя Маня.

– Может, вам помочь? – вызвался я. – Одному ведь такую тяжесть на круть не вытащить.

– Да куда там сесть, места-то в лодке нет! – тётя Маня дёрнула меня за рукав. – Да и нельзя с покойником ехать. На том берегу его встретят, я с гробовщиками договорилась.

Дед остро глянул на меня – всё-таки я ему вчера решительно не понравился – и молча начал толкаться палкой. Отплыв порядочно, он уселся на корме у мотора, обмотал шнур вокруг маховика и с силой дёрнул – верёвка оказалась у него в руках. Мотор чихнул, выпустил клуб белого дыма, и дед суетливо схватился за рукоятку румпеля. Однако мотор заглох. Дед повторил. И так с десяток раз, наверно, он снова и снова обматывал шнур вокруг маховика и дёргал, а мы, стоя на берегу, как заворожённые смотрели на него – лодку же тем временем относило на середину реки. Наконец её развернуло, подхватило течением и потащило. Видно было, как дед перестал дёргать и склонился над мотором. Скоро лодка превратилась в крохотное семечко на широкой эмалированной поверхности реки.

– Сносит… – тихо сказала Надя, глядя вдаль.

И в самом деле, лодку сносило всё дальше и дальше к морю, а мы беспомощно провожали её взглядами. Чуть ближе к воде сидели и смотрели на удаляющуюся лодку два вчерашних чёрных пса: тот, что справа, чуть поскуливал, а левый сидел недвижимо, как камень, но, когда с другой стороны реки донёсся перелай собак, глухо зарычал в ответ.

Наконец над водой уже ничего не стало видно, и только чайки наматывали круги, иногда вскрикивая, точно от боли. Я был в недоумении, не понимал, что происходит. Должен ли я что-то немедленно предпринять или мне следует, как и всем, тоже неподвижно и молча смотреть? В моём сознании картина мира треснула и с каждым мгновением осыпалась всё более и более.

Истинно, что круг жизни, берущий начало в земле, где прячется зерно и откуда лезет к солнцу всякий росток, должен и замкнуться там же – в земле.

Иная непреложность состоит в том, что дни текут друг за другом: их поток, ненадолго истекая из тёмной вечности, совершает круговорот и вновь впадает во тьму.

Также я полагаю, что сокрытое находится в таком же отношении к явленному, в каком находится гора по отношению к песчинке.

Ещё мне известно про то, что мы называем месяцами и годами: это просто отметки на воде – их сносит вместе с нами. И наш след в этом мире – как след от лодки этого мрачного перевозчика – исчезает, когда мы даже ещё не успели отвернуться.

Я вспомнил давнюю перебранку нашу с Витей: я привычно пытался вразумить его, что хватит терять драгоценное время, годы выходят навстречу и стремительно исчезают за спиной, мы не становимся моложе, надо заняться чем-то всерьёз – в общем, всё такое очень правильное и банальное. В конце концов он как-то меркло посмотрел на меня и спросил: «Почему ты уверен, что вечность впереди?» – «А как иначе? А где?» Я подосадовал, что он просто хочет увести разговор в сторону, что вечность тут ни при чём, и вернулся к своей теме: надо прекратить бездарно разбазаривать те дни, которые нам отведены на этом свете: трудись, женись, расти детей. «А я так думаю, что вечность не впереди, а позади нас», – снова перебил меня он. «Я понимаю – то, что я говорю, ты уже сто раз слышал, – продолжал раздражаться я. – Но и я, уж поверь, сто раз слышал и читал про вечность позади, вечность впереди. Круг замыкается, всё старое, ничего нового. Но пора уже тебе…» И я пошёл по третьему кругу. Иногда на меня накатывает такой учительский азарт, за который потом бывает неловко.

Но тут Витя оживился, по-видимому, продолжая думать о своём: «Всё новое, ничего старого. Это ты верно заметил…» «Как раз наоборот…» – попытался возразить я, но он прервал: «Я не знаю никакой вечности впереди. Может, и так, может, она и есть. Но, по мне, так вечность позади нас. Она наползает на пустоту вот этого неба, как вон та свинцовая туча, вылезающая из-за спин домов и уже занявшая полнеба. Я – кусочек этой вечности, ты – тоже. И вот время расширяется и несёт нас с тобой в неизвестность…»

Это была наша встреча на одной ноге, в суете – я пытался остановить такси, а он провожал меня. Я несколько раз выскакивал на дорогу и махал рукой – безуспешно. Потом пошёл дождь. И наш разговор, разумеется, не мог быть закончен в такой обстановке. Он и не окончился. Мы обнялись, и я уехал, основательно забыв, о чём он говорил.

Но вот сегодня всё пошло не так, и я вспомнил. Как будто вечность догнала наконец его, открыла свои объятья и поглотила, а вместе с ним поглотила саму себя.

– Унесло… – произнесла тётя Маня спокойно, как говорят о деле самом обыденном, каждодневном, наподобие восхода и захода солнца. – Может, надо было мне вместе с ними…

– Куда уж тебе, Ивановна, – отозвалась Надя, – только мешалась бы там.

– Пойду попрошу Ваню, чтобы перевёз нас. Надо батюшку-то предупредить, а то будет ждать в церкви, это нехорошо. А вы ступайте, – она посмотрела на носильщиков, в замешательстве топчущихся возле мостков. – Приходите на поминки.

Мужики и несколько сонных безликих старух и стариков, пришедших вместе с нашей процессией, поплелись обратно в посёлок. Тётя Маня вздохнула и побрела за ними. Остались мы вдвоём с Надей.

– И что мы будем делать? – повернулся я к ней.

– Будем ждать, когда Ивановна придёт вместе с хозяином вот этой кижанки, – Надя кивнула на лодку вверх дном, возле которой мы стояли.

– А как же та лодка с Витей, которую унесло? Может, найти другой катер и отправиться за ней?

– На этом берегу в посёлке нет катера. Те, что на ходу, сейчас уже на том берегу реки, их хозяева на работу уехали. Только вечером вернутся.

– Но что-то же делать надо! – в моей голове не укладывалось: человека живого и человека мёртвого унесло в море, а мы стоим и ничего не предпринимаем. – Что, если лодку утянет в море так далеко, что будет не видно берегов? Это же как в космосе отцепиться от космической станции и лететь в одиночку. А если налетит шквал и перевернёт скорлупку вместе с гробом? Может быть, надо позвонить спасателям в город?

– В посёлке телефон уже две недели не работает, – вздохнула Надя. – Да вы не беспокойтесь. Когда на ту сторону переедем, кому-нибудь сообщим. Но старик, я думаю, всё-таки заведёт свой мотор. Поковыряется и сделает.

– А если нет?

Надя пожала плечами, а может, просто поёжилась от речной свежести.

– Вы не беспокойтесь. У него постоянно мотор ломается, – сказала она. – Позавчера утром с ним ехало нас четверо, так мотор тоже заглох. Потом завёлся.

– Это всё очень странно…

Надя подняла воротник. Я стоял так близко, что даже не нужно было делать шага, – просто повернулся к ней и рывком прижал её к себе, шепнув: «Не остывай!» Волна тепла захлестнула меня, и, хотя это длилось всего несколько мгновений, огонь из груди успел пробежать до пальцев рук, до лодыжек. Но тут я ощутил что-то жёсткое в нагрудном кармане её куртки. «Что бы это могло быть?» – микроскопическая мыслишка, но она убийственно разметала огонь на миллион мелких, хотя всё ещё горячих угольков. Я ослабил инстинктивно объятья – она почувствовала это и сумела отстраниться. Сделала шаг назад. Но – вот удивительно правдивый человек! – не стала демонстрировать изумление или оскорблённый вид, просто выдохнула и устало улыбнулась:

– Я не замёрзла.

– У тебя что-то в кармане, – сказал я.

Она сунула руку во внутренний карман курточки:

– Это книжечка-пропуск. Мне ж ещё на работу.

– Ты же говорила, что не сейчас, а днём.

– Да, во вторую смену.

Я выдохнул. Вот и отлично.

* * *

На тропе, ведущей к реке, показалась фигура тёти Мани, за ней спускался жилистый мужик лет пятидесяти, с веслом на плече – он был под стать тёте Мане, только ещё более прямой и суровый.

– А где второе весло? – спросил я, когда они подошли.

– Иван, – он протянул мне руку, а Наде только кивнул. – Второе весло под лодкой. Оставишь тут оба – угонят, а так на одном весле хулиганы далеко не уплывут… Помоги перевернуть.

Он вытер свой толстый, изъеденный оспиной нос и начал переворачивать лодку. Я подключился: измазав ботинки в грязи, вместе с ним перевернул её и толкал к воде. Надя попыталась тоже пристроиться к нам, но Иван аккуратно оттеснил её.

– Значит, Ивановна, говоришь, вёсел-то у него нет, только шест? – обернулся лодочник к тёте Мане, хмыкнул и снова вытер нос.

Усевшись поудобнее, он начал глубоко грести – разлившаяся река в этом месте оказалась километра полтора. Его взгляд был тяжёл и либо сосредотачивался на мне (я чувствовал себя словно под светом прожектора), либо простреливал вдаль, мне за спину, и это было ещё пронзительнее и страшнее. Выражение лица казалось даже в чём-то более жутким, чем у харона – так я мысленно обозвал того неудачливого старика-перевозчика, который повёз гроб.

Надежда сидела впереди, на носу лодки, глядя в ту сторону, где у горизонта река сливалась с морем. Я сидел на корме у борта и смотрел на воду. Ближе к берегу река неспешно

несла в море обломки деревенской цивилизации откуда-то с верховий: две коряги, грабли, крыло дохлой птицы, картинку с репродукцией васнецовских «Трёх богатырей», шахматную фигуру коня, женский бюстгальтер, большую чёрную змею (скорее всего, обычного ужа), остановившиеся настенные часы, печатную машинку, колесо, блок цилиндров от дизельного двигателя, толстую книгу в футляре… Но лишь когда мимо проплыла запечатанная сургучом бутылка – совсем близко от лодки, так, что я мог бы при желании протянуть руку и взять её за торчащее над водой зелёное горлышко (вдруг в ней находилось послание для меня?), – я вздрогнул и открыл глаза. Подумал: «Зачем мне знать то, что написано в этом послании?» И бутылка, так и не откупоренная, продолжила свой путь в море, и я лишь проводил её сонным прищуренным взглядом: пусть это послание прочтёт кто-то другой, а я за вчера и сегодня и так безмерно устал. Иван продолжал мерно и усыпляюще толкаться вёслами.

Посредине реки нашу лодку подхватила струя и понесла, но это нисколько не смутило Ивана. Он только оценивающе глянул на берег за спиной, перехватив взгляд Нади, почесал свой мясистый красный нос, взялся за вёсла поплотнее и стал делать гребки широкие и частые.

Река, казавшаяся спокойной у берега, на стреже оказалась нарезана волнами, бегущими в разные стороны: одни сходились и разбивались друг о друга с пеной, другие, поменьше, почему-то подныривали под большие и исчезали, оставляя после себя на стремнине глубокие раскрытые пасти.

Лодка кивала носом, словно вела тайные переговоры с кем-то в толще воды и без конца соглашалась и соглашалась с какими-то неопровержимыми доводами из глубины, кивала порой так яростно, так раболепно, всем своим телом, что казалось, зачерпнёт. Может быть, это были переговоры с бездной относительно нас: не отправить ли этих, сидящих в лодке, на дно? Или, например, не лишить ли лодочника весла, а то даже обоих – чтоб они поплыли не туда, куда влечёт их собственная жалкая близорукая воля, а куда должно?

– Можно и так! – соглашается лодка.

– Но нет, не получится, – мыслит бездна. – Потому что есть среди них одна, которая не из этих. Она из прежних…

– Кто она? – вмешиваюсь я в этот недружелюбный разговор.

– А тебе какое дело? Кто ты и какое у тебя право задавать вопросы?

– Что значит «право задавать вопросы»? Я родился здесь, и эта река – моя река, и берега – они тоже мои!

– Нет никакой реки, как нет ни моря, ни ручейка, ни капли росы на лепестке, но есть только я, и не ищи имя мне. И всё, что вокруг, – моё. Не только всякая рыба в моём омуте и каждое дерево на берегу или в чаще, но и любой ребёнок в люльке в этом городке, любой рыбак и пахарь в окрестных деревнях, каждый, кто думает о себе и кто просто плывёт по волнам, кто собирается народиться и кто ожидает возвращения в землю, живые и мёртвые – все они мои дети. Но ты – чужой. Ты не принадлежишь ни мне, ни себе, но раб железной силы, извечно противостоящей мне. Конец же её неминуч, помни!

…Холодные брызги от весла прервали шёпот. Я поднял голову: наш паромщик, раскрасневшись от напряга, усердно грёб, тётя Маня молилась одними губами, Надя опустила голову, и лица её не было видно, так что, похоже, этот разговор слышал только я. Вот и хорошо. Главное – чтоб нас тут не захлестнуло и мы не пошли на дно. И всё-таки, которая именно «из прежних»: Надежда или тётя Маня? А может быть, обе? Что, если это два лица одной и той же женщины? Что, если… Но тут снова меня охолонула речная вода – на сей

раз упругой струёй, сорванной с верхушки волны веслом Ивана. Я вытер лицо ладонью и протёр глаза: мы приближались к берегу как раз в том месте, где над тальником возвышалось на берегу единственное дерево – плакучая ива, распустившая космы над водой.

«Дерево у потока», – вспомнилось мне.

Когда лодка воткнулась в песок, Иван спросил:

– Тебя ждать, Ивановна?

– Езжай, Ваня, когда ещё мы тут разберёмся. А тебя хозяйство ждёт.

Перевозчик оттолкнулся веслом и скоро был уже далеко.

– Некогда ему… – проводила его тётя Маня взглядом. – Для скотины вручную косит. Четыре коровы держит, бычок на откорме да ещё кобыла. На самом деле по паспорту он не Иван, а Иоганн. Немец. Крепкий мужик, хоть и бобыль… – она вздохнула, перекрестилась и почему-то посмотрела на Надю. – Каждому своё. Ты вон в столице робишь, каждый день мимо Кремля ходишь, а Ванька здесь канителится со своим сеном… Вон Надька не хочет рожать, а кто-то замучился аборты делать…

Надежда стояла рядом и никак не отреагировала на её слова, только задумчиво смотрела вслед удалявшейся сильными рывками кижанки Ивана-Иоганна.

– Унесло… – тётя Маня выпрямила спину и широко перекрестилась. – Ну и ничего, ладно, на всё воля Божья. Всё одно – предстанем перед Всевышним, как сказано, в страхе и трепете.

– Тёть Мань, ты не страдай, найдут их, никуда не денутся… – попыталась утешить её Надя.

– Да знаю, что найдут… Ну ладно, я в церкву пойду, а то уж время, – сказала она и уже было повернулась идти, но остановилась.

– Подь-ка сюда! – окликнула она меня. – Ты уж поезжай сейчас до дому. С Витькой попрощался, а мы как-нибудь похороним сами.

Я подошёл ближе и только тут обнаружил, что она, казавшаяся мне сухой и высокой старухой, была почти на голову ниже меня. Крохотные капельки речной воды на седых волосах, чуть слышный сладко-дымный дух ладана. Тётя Маня обняла меня своими худыми руками и погладила по затылку.

Вот удивительный закон жизни: много чего из сделанного не возвращается, как будто растворяется в небе, как тепло. А вот объятия не пропадают никогда, они возвращаются в каком-то виде обязательно. Отчего так?

– Спасибо, что приехал. Поговорил со старой старухой. Помолились вместе.

– Ну что вы, как иначе… – пробормотал я.

– С Богом. Чай, уж не свидимся на этом свете. Но вообще-то ты не пропадай. Всё же родился здесь не просто так. Пропажа душу вымогает, – она глянула на Надю. – Да?

– Я приеду. Постараюсь.

– Вспоминай нас тут: Витьку, меня, старуху, Надьку. Вот и не пропадёшь. Возьми это… – она достала из сумки и сунула мне запечатанную жестяную банку с имбирным печеньем. – Хотела в церкву отнести, да ведь тебе полюбилось, бери. Будешь вприкуску с яблоками, – она грустно улыбнулась.

Надя подошла к тёте Мане и тоже обняла её – и это объятие таинственным образом соединило нас всех, словно запечатало прошедшее, то, что с нами было вчера и сегодня.

Я взял Надю за руку, а тётя Маня махнула нам и своей шарнирной походкой зашагала в горку, к гробовщикам, курившим возле грузовика. Там она что-то сказала мужикам, села в кабину, после чего грузовик сердито газанул и укатил.

Я крепче сжал ладонь Нади и потянул её в горку, да так быстро, что она слегка запыхалась, и когда мы вскарабкались, мне показалось, что это лучший момент, чтобы спросить у неё:

– Ну а теперь скажи: что дальше?

– На работу пойду, – ответила она. – В магазин загляну по пути.

– Нет, я вообще. По жизни… (Господи, зачем я это спрашиваю?!)

– Буду жить, что ж ещё?

– Выйдешь замуж за этого толстоносого Ганса, – я хохотнул, хотя и довольно натужно (что же я такое говорю, безумец? – но я же видел, как он стрельнул в её сторону, когда подошёл к нам возле лодки, как оберегал её, чтобы она вместе с нами не толкала лодку к воде; а уха вчерашняя, рыбу-то небось он ей приносит!). – Вот и тётя Маня говорит, что он хороший фермер, двух коров держит. Родите ребёнка или двух…

– Четырёх…

– Сколько?

– Четырёх коров держит, – уточнила Надя, скептически глянув на меня (а мне-то хотелось, чтоб она тоже посмеялась над Иоганновым толстым носом).

– А-а! Я-то решил было, что говоришь о детях.

– У меня был ребёнок, – неожиданно жёстко сказала Надя. – Но я не смогла его родить.

И, облизнув свою надтреснутую губу, добавила:

– И больше уже не смогу… Ну, мне пора идти.

– Подожди! Зачем так сразу!

– Нет, я пойду! – повторила она.

– Ну прости, если я задел тебя, – сказал я жалобно. – Это всё моя дурацкая привычка подшучивать, когда чувствую себя неуверенно. Простишь, Надя?

Она стояла, засунув руки в карман, покачиваясь на каблуках своих сапог и слегка качая плечами, и вся была словно аптекарские весы, ещё не определившиеся, на какой чаше перевесит груз.

– Ты же не накормила меня сегодня утром, а теперь я что-то проголодался. Пойдём найдём какой-нибудь ресторанчик.

– Да, я не успела приготовить утром, забегалась. Извините, – она так и не перешла на «ты». – Но вы идите, а я в сапогах, какой уж мне ресторан.

– А я? Посмотри на мои грязные башмаки и запачканные штаны. Это всё неважно. В Поморске мы не интересны никому, кроме друг друга.

– Это не так, здесь вам не столица, – покачала головой она. – Но пойдёмте, я провожу вас…

Мы поднялись по склону и уже через считанные минуты оказались в центре городка. Расстояния в Поморске таковы, что, выйдя из дома, на маршруте следования ты никогда не успеваешь оказаться «ничьим» и плыть в пустоте, как это бывает в больших городах. Место отправления едва успевает выпустить тебя из рук, как уже подхватывает пункт назначения: два шага сюда, три шага туда. Мы едва не проскочили мимо ресторана.

Зал, пустынный в этот час, был оформлен с шиком советского общепита семидесятых годов: полированные панели из ДВП, вмонтированные в стены зеркала, длинные люминесцентные лампы под потолком.

– Что будем пить? – спросил я у Нади, когда мы уселись за столик у самого окна. – Кофе, коньяк, вино?

– Не могу кофе, я и так плохо сплю.

– Значит, коньяк.

– Мне же на работу!

– Ну и что? Ты примостишься мышкой где-нибудь в уголке, прикорнёшь – и тебе будут сниться яркие сны… – я придумывал на ходу, не зная, как расшевелить её.

– Лучше воды.

Я подозвал заспанного официанта и заказал кофе, сто грамм коньяка и «что-нибудь поесть».

– А мне воды, – добавила Надя.

Мне совершенно не хотелось терять время и пялиться в меню, но официант с неуклонной решимостью стал уточнять по пунктам, чего я желаю, и комментировал, что имеется и чего нет на кухне. Почти ничего из меню в действительности на кухне не было.

Я видел, что Надя ёрзает на месте и ищет повод, чтобы уйти. Ясно было, что осталось слишком мало времени, чтобы делать долгие заходы, и потому я решил идти напрямки:

– Меня, Надя, мучает один вопрос. Вот тётя Маня говорит, что Витя умер от какой-то нутряной болезни. Простудился, всё такое. Но сама болезнь – это всегда следствие чего-то. Понимаешь, о чём я? Один мой друг, ты, возможно, его знаешь, это Эдик, считает, что Витю подкосила полоса неудач, которые следовали одна за другой. Вроде как от усталости потерял силу жизни, от неустроенности сник. Но для меня чего-то недостаёт в этом объяснении… И мне кажется, ты знаешь то, чего не знаю я.

Надя взглянула на меня так, что я понял: знает. И в тот же миг отвернулась.

– Мне это важно. Но я не настаиваю, можешь не отвечать.

– Мне тоже важно.

– Вот видишь… Просто, если мы сейчас не проговорим это, больше не будет такой возможности. Никогда. Понимаешь, никогда! – повторил я с нажимом.

– Видите скамью, которая стоит у реки? – после долгой паузы Надя показала в окно на пустую скамью, обращённую к реке. – На ней мы сидели, разговаривали прошлой осенью… Он тогда как раз из больницы сбежал. Помню, дул сиверко, да ещё порывами, я вся замёрзла. А ветер сдёргивал с деревьев листья, и они неслись мимо нашей скамьи, вдоль дорожки: взлетали вверх, закладывали виражи… – Надя изобразила рукой волну, по которой плыли листья, и это получилось очень красиво. – Не хотели опускаться на землю, будто понимали, что это их последний полёт. Удивительно красивый танец, правда? – Надя глянула наконец на меня.

– Правда. Ведь это действительно их последний полёт, танец смерти, совершающийся на наших глазах.

– Да, и вот листья прожили свой цикл, пожелтели и по осени получают один только шанс: оторвавшись от ветки, почувствовать себя свободными. Ну и упадёт лист на аллею, вроде бы всё. А не хочет лежать, хватается за струи ветра, при малейшем порыве дальше летит. Перелетают они с места на места стаями, короткими подлётами. Думаю: где листья успокоятся? И вот ветер в конце концов, как метлой, дометает их до каёмки реки. Падает в воду лист и уже тогда делается спокойным – плывёт себе, плывёт, плывёт качаясь…

Я молчал, ожидая объяснения, к чему она мне всё это рассказывает. Или даже не ждал, а просто сидел и слушал её, как слушают журчание воды. От этой её колыбельной сказки про листья веяло покоем, может быть, ничего и не надо было понимать в шелестении её речи, просто осень, ветер, листопад… Достаточно того, как прекрасно гармонируют округлый абрис её лица и изгиб шеи с высоким лбом настоящей аристократки… Словно северная голубоглазая дриада нашёптывает какой-то древний заговор, в котором нет никакого смысла, но только сила заговорить себя, своё прошлое, меня… «Стоп-стоп! Что за неуместное любование, переходящее опасную грань? Уж не влюбился ли я? Только этого мне не хватало…»

Эх, ничему не учат разочарования прошлого, грустный опыт друзей, ничему! Снова затягивает водоворот влечения, за которым в твою жизнь врывается рой переживаний,

сомнений, ожиданий – все эти «отношения», которые обязательно разорвут размеренную, да и вообще сколько-нибудь понятную жизнь… Мыслями я перенёсся в свою холостяцкую квартиру на Новорязанской – туда, где заполошные гудки паровозов перекрывают рокот закованной в бетон подземной реки. Нет, в ней не уместиться двоим. По крайней мере, пока.

– …Да вы не слушаете меня! – вдруг остановилась она.

– Что ты, Надя, ещё как слушаю! – поднял я голову. – Даже вот не ем, не пью, а слушаю. Ты рассказывала, как вы сидели вон на той скамейке…

– И вот смотрела я на Витю сегодня, как его река уносит, и подумала, что он похож на тот осенний листочек неприкаянный. Он ведь уже осенью, конечно, знал, что конец близок. И из больницы-то его отпустили, потому что не знали, как лечить. А дома он слёг и мало вставал. Говорил мне, что всё у него болит, но хотел бы ещё пожить. Да, его сорвало с дерева, потому что он сделался лёгким, и понесло… Но не улёгся смирно умирать. Понимаете, о чём я?

– Понимаю, – ответил я. – Все хотят жить.

Тут подошёл официант, принёс салат и ещё что-то, резко пахнущее мясом. Надя, почувствовав этот запах, даже немного отодвинулась. Я накинулся на мясное, чтоб побыстрее уничтожить его. Коньяк драл горло хуже самогона, обжёг желудок, но в целом сочетание пережаренного мяса и пахнущего табаком коньяка даже как-то отчаянно обрадовало меня.

– Вы так проголодались, – с умилением произнесла Надя, глядя на меня. – В общем, что… В один из тех дней, когда я зашла к тёте Мане, он говорит: «Выходи за меня замуж». Я, наверно, вздрогнула, или сделалось у меня испуганное выражение лица, потому что он таким умоляющим голосом стал говорить: «Я знаю, что мне уже недолго осталось, и я не стану от тебя требовать чего-то. Но зато потом ты за меня инвалидскую пенсию получать будешь, дом тебе перейдёт после смерти матери, и ты сможешь его продать…» Он пытался меня так неуклюже заинтересовать, что ли, уговорить. Искал какой-то поддержки. А я не поняла этого, я подумала, что вот он недолюбил по жизни, а теперь хочет наверстать, или что ему страшно. Ну я и призналась ему… что не люблю его. «Зачем выходить замуж без любви?» – как-то так сказала. Понимаете, он сам любил прямоту, я знала, что он не обидится. А теперь думаю, что, может, надо было раньше… Нет, я другое хотела сказать.

Надя рывком взяла стакан с водой и выпила его в несколько глотков:

– Конечно, приятно, когда тебя любит такой человек, как Витя. Обязательств никаких, всегда, что называется, на подхвате, ну и моя самооценка в норме. В самом деле, что сидеть незамужней? Хотя бы штамп в паспорте для статуса – почему нет? Знаете, в посёлке на незамужних косо смотрят, считают их или больными, или тайно гулящими, придумывают всякие глупости. Так вот чтоб хотя бы от этих косых взглядов избавиться.

– Ну так почему?..

– Я относилась к нему слишком всерьёз, чтобы просто остаток дней, который ему судьба отвела, сожительствовать с ним из жалости. Витя был достоин большего. Ухаживать за ним, если он сляжет, я бы стала и без замужества, как ухаживала за своей матерью, как буду ухаживать за тётей Маней, если она заболеет к смерти. Не знаю, понимаете ли вы меня… Если бы это был не он, а кто-то другой, я бы, наверно, согласилась. А тут мне показалось, что это как-то унизительно для него будет. Я же говорила, что он был очень разный, неприкаянный. Но ко мне всегда был обращён лицом мужественным, таким обветренным, сильным. Я знала, что в нём есть и другое, но не хотела видеть это другое, постоянно сомневающееся, страдающее и совершенно не понимающее женщин.

Надя вновь уставилась в окно на реку. Вешние мутные воды стремительно несли к морю мусор с берегов, над водой висели чайки и время от времени сваливались вниз.

– Он был птицей, а я… Я уже говорила вам, что я мышка. Разные мы слишком. В общем, я ему это сказала снова.

– Что «это»?

– Что не люблю его. Он ответил: «Я всё понимаю». А на следующий день, когда опять зашла, он тихий такой стал, словно на десять лет постарел, лицо тёмное, видимо, плохо спал ночью, пытался улыбаться – а мне плакать хотелось. Я уже поняла, что снова сказала ему то, что никогда не должна говорить женщина близкому человеку, даже если ничего, кроме благодарности, к нему не испытывает. А я-то не была ему чужой.

– Почему снова?

– Что снова?

– Ты сказала ему про свою нелюбовь «снова».

– В первый раз я сказала ему это давно, когда он приезжал в посёлок навестить тётю Маню. Я тогда уже вернулась из Москвы, жила с матерью. Это было примерно в начале лета. Жаркий июнь в тот год выдался. Тогда он впервые предложил мне замуж. Долго мучился, стеснялся, не мог решиться, а потом всё-таки признался, что с шестого класса в меня влюблён. Я, конечно, понимала и видела это в школе. Но я была строгой девчонкой, и мне тогда, в школе, это было смешно: такой дылда, а подглядывает за мной. Девчонки меня подначивали, а некоторые завидовали, а мне было страшновато немного – мало ли что.

Так вот, когда он приехал студентом, помню, мы пошли с девчонками на реку купаться. А тут он появился. Они в воду побежали, зовут меня, а Витька меня держит, погоди, мол, я хочу тебе что-то сказать. И вот рассказывает про свои школьные чувства, а потом говорит: выходи за меня! Не гуляли мы с ним, ни одного цветочка не подарил, и вдруг… А я тогда ни о каком замужестве даже близко не думала. Мне казалось, что я как будто стою на мосту к какой-то новой, другой жизни. Уеду в большой город, там найду интересную работу – на самом деле у меня ведь редкая специальность, я океанолог по образованию. Я сказала ему, что не думаю пока о замужестве, я исследователь глубин и это сейчас самое главное для меня. А он стал спрашивать почему. Почему да почему… Если бы он не спрашивал тогда! Долго он меня там, на бережку, мучил. А может, и не так долго, но мне хотелось скорее купаться, и я сказала ему, что потому что потому… потому что не люблю его. Вот.

– А потом что было?

– Ничего. Он уехал обратно в город. А потом подался куда-то на Север, в свою деревню, шхуну строить. Это мне тётя Маня уже рассказывала. Всё сокрушалась, что ему с его здоровьем нельзя – она же его недоношенным родила, болезненным, – надо беречься, Крайний Север для него не место. Но он всегда мечтал попасть туда. Море, романтика. Начитался Джека Лондона.

– Да? А мне он почему-то больше про Жюля Верна да Мелвилла рассказывал.

– Может быть. Но уехал-то на Север, а не в южные широты. А вот я со своей океанологией так и сижу тут, у реки.

– Всё забываю спросить: а что за картина у тебя висит в комнате? Такая… немного странная. С безлюдным парусным кораблём, отплывающим в рейс.

– Это Витина, последняя. Он подарил её мне зимой.

– Там что непонятно: в рейс отправляется будто летучий голландец – на палубе я не разглядел ни единой души. Тебе не показалось это странным?

– Я как-то не подумала об этом… Наверно, матросы уже спустились в трюм, встали у руля, занялись своими делами, зажили новой жизнью. Ну а провожающим что ещё делать? Они живут старой жизнью, им только и махать руками. Оставаться-то грустно.

– А мне грустно уезжать, – сказал я. – Немножко.

– Всегда завидовала тем, кто уезжает.

– Чья грусть сильнее: того, кто остаётся, или кто уезжает?

– Наверно, того, кто сильнее чувствует и больше страдал…

Она опустила голову и стала рисовать пальцем на столе, а я подумал о том, каким самоуверенным был, когда делал выводы о Вите, ну и, стало быть, о многих других встречавшихся мне на пути людях. Ведь я считал, что он уехал на Север из-за своих «идей», а он просто сломя голову бежал подальше отсюда, от Нади, от своей несбыточной любви…

Кофе тоже оказался невыносим, но я постарался не обращать на это внимания, запивая его глоточками коньяка. Надя была вся напряжена, и я понимал, что, как только сделаю последний глоток, она немедленно встанет. Я не знал, как ещё задержать её.

– Надюш, а ведь я ещё приеду сюда! И скоро. На сороковой день.

Это была неожиданная, но счастливая мысль, пришедшая мне в голову неведомо откуда.

– Зачем?

– Картинку Витькину забыл у тёти Мани. Морской пейзаж с человеком на переднем плане. Это он меня рисовал. Отложил вчера себе и забыл.

– Я могу вам отправить почтой…

– Не надо. Лучше я сам приеду… – в голове моей торопливо составлялись разные конструкции для обоснования необходимости возвращения в Поморск. – Раз уж не получилось сегодня на проводах посидеть… Ведь есть такая традиция – на сороковой день поминки устраивать? Как раз июль будет, у меня отпуск. Вот я и приеду. Хорошая идея? Думаю, тётя Маня одобрит. Она же просила не пропадать. Как она сказала: пропажа душу сушит? Ты поняла, в чём тут смысл? Оставь мне свой номер телефона. Может, мне придётся попросить тебя пригнать лодку для переправы.

– У меня же не работает телефон.

– Тогда служебный…

Я записал её служебный номер телефона на клочке бумаги – теперь это был мой билет, которым я мог воспользоваться, а мог и нет.

Подошёл официант. Надя попыталась дать ему денег за воду, но он великодушно отказался, она стала благодарить его, в то же время вставая, чтобы уйти.

– Надя, подожди, я тебя провожу!

– Не надо, у вас же поезд. Я сама дойду. Тем более тут недалеко.

Я вдруг понял, что совершенно необходимо мне здесь и сейчас:

– Подожди. Сядь. Вот. Я хочу потрогать твой лоб.

– У меня нет температуры… Думаете, я больна?

– Вовсе нет. Просто хочу потрогать.

Она зажмурилась и подалась вперёд. Я наклонился к ней – её волосы всё ещё пахли рекой. Приложил ладонь к её лбу, чуть тёплому, пожалуй, даже прохладному. Кожа мне показалась тонкой-тонкой, а под ней – словно гнутый картон, который у висков переламывался едва ощутимым уголком, и в этом месте под кожей пульсировало что-то. Наверно, это была кровь, но не прямо под рукой, а где-то в глубине…

Осязание – самое древнее и самое глубокое из чувств. Забудутся слова, размоется лик, но то, что ты однажды осязал, не забудется никогда. Потому что, коснувшись, стано-

вишься больше, прирастаешь тем, до чего дотронулся, – а что может быть радостнее умножения себя в этом мире? Касание – это когда чужое становится частью тебя, твоим.

Она положила свою ладошку поверх моей, осторожно отняла мою руку и встала.

* * *

Администратор гостиницы за стойкой облегчённо вздохнула, увидев меня:

– Вас не было ночью, и я уже испугалась, не случилось ли чего.

– Вы что, всех постояльцев запоминаете?

– Всех не всех, а вас вот запомнила, – улыбнулась она. – Просто вас искали утром…

– Кто это, интересно? Неужели кому-то известно, что я остановился в поморской гостинице?

– Это приходил следователь. Он просил передать вам…

Девушка протянула записку. Это была просьба – именно просьба, а не повестка – зайти в отделение для дачи показаний. Чему я стал свидетелем? Зачем мне это надо? Я смял записку в ладони, но потом расправил. Нет, просто уехать не выход. Будут искать в Москве, напишут на фирму, пришлют на работу другого, столичного следователя… Ладно.

Я забрал сумку из номера и уже собрался уходить, как что-то в холле гостиницы привлекло моё внимание. Это был телефонный аппарат, висевший в кабинке на стене. Надо позвонить. Я понял, что меня этот червь с самого утра гложет: как они там без меня? Разве можно хоть на несколько дней разорвать эту лукаво сплетённую капроновую бечеву, связывающую меня с конторой? Всё должно оставаться под контролем!

Я набрал московский номер. И в самом деле, это чутьё: на работе творилось что-то невообразимое. В день моего отъезда попал в больницу начальник, а уже вечером случилась авария на объекте, меня обыскались и срочно ждали на работе. Вдобавок на работу позвонили с квартиры, которую я снимал, и потребовали, чтоб я съехал в кратчайшие сроки, – её решили почему-то именно в эти дни срочно продать. Мне стало не по себе. Просто так такие совпадения не случаются.

Пока Наташа, мой зам и боевая подруга, в подробностях, что было для неё совершенно нехарактерно (она словно почуяла что-то), вводила меня в курс обрушившихся неприятностей, я упёрся лбом в холодный металл телефонного аппарата и закрыл глаза. Какое счастье, что у меня есть спасительное свойство оставаться на связи и в то же время отключаться, думая о своём. Мне представилась сложная машина, наподобие токарного станка, со стремительно вращающимся шпинделем. Идеально крутящаяся заготовка в патроне, в котором вдруг сбилась центровка. Незаметно для глаз деталь повело, а потом начало бить всё заметнее – машина пошла вразнос. Давно и как должно работающая система дала сбой. Я – небольшая, но важная деталь, уравновешивающая всё. Мне следовало вернуться на своё место.

Мегаполис протянул к моему горлу цепкие руки и потребовал сделать выбор. Выбор без возможности выбора.

Я любил в Москве бывать в ресторане на Останкинской игле, когда подо мной, раскинувшись, лежало огромное тело столицы. Вот он, большой город: смотрит, слушает, дышит. Из тысяч подъездов и домов, точно кровь, вытекают струйки людей, соединяются и тают где-то в центре среди офисов или на окраинах у заводских проходных – и я тоже кровяное тельце в этом общем потоке. Это так успокаивает – когда исчезаешь в движении, теряешь своё я, растворяешься в улицах мегаполиса, супермаркетах, подземке. Низко

ползущие тучи иногда накатывали на телевышку, закрывая обзор. И тогда я погружался в блаженную пустоту… Но теперь я отделился и микрочастицей тумана витаю здесь, среди облаков Севера…

А ещё я любил сидеть в каком-нибудь кафе в центре города за рюмкой коньяка и смотреть на суету за окном, на прохожих, на посетителей и официантов. За стеклом была не жизнь, а что-то вроде плеска океана, дрожи безликой протоплазмы. Это и был истинный мегаполис, которому на самом деле ничего не нужно от тебя, кроме тебя самого, и от которого тебе ничего не нужно. В открытое окно кафе, как через распахнутый иллюминатор корабля, доносились обрывки речи, я выхватывал из толпы шальные взгляды, и кожа моя словно бы чувствовала лёгкие разряды тока от бессмысленного коловращения там – впитывая всё это, я с каким-то необъяснимым наслаждением чувствовал, что этот мир сходит или уже сошёл с ума.

В этом океане я был частичкой взвеси в мутной воде: ни на дно, ни к солнцу. И мириады таких, как я, рядом – живых, умерших и ещё не родившихся, пребывающих словно в космической невесомости. Цивилизация мегаполиса, никуда не стремящаяся, не знающая, в какой стороне северо-восток, не понимающая прошлого, живущая безумным сконструированным настоящим: прокатится волна – какая-нибудь ядовитая сплетня, или вдруг где-то что-то взорвётся, или скандал вокруг какой-нибудь телезвезды, или умрёт генеральный секретарь – и всколыхнётся фитопланктон, а потом снова всё зависнет в покое. Медленно и неуклонно, годами вся эта тина опускается на дно, и на её месте нарождается новая… Так и я проживаю отмеренный мне срок. Родился, учился… То же самое я мог бы сказать и десять лет назад. Это же я смогу о себе сказать и через двадцать лет. А потом наступит момент, когда уже не смогу ничего сказать.

Но всё-таки иногда какая-то тревога овладевала сердцем. Помню, однажды я шёл по переходу метро, кажется, это была станция «Комсомольская». Все стены перехода обложены витиеватой декоративной плиткой, напоминающей небольшие картуши, – классика сталинского ампира, изысканная узорчатость, имитирующая московское барокко, уверенная в себе и в силе человеческого гения. И всё было как обычно, но вдруг я заметил, что в одном месте плитку эту выперло из ровной стены. Пригляделся – таких выдавливаний оказалось немало. И мне на мгновение сделалось страшно. Эти стены, укреплённые толстым армированным бетоном, в сущности, тонкая плёночка, отделяющая наш мир от той неведомой силы, что кроется в глубине. Этот вогнанный по плечи в землю богатырь спит и дышит, и уже от одного его дыхания выпучиваются и трескаются дела рук человеческих. Но сила – она не может спать вечно. Когда-нибудь эта безликая и равнодушная сила очнётся ото сна, и тогда… Но я не стал додумывать, что будет «тогда», эта мысль затёрлась в суете, поселилась в моём сознании в самом дальнем уголке и более уже не беспокоила меня. Но с тех самых пор я всегда помнил, что там, в тёмном закутке моего «я», лежит какая-то очень важная недодуманная мысль.

* * *

В отделении милиции было безлюдно и тихо. Дежурный указал мне, как пройти к следователю, и снова уткнулся в заполнение своих бумажек.

Следователем оказался моложавый, но уже лысый человек в очках с толстой оправой, похожий на учителя физики и астрономии. Он предложил мне присесть и сказал, что задаст несколько вопросов.

– А в чём дело? – изобразил удивление я.

– Видите ли, умерла женщина… Она приехала вчера сюда на поезде, а ночью скончалась после операции в районной больнице. У меня есть сведения, что вы ехали в этом поезде вместе, то есть в одном вагоне, и поэтому могли бы нам дать некоторые пояснения…

– Вы говорите о той молодой девочке, которую везли в здешний роддом?

– У нас нет роддома, у нас районная больница, – сухо поправил меня следователь. – Операцию делали в хирургическом отделении. Пожалуйста, я буду задавать вам вопросы.

– Хорошо, задавайте.

Я не мог вспомнить, в это ли здание приводили меня в детстве, когда мы с компанией взорвали бочку карбида в порту, так что пришвартованный буксир с разбитыми стёклами даже отплыл от причала. Тогда туда зарулили сразу две милицейские машины и взяли нас всех до единого. В отделении с нами разговаривала тётка-участковая: незабываемы те по-матерински воспитательные интонации, обличения с нажимом на совесть, на ответственность перед родителями и пионерским галстуком…

Ничего такого теперь не было. Слова выскакивали из следователя, точно сдача из автомата, он говорил отстранённо и почему-то немного опасливо – может быть, потому, что узнал из моего паспорта о столичной прописке, а из удостоверения – должность. А может, он просто понимал формальность опроса.

Я рассказал, правда, без особых подробностей, что происходило вчера на моих глазах в вагоне. Ответил на пару лукавых вопросов о сопровождавшей девочке-медсестре. Было ясно, что интересует следователя именно она, а не я.

– Благодарю вас, вы свободны, – «физик» привстал и протянул мне руку.

Я повернулся было уходить, но задержался:

– Скажите, ведь девушка была беременная. А родить она не смогла?

Молодой человек поправил очки:

– Наши профессиональные врачи смогли спасти ребёнка. Он жив и находится под присмотром опытных медиков…

* * *

Изначальное состояние человека – это рай во чреве материнском, покой, который достигается жизнью среди вод, в безлюдстве и тишине; ровный стук сердца рядом – это и есть глубочайшая тишина. И этот образ рая мы всю жизнь стремимся вернуть себе.

Место, где ты родился, – это всегда кусочек рая, даже если это островок размером с твою комнату детства посреди клокочущего адского моря родительских дрязг, плача и страха. В этом твоём эдеме есть падение с забора, шрам на щеке, драки во дворе, промокшие сапоги, двойка в дневнике, укус любимой собаки, обида на сестру, украденный велосипед и много чего ещё, но при этом всё вместе – внутри обволакивающего и пронизывающего покоя. Но места для однажды покинувшего рай там уже нет. Вернуться нельзя. Можно постоять рядом, в круге света, как возле реки у оврага, послушать вселенский концерт весенних птах – такой концерт здесь совершается каждую весну. Приобщится душа к раю и забудет на время скорбь. Жаль только, что в жизни не каждый год такая весна.

…Времени до поезда оставалось ещё много, и я решил сходить в парикмахерскую. Не то чтобы оброс, но, по-видимому, где-то в глубине души мне хотелось совершить ещё одну попытку возвращения. Не случилось в милиции – так попробовать там, в другом памятном по детским годам месте. Как это было в той жизни? «Постричь полубоксом или канадкой? – спрашивала тётенька в белом больничном халате. – Будем освежаться?» «Нет-нет!» – энергично мотал я головой, в страхе, что она не поймёт или не послушает меня. У меня лежал в

кармане один полтинник – ровно столько, сколько надо на стрижку безо всякого одеколона! И за это она обязательно больно защипнет машинкой кожу и дёрнет волосы на затылке. Зато в конце – несколько блаженных мгновений, когда по ёжику остриженных волос парикмахер проведёт ладонью, а потом включит фен и взъерошит тёплым воздухом волосы на макушке.

Я забрёл в старый район, который, мне казалось, хорошо помнил, – здание парикмахерской должно быть где-то среди старых купеческих домов. Но и в старом городе всё изменилось. Некогда кишащие детьми и прохожими, а ныне пустынные улицы и только дремлющие кое-где возле заборов псы. Деревянные покосившиеся заборы, дома с заколоченными окнами – как же много заброшенных домов! В окольницу одного из них за мной внимательно наблюдала старуха. Я улыбнулся и махнул ей рукой, но она даже не пошевелилась. Приблизившись, я понял, что она слепая. А вот гордость улицы – балкончик особняка на витых чугунных столбах, устроенный по-столичному, как в губернском городе. Во времена оные на нём усаживались испить чаю с лимоном купеческие дочки, а потом с него вещали местные агитаторы под портретами вождей. Теперь же дверь на балкон была заколочена горбылём… Храм с покосившимся шпилем и тяжёлыми коваными дверями на замке. В церковном саду ещё не просохли огромные талые лужи, по форме наподобие облаков, отражающие пустое небо. На липах грачи, лениво каркающие на пронзительно отстреливающихся галок…

«Скажите, а где старая парикмахерская?» – спросил я у мамаши с коляской. «Старая?» – удивилась она. Старушка, оказавшаяся рядом, указала мне дорогу: «Она по тому же адресу, что и прежде, только теперь в пристройке». И добавила: «А в старом банкиры засели!»

Вот и старинный купеческий особняк, выглядящий чистенько на фоне облезлых зданий по соседству. Банкиры заняли оба этажа и перелицевали первый этаж до неузнаваемости пластиком. А где же парикмахерская? Малоприметная стрелка указывала: вход со двора.

«Как будем стричься? Виски прямые или косые?» – спросила, кажется, та же толстая женщина, которая стригла меня в детстве, в таком же белом халате, только лицо другое, усталое, и не накрашены губы. Я так и не смог заставить себя поболтать с ней. Снова не то, совсем не то: слишком отстранённое, слишком бережное, даже подобострастное отношение – как-никак солидный клиент, она это сразу дала мне понять. Всех своих она хорошо знает – я для неё не свой. Она манипулировала моей головой молча, деловито, аккуратно, точно так же она бы косила траву во дворе или ощипывала курицу. «Благодарю вас, сколько с меня?» Дежурная улыбка. «До свиданья». Хотя никакого свиданья и не будет. Невозможно вернуть детство, если внутри тебя его нет.

Я направился к вокзалу по улице, по-прежнему пышущей головокружительными ароматами черёмухи, свежей травы, сыростью вешней воды, булькающей и пузырящейся в канавках. Но странное чувство волочилось за мной. Жизнь, смерть – как всё в этой поездке переплелось! Как крепко они сцепились друг с другом! И как глубоко они проникли в душу…

* * *

Не помню, как я дошёл до вокзала. Купил билет, но до отправления оставалось ещё полтора часа. Я вышел на привокзальную площадь и снова оказался у скамейки под черёмухой – она вся была усыпана шелухой от цветочков.

Я уселся и закрыл глаза: боже мой, я был здесь вчера, а кажется, прошло с того времени полжизни! И вот теперь, когда земную жизнь прошёл до половины, круг замкнулся. Мне предстоит выйти из него. Или остаться в нём? Вон, стоит на запасных путях состав, в своём

железном нутре он мне уже уготовал нумерованное место. Нижний ярус, постельные принадлежности. А тут… Всё как-то неопределённо, колыхается, как гать, податливо, как дерево.

Где ты, моя ящерка, что скажешь? Что-то трепетало у меня в глубине: перед глазами плавились зелёные волны, а в струях, на самом дне, покачивалась донная трава – и вместе с ней, вместе с тяжёлым глубоким дыханием вдруг ощутило слабость в коленях моё неподвижное, всегда уверенное в себе «я».

Обычная тактика смерти – внедрение исподволь, затем болезнь, распад. А жизнь овладевает миром через напор, спонтанность, наивную изобретательность. Я не знаю, откуда пришла мне эта мысль, но она не дала ни мгновения на рефлексию – и вот я уже шёл обратно в город.

В холле районной больницы было пустынно. В регистратуре за стеклом виднелась только макушка чьей-то головы. Я заглянул: внутри сидела какая-то девчушка.

– Здравствуй, девочка. Позови кого-нибудь из взрослых.

– Вам кого именно? – встала она, надевая белую медицинскую шапочку.

– Дежурную, например.

– Я дежурная. Слушаю вас.

– Замечательно. Тогда скажите мне: вчера вам прямо с поезда доставили роженицу…

– Надежду, что ли?

– Как, вы сказали, её звали?.. – поразился я.

– Надя. А кто вы ей? – девочка с любопытством взглянула на меня.

– Крёстный, – быстро сориентировался я.

– А-а, я вас узнала! Вы с поезда вчера её выносили, – затараторила девочка, и я вспомнил эту её скороговорку. – А я та медсестра, которая её сопровождала. Помните меня? Это же я вас крёстным назвала.

– Точно. А я вас не узнал сразу, простите.

– Да, она родила, мальчика… Но она… С ней случилось несчастье, – наконец решилась медсестра.

– Я знаю, мне сообщил следователь. Я только что был у него, и он сейчас решает, возбуждать ли дело. Но я не об этом… В поезде вы мне говорили, что вот эта девушка, Надя, – она из интерната. Это что значит: у неё нет родственников?

– У неё вроде была бабушка, но она умерла в прошлом году в доме престарелых. Мы сейчас выясняем, есть ли ещё кто, но кажется…

– А муж?

Медсестра пожала плечами:

– Об этом нам ничего не известно.

– Я понял. Но если уж вы назначили меня крёстным, значит, я в каком-то смысле прихожусь ему родственником… – я пытался говорить, как бы шутя, понимая, как легко мой замысел может обнулить эта девочка в медицинском колпачке. – Мне бы хотелось повидать этого мальчика… Кстати, как его зовут?

– У него ещё нет имени, – осторожно ответила медсестра.

– Понятно… А как насчёт повидать?

– Пока нельзя… Думаю, разрешат не раньше, чем через неделю, а то и две.

– К тому времени у него уже будет имя?

– Вряд ли. В интернате уже дадут…

– Тогда давайте выберем его вместе! Вы – божатка, я – крёстный. Как вам такой расклад?

Откровенно говоря, предложение вырвалось у меня спонтанно – я перед тем не думал,

какое можно имя дать малышу. Мне только на мгновение вспомнилось то, что происходило в вагоне поезда накануне, и я представил маленького человечка в животе у матери; он уже знает: всё, что ему доведётся сделать в жизни, придётся делать в одиночку, без неё, – ведь они там, во чреве, всё-всё знают, всю свою судьбу до последнего дня, но как только выходят на свет Божий, немедленно всё забывают. И этот малыш знает всё, кроме своего имени. Оно будет защищать и направлять его, введёт в неведомый мир предков и бросит отблеск на его вечную судьбу.

– Давайте назовём его Витей! – вдруг вырвалось у меня. – Как вам? Виктор – это же значит «победитель». Самое то для мальчика! Прирождённый победитель над обстоятельствами, над смертью, в конце концов! Мать погибла, а он-то ведь выжил!

– Но как-то вот так сразу… – потупилась сестра. – Мне надо подумать.

– Вопрос не терпит отлагательства! И потом, согласитесь, это не самый лучший вариант – отдавать крошку в интернат. Ведь так?

– Конечно, но что поделать. Родственники ведь вряд ли найдутся.

– У меня есть мысль. Где у вас тут телефон-автомат? У вас найдётся две копейки?

Больше всего я в этот момент боялся, что потерял записку с её телефоном. Но нет, вот она, уже смятая, чудом сохранившаяся… Я набрал номер:

– Здравствуйте. Пригласите, пожалуйста, Надежду. Да… Спасибо. Надя, это ты? Как хорошо, что дозвонился. Я звоню тебе из больнички вашей, из автомата… Нет, я ещё не уехал, поезд отправляется через полчаса… Успею. Подожди, подожди… У меня есть к тебе большая просьба. Две просьбы. Только обещай, что хотя бы первую ты выполнишь… Сейчас узнаешь, но сначала пообещай… Вот и отлично. А просьба такая. Помнишь, я тебе рассказывал, что вчера поездом девочку привезли из района рожать, у неё было сложное пред… Да, точно, предлежание. Не рассказывал тебе?.. В общем, тут такое дело: она умерла при родах… Да, ужасно. Но мальчик выжил. Он сейчас здесь, в вашей больнице, но к нему пока не пускают. Вот слушай: первая моя просьба – приехать сюда и похлопотать, чтобы его правильно оформили. Потому что у него уже есть имя… Да, его зовут Виктор… Вот чтоб правильно записали, а не каким-нибудь, к примеру, Эдиком… Ну и второе…

Тут я глубоко вдохнул.

Может быть, когда-нибудь на Страшном суде, о котором я тогда и не думал совсем, я буду по крупицам собирать те добрые дела, которые совершил в жизни, и перебирая чётки лет, вспомню это. Ни начала, ни концы нам не известны. Да я и не знал тогда, выйдет ли что-то из этого. Да и есть ли в этом моя заслуга? Попадая на родину, иногда делаешь странные поступки не потому, что ты хороший или плохой. Словно делаешь это и не ты вовсе, а земля, породившая тебя, – твоими руками…

– …Вторая просьба такая, но тут уж ты смотри сама. Да, сама. Дело в том, что у мальчика нет родственников… Да, совсем. Их не нашли и, скорее всего, не найдут… Она интернатская, жила одна в общежитии. У меня к тебе просьба. Или не просьба. Не знаю даже, как это назвать… Да не опоздаю я… В общем, если ты захочешь, конечно. И если сможешь тоже. Ты могла бы его взять к себе?.. Ну как? Насовсем. Усыновить, например, или хотя бы в опеку… Ну и правильно, что молчишь. Тут надо всё хорошенько обдумать, дело серьёзное. Но если ты решишься, то о финансовой стороне не беспокойся, это я всё сделаю… Так ты зайдёшь к нему?.. Спасибо. Скажи врачам, что тебя крёстный направил… Да, приеду на сороковой день, и будем его крестить Витькой. А по второму – подумай… Вот и отлично… Да не опоздаю я на поезд!.. Ну, я не прощаюсь насовсем… Ага, пока, Надя! Обнимаю!

Я повесил трубку и обернулся: сестричка стояла за стойкой регистратуры и смотрела на меня, широко раскрыв глаза.

– Ну вот и замечательно, что ты всё слышала. Надеюсь, у нас троих всё получится? – я подмигнул ей. – Ты ведь теперь тоже в деле, божатка!

Я достал кошелёк и, сколько там бумажек зачерпнулось, всё подал ей:

– Не вздумай отказываться, это не тебе, а ему! Ну там, пелёнки-распашонки, какие надо, – до того времени, пока я не вернусь… Вот ещё… – я достал из портфеля банку с имбирным печеньем. – Это тебе к чаю. Ешь и не забывай.

Глянув на часы, я в ужасе обнаружил, что до отправления поезда осталось двенадцать минут. В ужасе даже не оттого, что опоздаю, а оттого, что, быть может, мне придётся провести здесь, в Поморске, ещё сутки. Потому что только что я поставил точку, а что будет после неё, я не знал и не хотел знать. По крайней мере, пока.

К поезду я успел за минуту до отправления. Запыхавшийся, вскочил на подножку вагона, сунул вслепую билет проводнице, сквозь дым топящейся в тамбуре печи ввалился в купе и прямо в одежде рухнул на рундук. Весь мой запас сил за минувшие два дня был исчерпан.

* * *

Глубокой ночью под стук колёс я проснулся. Наш вагон давно перецепили к другому составу, и он неспешно катил среди бескрайних лесов в сторону Москвы. Светало: над Севером уже простёрлись белые ночи – в начале июня они лёгкие, как полусон, как дымка над рекой.

В душе свербели мысли о том, что никогда больше не увижу я Витьку, и отчего-то было жаль себя, словно уезжал я, проведя здесь не два дня, а десяток лет. Снова думалось, что позади осталась какая-то полнота, которая больше уже никогда в жизни не случится. А спроси, что было, – и не скажешь. Теперь я бы смог ответить на вопрос, чья грусть сильнее, провожающих или уезжающих: тех, кто прощается навсегда. А остаёшься ты или отправляешься, не так важно.

Вернусь ли на сороковой день, я уже не знал. В тот момент, когда я говорил об этом Наде по телефону, это казалось мне несомненным. А теперь, по мере приближения к Москве и всему тому, что меня там ждёт, такая возможность начинала казаться всё более призрачной. Даже для звонка в Поморск теперь я вряд ли смог бы насобирать сил. И что ждёт впереди? Неужели всё то же, что и прежде, то есть ничего? Времени осталось не так много, и придётся принимать решение.

– Сорок дней, всего-то… – невольно вырвалось у меня.

– Что сорок дней? – поднял голову дремавший сосед по купе.

– Сорок дней осталось. Уже даже меньше…

– Это ж целый вагон… – пожевал он губами и снова закрыл глаза. – А ты спи. Время на время не приходит.

Я отдёрнул шторку. Смотреть за окном было решительно не на что: вдоль путей тянулась лишь бесконечная череда елей, ограждающая от праздных взоров пассажиров таинственный мир тайги и болот; сосны стояли спиной к железной дороге, вытянув головы, будто пытаясь разглядеть вдалеке, поверх зелёного моря, смутные очертания иной, грядущей земли.

Состав скрежетал и грохотал всем своим кованым железом, колёсные пары клацали на стыках, где-то рядом лязгали буфера, вагон качало, и прямо подо мной он отрывисто скрипел металлическими сочленениями, и всё это отдавалось эхом в моём сжавшемся от тоски сердце. В какой-то момент мне показалось, что это не поезд и не рельсы, а железная река несёт меня – она дальше и дальше сносит бессильно лежащего на полке путника туда, где уже открыло свой зев и готово поглотить его неумолимое хладное море.

2022

Елена
АФАНАСЬЕВА

Елена Евгеньевна Афанасьева *чужис Удораын, Важгорт сиктын. Гижö кывбуръяс, висьтъяс. «Енкölаö ыбöс», «Ву», «Пыж да лов» – сылöн кывбура асшöр книгаяс. Челядьлы лоины козинöн «Кутш», «Дуда Платтьöа» циклысь висьтъяса некымын небög. Пырö Россияса гижысь котырö.*

Юяслöн сьылан

Кывбуръяс

* * *

Сьöлöмыд на колö буретш татчö.
Из пыр мунны шуöма кö – мунан.
Пыжъяс талун ныр кутöны катчöс,
Мöдöмаöсь визув паныд уна.

«Босьтöй менö аскöдіныд, пыжъяс!» –
Горöда, а найö – лэбач котыр!
Сьöлöм рочöй на бöрся кö пышъяс,
Суöдас-ö… Суöдас кö, кодыр?

Удитöдчис сöвны бöръя пыжас,
Полöмпырысь видзöдліс ас гögöр,
Быттьö сійö ставсьыс медся мыжа…
Другысь пöртчис вöрлань лэбысь кökö.

Шыасьліс со эстöн, эстöн, эстöн –
Нюръяс вомöн лэбö, сук вöр пиöд.
Зарни рыт нин алöй кыа пестö –
Сылы колö вуджны шонді биöд.

ЛЁША

1.

Алексей Крюковлы,
Украинаын усьöм том мортлы

Бöръя здук. И дерт жö, тэ эн удит,
Весиг мövпнад Ву вылö эн во.
Мый нö вочан – татшöм кö нин пудйыд,
Водзö тэнад тулысыс оз ло.

Лёша… Лёша… Югыд лола мортöй,
Köджысь петöм миян зарни пи.
Код нö татшöм олöм туй тэн вордіс,
Томöн-бурöн медым сотіс би?

Öти кадö мыйта тэ кодь зонмöс
Кöдзыд сывйöн кутліс öтдор му.
А вöйналöн оз и тыдав помыс.
Луза бöрдö, Визин, Изьва, Ву.

Чужан муö быд лун воö юöр,
Шогöн тыри бать-мамъяслöн лов.
Кытысь водзö олан руыс сюрö,
Шогсьыс кор и шондіыс оз ков?

2.

Украинаын вöюйтысь удораса зонъяслы

Тулыс, Лёша*, тулыс… а тэ узян.
Пеж война эз помассьы на, эз.
Воалöны чужанінад юсьяс,
Ваыс корсьö йи куд улысь мезд.

Тöрыт тэнад сиктысь война вылö
Муніс Öндрей, менам ичöт вок.
Маті вöрын пыста тёльгö-сьылö:
Суис зонмöс кывкутана мог.

Лёша, чеччы! Дорйы сыкöд öттшöтш
Чужан мулысь дзоридзалысь бан.
Вуджöй, пиян, тшына кадсö köттшöб…
Тіянöс пыр виччысьöны тан!

ЮЯСЛӦН СЬЫЛАН

Ті менам юяс, пыс кодь дзоля юяс,
Ті менам ловлы радлун вайысь мич.
А шогыд, овлö, висьтасьтöгыс суас,
И таысь некод миянöс оз видз,

А тіян эзысь чирйöн ворсысь ваныд
Збыль вежа нимкыв тöдö али мый? –
И ме нин мöвпнам ката визув паныд,
И пелыс улам Сödзим, Путшкым, Ы.

Став юыс ме пыр мунö тайö здукас.
И быттьö найö – менам олöм сöн.
А кодкöд сэсся шогъясöс ме юка?
И чужанінысь öтдор юка кöн?

**Алексей Крюков уси кольöм воö Украинаын.*

Ті визувтӧй и сьылан меным сьылӧй.
Мед кывзас мекӧд ӧттшӧтш парма-вӧр.
Мед тӧвру нулас сьыланкывсӧ ылӧ,
А сэсся коркӧ ваяс татчӧ бӧр

И лӧня пуктас эзысь пыжлӧн бӧжӧ
Да небыдика лайкӧдыштас здук.
А сэсся шонді лун сьӧмӧснас пӧжас,
А зэрыс удас сылысь бан и гуг.

И рытъя лэбач сьыланкывсӧ аддзас
Да коз пу йылӧдз качӧдчылас звирк.
И мӧвпыштас: да кутшӧм татшӧм чача,
Мый сьӧлӧм – тайкӧ гымай водзын вирд.

ЭНОВТӦМ ВИЧКОЫН ПУЯС…

Пуясыс пырӧмны вичкоӧ. Сэн
Мый йылысь кевмӧны чӧлас*?..
Кылас оз корӧмсӧ шондіа Ен?
Катас оз енэжас йӧла?

Кылас кӧ, вермас-ӧ отсавны сэк?
Пуяс ӧд пондасны шытӧг
Кок йылас катласиг сулавны век,
Нуӧдны сёрнисӧ сыкӧд.

Шондіыс сявкъяс, и киськалас зэр,
Кодзув сик вевт пыдди лоӧ,
Кевмысян кыв налысь некод оз берт –
Корныс моз гылалас лолӧ.

КЫВБУРЪЯС

Кывбуръяс пессьӧны кӧтасьӧм корйӧн –
Лэбӧмны сад йӧрысь ичӧтик борйӧ,
Мудзтӧдзныс тӧв йылын венӧмны унсӧ,
Ланьтӧмны сэсся со – синъясныс куньса.

Чукӧрта содз тыр да аскӧдӧ вая –
Кодӧскӧ – гож водзӧ, кодӧскӧ – сайӧ.
Лоӧны бобув кодь кокньыдӧсь ӧтнив,
Ышловзяс ывла – и оз коль ни ӧти.

**Чӧлас – в тишине.*

Мӧд вонас вӧтӧн моз воасны найӧ:
«Миянӧс ловзьӧд да вемӧсӧдз вайӧд.
Мӧвпышты платтьӧ – мед мичсьыс на мича.
Ми сійӧс йӧз дорӧ петавны видзам».

Кывбурлы – платтьӧ!.. Ме ветлі ю сайӧ,
Быдсяма дзоридзсӧ моздор тыр вайи,
Лысва моль ӧктышті югзьӧдны дорсӧ,
Медым быд войтын лунъюгыдыс ворсӧ.

Кайлі ме кыр йылӧ ловрула сылы,
Тӧлӧн мед лолыштас ойбыртӧм ывла…
Муслун кӧ нӧшта…
Да неыджыд сьӧлӧм!

Корси… а сійӧ нин тэ пытшкын, вӧлӧм.

ЮӦР

Коді бобувлысь орӧдіс бордсӧ?
Эськӧ лэбис веж видз вылӧ йӧрысь.
Вайӧм юӧр эз пет медым ортсӧ,
Гыжнас чашвартіс кодікӧ скӧрысь?

НЁБДІНСА ВИЧКО

Нёб дорын сулалӧ вичко,
Некор эг пыравлы сэтчӧ.
Сьӧлӧмӧс гажтӧмлун личкӧ –
Тӧдлытӧг руыслы сетча.

Нэмъяс пыр вуджала кадас, –
Жыннян шы сикт тырӧн кылӧ…
Коркӧ тай дикмӧдысь чадас
Веськаліс морт вежӧр, ылі

Кытшовтны пондыліс йӧзыс
Вичкосӧ – мырдӧн он вайӧд!
Тшӧктан мӧй шонділы: «Ӧзйы!»,
Дзебсяс кор кымӧръяс сайӧ.

Коркӧ со локтісны аньяс,
Вичкоӧ пырисны чӧла
Валя, да Вера, да Саня…
Аньяслы шыасис йӧла.

Нёб юысь катісны васö,
Мыськисны быд пельöс бура.
Вичкоыс абу нин таса –
Ылісянь – шондіа юра!

ЛОВ ДЗОРИДЗ

1.

Галина В.

Кöнкö лов пытшкын менам эм ичöтик жыр,
Пурпур гырничö сэтöні овмöдчис дзоридз.
Öшинь югыдлань мыччöма нэриник ныр.
И ме мöвпала дзоридзсö асывсянь сёрöдз.

Сійö некор и некытчö сэтысь оз мун.
Весиг сэки, кор пазмунлö олöмлöн часьыс.
Интöм лэбач моз вошлö сэк вемöс и ун.
Кыла войбыд, кыдз кокъяссö пукталö часі.

Сійö ветлас то эстчань, то косалас бöр.
Кутшöм мог пöртö олöмö, кодкö мöй тöдас?
Тавой еджыдöс-еджыдöс козьналіс вöр,
И ме вывтырнам уёвті лымъялысь вötас.

Сэні чужöмöс сотыштіс ёсь чиръя лым.
Тöв ныр пöльтіс, эз сет меным воськовтны водзö.
Ки-кок пиавліс, ловруöй вöлі кöть пым.
«Тырмас, бергöдчы!» – часі друг бовгöдіс. Соддзö

Босьті тэрыба лымсö, мед эскöдны скöнь
Менсьым дзоридзöс, сійö öд садьмис жö öні.
Восьті соддзöс, кор вои. А лымйыс нö кöн?..
Петі котöрöн ортсö, а кок улын – сöнік.

И кор видзöдлі асыввыв, чуймылі: «Чö-ö-в!» –
Менам ыпмунöм вежöрöй воссьысьö гöрдöн!
Синмöй вазьыліс сэки – мый енэж оз чöвт.
Öдва кывмöн сэк дзоридзöй шуис: «Мый бöрдан?»

2.

Л.

Видзöдлы öшиняд – енэжас дзоридзыс кутшöм –
Сир пемыд гöгöр, а сійö то зарниöн сотчö!
Аддзылін лун шöрнас выліас лэбалысь кутшöс?
Катöма дзоридзсö – пуктöма кодлыкö соддзö.

Киыс кӧ асъядор мудзас, и – лёнькмунас увлань.
Дзоридзыс усяс сэк кад юӧ визувтысь шорӧ.
Енэжыс сутш кежлӧ – югыдыс бырлӧ да – кувлас.
Вӧр сайысь мӧд дзоридз петас – син лыс пырыд ёрӧ.

Вӧр сайысь мӧд дзоридз мыччысяс – ёрӧмӧн ёрӧ.
Воддзаыс ва ньылыд кылалӧ – тайкӧ чӧж-пӧтка…
Кытчӧкӧ воас ӧд, тӧдӧмӧн, шӧрӧ ли дорӧ,
Видз весьтысь зарни бус лов тырӧн бобув моз ӧктас.

Вой шӧр вой видзӧдла: дзоридзӧй восьтӧма розсӧ –
Лайкъялысь поскӧдыс катӧмны пемыдлӧз йирӧ –
Синъясным паныдӧн лолӧны – разьӧмны поссӧ! –
Муслунӧй ылькнитлас чукйӧн, и кӧдзавлас вирӧй.

ВАЖГОРТЫН АСЫВ

Мамӧлы

Еджыд платтьӧ пасьталас шонді кытша асыв,
Турун вылӧ войтӧдас сӧстӧм синва рӧч.
Но а йӧзыс шуасны: лысвааліс асы,
Ен ань синва кисьтӧма, видзӧд, кутшӧм сӧдз.

Пуксяс еджыд лэбачыс, кокалыштас сійӧс,
Лэбас аслас ыліӧ югыд ваӧн пӧт,
Нуас юкмӧс асывлысь еджыд морӧс пиас,
Аскӧд бӧрсӧ вайӧдас шызьӧм лэбач рӧд.

Лыдтӧм-тшӧттӧм воасны менам ӧшинь улӧ,
Ӧти здукӧн юасны маа васӧ скӧнь.
Енэж соддзас шондіа кадыс кодыр сулӧ,
Чепни горысь жугалӧ лов косялысь лӧнь.

КЕЛЬЫДЛӦЗ ЫЛНА*

Кельыдлӧз ылнаыс сибӧдлас менӧ нявдаа* рӧчнас,
Синтӧ эн вештыв кӧть – нюдзлуннас сэтшӧма кыскӧ.
Асъядор рӧмыдас сёкатлысь* сьӧмсӧ ва вылӧ кӧдзлас,
Пыртавлас югӧр визь сунис моз ю черлӧн* пыскӧ*.

Сылы ме ю вомӧн горӧдча озкӧ: вошӧмыд кытчӧ?!
Бабаяс тэӧн мӧй гожӧмбыд сірписны* моли*?
Шогпырысь шуас: домавтӧм пыжъяссӧ нуӧма кывтчӧс…
Нявдасӧ нетшкисны, керч турун сӧмын и коли.

Тэнӧ эг вунӧд ме, – горӧда воча, – быд лунӧ вита!*
Рӧчьясысь ӧктыла синмыд кодь рӧмъяса чача*.
Мыйкӧ ӧд век на олӧмас миянӧс тэкӧдыд йитӧ!
Кысь тэнӧ гумовта соддзӧн и кысь тэнӧ аддза?

Кельыдлӧз ылнаыс дыркодь оз шыась, сэсся тай кыла:
Ыстывла быд асыв тэныд ме бутляк* кодь шонді.
Важӧн нин вешйи мӧдлапӧв вӧр сайысь судзсьытӧм ылӧ,
Кӧсъя, мед сьӧлӧмыд муслунла быд здукӧ ёнтіс.

ЗЕЛЕНЕЧСА ВИЧКО ДОРЫН

Тэ зеленечса Сандра йылысь кывлін?
Дерт, кывлін!..
Кытчӧ дзебӧма, он тӧд?
Ме, сідзкӧ, тэнӧ гӧгӧртӧда ылі.
И гӧгӧртас мед микӧд сылӧн рӧд.

Вай матыстчылам сиктса вичко дорӧ…
Но туй выланым сувтӧ джуджыд стен*.
А горувтіыс писькӧдчыны шорӧн
ог видлӧй?
Либӧ ставыс веськодь тэн?

Со кыдз пу
вичко юр пыддиыс важӧн,
А енэж йирыс судзмӧн матын тан,
А сынӧд горсӧ кывтӧм жыннян чашйӧ…
Но Сандра муслун дӧра оз нин пан.

«Оз пан? – тэ менсьым юалан. – А мыйла?»
Кыз му горулын сійӧ, сьӧлӧмшӧр.
Но быттьӧ сылысь гӧлӧссӧ ме кыйла,
Кор вичко дорас сибӧдчывлӧ вӧр.

**Кельыдлӧз ылна – голубая даль.*
**Нявда – незабудка.*
**Сёкат – хариус.*
**Чер – вв. приток реки.*
**Пыс – ушко, проушина. Пыскӧ – уд. пысӧ.*
**Сірпны – уд. сырпасьны, ловить рыбу плавной сетью.*
**Моли – уд. ёс, мелкая рыба, водящаяся у берегов рек.*
**Витны – виччысьны, ждать.*
**Чача – уд. дзоридз, цветок.*
**Бутляк – уд. лежнӧгйыв, шиповник.*

И быттьӧ платтьӧ бӧждор шысӧ кывла,
Кор гожӧм шӧрын шумӧн ыззяс зэр.
А сэсся тырас шонді юӧн ывла.
И турун мыччас вуджӧр – посни сер.

Но абу Сандра,
сэк жӧ быттьӧ вийым.
Пыр корся пасъяс, кодӧс колис мен.
Быд роптасын, и пессьысь сиська биын –
И сӧдз кодзула йирын олӧ вен!

Ме ӧкта тайӧ пасъяссӧ да видза,
Мед гӧгӧрвоны туйсӧ, сьӧлӧм джум.
И ыпнитӧны дзоридзьяса видзьяс,
И наысь некор, некор ме ог ум.

ТОРЪЯЛӦМ

Тэнӧ ас дорысь лэдза кор,
Лоан сук йӧв кодь еджыд руӧн.
Либӧ байд пуӧн матын туан, –
Арнас гылӧдан зарни кор.

Гашкӧ, казьтывны понда сэк,
Кыдзи ыззьылін тувсов шорӧн,
Ӧзтлін енэжас рӧма мег,
Юлін шудлунсӧ дойкӧд сорӧн.

Кыдзи лэбачӧн волін, пыр
Дивӧ юӧръяс вайлін меным.
Тэтӧг дзоридз ме ог нин пырт,
Рытъя гажтӧмӧс медым венны.

Быттьӧ ичӧтик гожся вӧт,
Ӧтув кад миян тэкӧд лолі.
Тӧда олӧмсӧ и ог тӧд.
Прӧстӧ виччыся зэрлысь волӧм.

**Сандраӧс дзебӧма Зеленеч сиктса важ вичко дорӧ. Ӧнія кадӧ вичкосӧ гӧгӧртӧ джуджыд йӧр, и сы сайӧ пыравны он вермы – ыббӧсас ӧшӧдӧма ыджыд томан. Сідзкӧ, копыртчывны Сандралы оз артмы.*

«АРСЯ САД» ЦИКЛЫСЬ

1.

Ликмӧдчылас вом дорнас быд чалльӧдз,
Кывзас асъя кӧдзыдыслысь сӧдз,
Ветлӧдлӧ да киссьӧм корсӧ тальӧ
Жугыль садйын мышкырасьысь пӧч.

Крука бедьнас гудйыштас кок увсӧ,
Оз-ӧ аддзы сэтысь пышйӧм ун.
Видлас вуджны мӧвпнас енэж юсӧ,
Но оз тырмы сылы дженьыд лун.

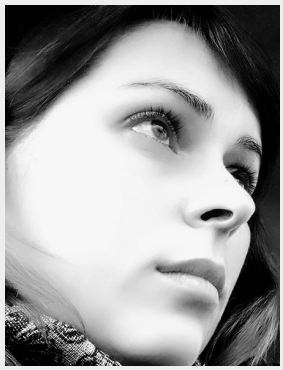
Ышмылас да бедьнас котшкас пуӧ –
Лыбас сюрс ли унджык бобув рӧд.
Быдӧн ассьыс зарни лунсӧ нуӧ…
Сӧмын кытчӧ? Некоді оз тӧд.

2.

Пуясӧйлысь чальяссӧ тӧв паркӧдӧ.
Ӧшинювса ичӧт садъям ар ӧд нин:
Кольквиж корйыс мулы сывъяс киссьӧма…
Морӧс пыдын – мортӧн кольӧм из сяма.
Коді тӧдас донсӧ? Некод оз кӧ-а…
Кыла тӧдса воськовъястӧ поскӧдыс…
Коді муніс – сьӧд вӧр шӧрӧ вошӧма,
Ӧні сійӧ меным… шӧйтысь ош кӧ-а.

МОЛОДЁЖКА

Ольга
ВИКТОРОВА

Ольга Сергеевна Викторова *– уроженка заполярной Воркуты, однако первые поэтические строки были сложены ею на волжских берегах, в Твери. Там училась, работала, стала мамой двух детей, которых она называет своими главными и лучшими произведениями.*
Обладательница Гран-при областного фестиваля авторской песни (Тверь), дипломант всероссийского поэтического фестиваля (Рязань).
В начале 2023 года переехала в Нарьян-Мар, поскольку считает его лучшим местом на Земле.

Простыми словами

Стихи

Я не знаю названия сказки, в которой живу:
В ней про серого волка и длинные белые ночи.
Я её назову, непременно её назову,
А издатель посетует на неразборчивый почерк.

В этой сказке о том, как полярный рождается день
Между маем и тундрой, на еле заметной границе.
В этой сказке о том, как степенно ступает олень,
И о том, как я тоже хотела бы так научиться.

В этой сказке бельчата хватают орешки с руки
(На четвёртом десятке почувствуй себя Белоснежкой!).
В этой сказке я вдруг записала себя в грибники,
Правда, местные знают, что рано. Июль – для приезжих.

В этой сказке моторы над гладью Печоры летят,
И натружены крепкие руки, и плечи, и спины.
В этой сказке глаза только прямо, с любовью глядят.
Так бывает, я знаю, когда с тобой рядом Мужчина...

Я не знаю названия сказки, в которой живу:
В ней про серого волка и длинные белые ночи.
Я её назову, я Любовью её назову,
А издатель посетует на неразборчивый почерк.

11.07.2023

* * *

Можно долго смотреть, как река течёт.
«Лягушат» пускать, или как их там? –
Если с плоским камешком повезёт,
Раз-два-три – и попрыгает по волнам.

Можно слушать, как птицы поют кругом.
Комары звенят, ну а как без них?
Задремать над закинутым поплавком,
Если солнце низко, а ветер стих.

Разномастным густящимся облакам
Имена безответственно раздавать.
Помахать проплывающим рыбакам
(Ты попробуй, ведь весело так махать!).

Берег. Ты. Река. Никаких дилемм.
Может, чай с печеньками в рюкзаке.

Если вдуматься, счастье доступно всем.
Всем, кто знает, что можно прийти к реке.

30.06.2023

ПРОСТЫМИ СЛОВАМИ

Давай я простыми словами? –
Без лирики лишней в куплете.
Я мало что помню о маме,
Как все нежеланные дети.

Сейчас, на четвёртом десятке,
Всё ясно, как дважды четыре:
Моя в перемычках кроватка
Стояла у деда в квартире.

В серванте хрустальная ваза
И Пушкина тридцать три тома.
Мне стало понятно не сразу,
Что это далёкое – «дома».

И самые горькие слёзы
Ночами мочили подушку.
Пусть горе и не было «взрослым»,
Но рядом был дед. И был Пушкин.

И снилась мне Лебедь-царевна
(Которая будто бы мама).
Приедет за мной непременно,
Я верила в это упрямо.

И так не хотелось проснуться!

…Четвёртый десяток – не время?

Порой нам так важно вернуться
К тому, что мы в детстве не ценим.

09.06.2023

ПОСЛЕ

ч.2

На осмысленное «после» нет сил
У того, над кем два метра земли.
Кто б об этих метрах Бога просил?
Нет, никто. Да, только вот – понесли…

На осмысленное «после» нет сил
У того, кто без вины не в уме.
Говорят, что Бог их сразу простил,
Не блукались бы бесцельно во тьме…

Ну, а ты??? И вроде вот – голова!
Пару ног имеешь. И – пару рук.
Слышишь, даже понимаешь слова.
Видишь всё, что происходит вокруг.
Вдруг?

«После» – будет, я его сотворю.
Бог задумал, ну а нам, веришь? – жить!

Ной. Не верь. А я вот каши сварю.
Мне до полной сотни небо коптить.

04.05.2023

ЧТО НОЯБРЬ, ЧТО АПРЕЛЬ

Что ноябрь, что апрель – всё едино.
Снегодождь налип на ветви ольхи.
Под ногами чаще лужи и льдины,
Острова сырой белёсой трухи.

Что ноябрь, что апрель – те же мухи
В свете жёлтых фонарей сверху вниз.
Сизым веком задремавшей старухи
За окном моим трепещет карниз.

На ветру скрипят седые отливы.
Может, снится что, поди ж разбери…
Не апрельские звучат лейтмотивы,
По-ноябрьски скулят фонари.

Что ноябрь, что апрель – заметает
Тротуары, крыши, лавки, дворы.

Благосклонно с неба утро взирает:
«До поры. Ты обожди до поры…»

23.04.2023

МНЕ БУДЕТ КОГДА-НИБУДЬ МНОГО ЛЕТ

Мне будет когда-нибудь много лет.
Так много, что пальцы узлами завяжутся.
Так много, что самый большой скелет
Из ветхого шкафа ненужным окажется.

Он будет соседствовать там, грустя,
С дипломом в затёртой, но пыльной корочке,
С альбомом, где мама – ещё дитя,
Стоит неуклюжая в валенках войлочных.

Я буду не против, и даже за –
Дряхлеть, отдыхая от дня звенящего.
Опустятся плечи. И вот глаза
Увидят былое поверх настоящего.

21.03.2023

НАРЬЯН-МАРУ

А помнишь, я влюбилась в тебя тогда до беспамятства?
Смущалась, когда ты целовал волосы.
В дыхании чудилась мята и какие-то даже пряности.
Стихала до шёпота, совсем не владея голосом.

Казалась себе неуклюжей, как в двадцать с хвостиком.
Ночей не ждала. Небо было всегда трёхцветное.
И впитывала, жадно впитывала в остатки робости
Минуты, часы и дни, как что-то запретное.

А ты же со мной не шутил. И смотрел по-отечески.
И молча, неспешно вёл по нешумным улицам.
Мы стали отчаянно близкими. В скоротечности
Те дни обвинить, согласись, не совсем получится.

А годы – да, жаль. Опускает порой до жалости:
Не там и не с теми. Но легче и легче дышится.

Ты помнишь, я влюбилась в тебя тогда – до беспамятства?
И мята порой мне в воздухе этом слышится.

12.03.2023

METAMORPHOSIS

Насколько другой я была позапрошлой весной?
Не вспомнить. К тому же из выбывших сей адресат.
На восемь ступеней над снегом, за дверью входной
Essenza с моим отраженьем уже не кружат.

Я выросла из ожиданий донельзя чужих,
Из туфель, к которым нелепо прилажен каблук,
Из платьев смешного размера, мне легче без них.
Я вся за спиной. И я ем из единственных рук.

Мне платье по новеньким меркам исполнит портной
Из белого-белого: кто уж и чем тут богат…

Насколько живой я была позапрошлой весной?
Не вспомнить. К тому же из выбывших сей адресат.

08.03.2023

* * *

Облака без причин обвалятся
На коньки разнодельных крыш.
Затрепещет душа под малицей:
Отчего на ветру стоишь?

Из небесного – снегом высыпет,
Будто мало белил кругом.
Ими ветер дороги выстелет,
Не заботясь, а что ж потом?

Он своими руками грубыми
Будет снег по дворам кидать.
Развевая дымки над трубами,
Позабавиться б, поиграть.

И под крышами нарьян-марскими
Станут печи сильней топить.
А наутро от солнца ясного
Будет больно глаза открыть.

01.03.2023

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

В зал ожидания светлого нового
Старые двери ведут.
Петли массивные, смутно знакомые,
Скрипнут, устав от простуд.

Дряхлый динамик со стенки прокашляет
Номер платформы и путь.
Кто-то торопится к самому важному,
Кто-то успел прикорнуть.

Место, где встретятся или расстанутся, –
Точный, но странный коллаж.
Под полированной лавкой останется
В спешке забытый багаж.

И, когда зал опустеет от сдавленных
Вздохов и поезд уйдёт,
Фикусы в кадках, случайно расставленных,
Кто-то счастливый польёт.

03.01.2023

ПОДАРКИ

В рубленой избушке,
У белёной печи,
Тихая старушка
Коротала вечер.

У иконок тлели
В блюдицах огарки:
«Только бы горели!
Разложу подарки.

Милому сыночку
Поясок соткала.
Дочкам – по платочку,
Долго собирала.

Внучеку Петруше –
Петушок-леденчик.
Чепчик – для Ванюши,
Тот ещё младенчик,

На Покров родили…
Вот и все подарки.
Господи, помилуй!
Помереть не жалко».

В крохотной избушке
У остывшей печи
Отошла старушка,
Догорели свечи.

19.12.2022

КРАСНЫЙ ГОРОД

В том июле солнце не садилось
(Впрочем, это мелкие детали).
От души частичка отломилась
И осталась на пустом причале.

Я её искала, но напрасно –
Без очков размыто всё немного…
Засыпал суровый Город Красный –
Мне не засыпалось всю дорогу.

Я по тем мосткам брожу ночами
И ищу её. Безрезультатно.
Красный Город, как же я скучаю!
Красный Город, позови обратно!

Если любишь – вопреки, не ради!
Вы с моей душою повстречались…

Там, на серебристой водной глади,
Лодочки смиренные качались…

13.01.2022

ТУК-ТУК-ТУК

Просветлело недавно, недели две…
Серебром разукрашен дверной проём.
То, что рано бы чувствовать в октябре,
«Тук-тук-тук» – постучится за ноябрём.

Время тает, как первый пушистый снег
На ладони. Бездумен его полёт –
Очень рано, опомнись! Но человек
Непременно от снега чего-то ждёт.

«Тук-тук-тук», – осторожно, едва-едва,
Не по-зимнему, но всё кругом в снегу.
Время тает на тёплые рукава.
«Тук-тук-тук». Проходи. Заварить чайку?

17.11.2022

Галина
МААС

Галина Эдигардовна Маас – *художник-график, педагог изобразительного искусства. Родилась в Инте (1966). С 1993 года – член творческого объединения молодых художников Сыктывкара «Форум», участник выставок объединения. В тот же период впервые начала сотрудничество с Коми книжным издательством и редакцией журнала «АРТ (Лад)». Автор-проектировщик символики МОГО «Инта», автор памятника «Взрыв», посвящённого памяти воинов – участников локальных конфликтов. Автор иллюстраций к сборникам произведений интинских поэтесс, а также других книг. В настоящее время продолжает работать в области книжной иллюстрации в тесном сотрудничестве с писателями-фантастами Санкт-Петербурга.*

Дороже золота

(Уральский сказ)

Ну, что вам, братцы, рассказать?.. Сказки наши северные вы, поди, и так знаете наизусть… Вот разве что быль вам поведать… Оно, конечно, может и враньём показаться на первый-то взгляд: что с меня взять, наш брат, охотник, приврать любит – не без того. Однако то, что со мной лет пятнадцать назад случилось, – истинная правда. Хотите – верьте, хотите – нет.

Север наш – земля редкой красоты. Выйдешь рано утром на высокий берег Усы, а там… Зимою снег под луной сверкает и искрится, будто звёзды все разом на землю осыпались, а над головой в полнеба северное сияние полыхает: вьётся, играет разноцветными зорями и негромко так песню свою поёт-бормочет, чисто шаман. Летом – солнце на покой не уходит, заливает всё вокруг золотом и нежным румянцем; река ветру в укор ворчит негромко, а тот порхает себе, вековым елям подолы треплет, будто шальной парень – девкам. А они головами качают, усмехаются да лапами-руками плавно так поводят, точно женщины в праздничном хороводе. Птицы просыпаются, щебечут, как колокольчики серебряные звенят, и так на душе легко да светло становится, что кажется, будто Золотая Зарань в лоб поцеловала…

Много у нас мест, от которых сердце радуется. Много таких, где только на колени упасть и молиться: Господа благодарить за то, что сотворил такое чудо. Много загадочных мест и уголков заповедных, которые не всякому открываются, а иной раз за лишнюю гордость да неразумие и наказать могут жестоко. Шаманы в наших краях говорят, будто весь мир вокруг – живой и разумный, что бывает ему и больно, и страшно, и весело. Дескать, и тундра, и тайга, и горы душу свою имеют и разум свой – особенный. А людям, что рядом с ними живут, надобно уметь их слышать и понимать – чувствовать. Иначе никак. Иначе просто не приживёшься тут – так и помрёшь чужим и никчёмным. Ну, разве что в городе жизнь у таких удаётся, но город – особое место: оно вроде как само по себе и живёт по своим странным законам.

Вообще-то, помимо городов люди у нас не густо на земле сидят: от деревни до деревни – пеших вёрст, как палых листьев в лесу. По рекам – быстрее и в три раза короче.

Особенно летом. Да и зимой тоже. Сел на «Буран» и покатил. А если снегохода нет – на оленьей упряжке. Хотя оленей теперь пуще глаза берегут и почти не запрягают. Потому бензин выходит дешевле, чем оленье мясо. Оно диетическое, говорят. От всяких болезней лечит и здоровье укрепляет.

Да что-то я не о том…

Меня Фёдором зовут. А фамилия моя – Батманов. Громкая, надо сказать, фамилия. Даже в городе её знают. Прошлое лето музейщики на катере приезжали, говорили: «Экспедиция». Приходили к нам, расспрашивали, дедов моих фотографии глядели, награды перебирали, чего-то всё записывали – поначалу в тетрадку, а после на диктофон. Письма фронтовые фотографировали. Деды мои – Иван, Фёдор, Яков и Василий – все воевали. Фёдор, в честь которого меня назвали, да Иван – на Карельском фронте, в оленно-транспортном батальоне были оба. Яков на Втором Белорусском воевал. Погиб в сорок втором. А Василий всю войну прошёл в стрелковой роте, Берлин брал. Когда вернулся, много такого рассказывал, что люди другой раз и поверить не могли. Это теперь мы все образованные. Интернет опять же смотрим, знаем, что такое метро и как поезда под землёй ходят, а тогда это дело было невиданное и неслыханное…

Что-то меня опять куда-то не туда понесло. Не о том ведь рассказать собирался.

Сам я в селе живу. Оно Болбан называется. Раньше у нас на горушке над рекой ненецкий идол стоял – болбан. После революции его свалили и церковь поставили. При советской власти там, конечно, клуб был. Клуб сгорел, а потом, когда снова про Бога вспомнили, на том месте опять часовню поставили. Я в госпромхозе работаю – трактористом. Но это больше летом. А зимой в промысловую артель подряжаюсь: там зарплата погуще. Сейчас, конечно, промысел пушной хуже поставлен, чем раньше было. Мужики говорят, денег у людей столько нет, чтоб платить за песца, соболя и куницу. Нашу пушнину теперь по большей части всякие заграничные компании берут – оптом. Теряем мы на этом изрядно, но – что поделать? – иначе вовсе не продать…

Да блин, опять не о том! Чего это я всё время сбиваюсь?

Мне в ту пору, когда это случилось, как раз тридцатник стукнул. Мать всё ворчала: «женись» да «женись», а то, мол, холостым так и помрёшь – роду ущерб будет. Будто сама не видит: девок на селе осталось, что шишек на берёзе. И то, отучатся в городе, работу себе там найдут, замуж выскочат, ну, там и остаются. Оно им надо: дрова колоть, печь топить, воду носить, со скотиной возиться да с огородом, на сенокосе под солнцем обгорать, на картошке под дождём мокнуть, в тундре со стадом мыкаться, шкуры оленьи выделывать да иголкой пальцы портить? А в городе живут себе припеваючи, по концертам ходят да по ресторанам. В селе только наездами бывают – родных повидать. Да и то – редко. Это ж, чтоб добраться, зимой надо на вахтовку подгадать, летом – на катер или баржу. Вертолёт только депутатов да гостей из Сыктывкара и Москвы возит. Тех, которых надо пирогами с сёмгой угощать, шаньгами с брусникой и строганиной. Ну, ещё наливку из морошки они сильно уважают. Раньше опять же пимам и шапкам из пыжика очень радовались. Теперь не берут: говорят, «борьба с коррупцией». Тоже мне, коррупция… Если б я за шапку с них новое ружьё заимел или, к примеру, мотор лодочный, а то…

Я, кстати, на нынешние ружья не завидую. Сказать по правде, так лучше нашей пятой «ижевки» для охотника не найти. Вот недавно приезжал тут один с навороченным стволом. Полуавтомат самозарядный, помповый. Приклад весь в узорочье, казённик и стволы с гравировкой… Ну и подвело оно его, потому как пристрелять не озаботился, дурень. Лось так и ушёл – подранком. Я его потом два дня искал. Лося, конечно, не

мужика этого. Нашёл. Добил. А мужик тот, блин, счастливый уехал – со шкурой и с рогами. Эти б рога ему к черепу да гвоздём бы приколотить. Соткой.

Да что это я всё сбиваюсь?!

Короче, ныла маманя, ныла… Ну, и вытолкала меня взашей в город: швейная машинка ей понадобилась. Да ещё, как на грех, летом. Зимой-то чего? Взял «Буран», сани прицепил и поехал. Два часа – и ты в городе. Купил что надо, и обратно. А летом… Сначала по Усе, потом по Косью до тридцать пятого – на моторке. А там – попутку искать, чтоб в город подкинули. Дорога летом – что твоя полоса препятствий: тут кочка, там яма, здесь колдобина по шею, а за ней – бугор. Вот и ползут мужики по грунтовке этой на своих «Нивах», «козлах» и «буханках», как черепахи пьяные. Хорошо, ещё вытаскивают друг друга, если что…

Ну, в общем, поехал я. Добрался с горем пополам, кинулся в один магазин, в другой, в третий… Нет машинок, хоть плачь! Вот всё есть – телевизоры, холодильники, микроволновки, компьютеры всякие, – а машинок нет! Бегал, бегал… Дело к вечеру, а я без машинки. Устал как собака. Добрёл до парка возле водонапорной башни, сел на лавочку. Сижу, горюю. А чего сделаешь? Надо в городе оставаться, газеты смотреть: может, кто с рук по объявлению продаёт.

Дай, думаю, Мишке Артееву позвоню – однокласснику своему: он в городе живёт, на шахте работает горным мастером. Квартира у него трёхкомнатная – может, приютит на день-другой?

Достал из кармана куртки телефон (куртки, потому что лето выдалось холодное: с июня дожди как зарядили – десять градусов и хмарь беспросветная, даром что белые ночи), вышел на аллею, поближе к дороге, чтоб приём получше был, гляжу, а с другой стороны от башни на лавочке девчонка сидит молоденькая и вроде что-то рисует. На коленках у неё – альбом большой, раза в четыре больше школьного, а на скамейке, рядом – краски в коробке. «Надо же, – думаю, – художница!»

Ни разу в жизни вблизи да живьём ихнего брата не видал. Ну, и решил подойти, поглядеть, чего это она там рисует. Подобрался тихонько, встал за скамейкой – типа покурить, – а она и не замечает меня вовсе. Кисточкой выводит на листе, и так ладно у неё получается! И небо хмурое, низкое, и деревья как живые: тут тебе серебристый ивовый лист на ветру трепещет, там берёзка зеленеет. Цветы опять же белые и жёлтые искрами рассыпались. Она так коротко кисточкой над листом встряхнёт, а лист-то мокрый – жёлтые брызги по нему – раз, и давай расплываться… ну, чисто живые цветы! А посерёдке, среди всего этого – башня. Стройная, высокая, со звездой на шпиле…

Вот только смотрю я на всю эту красоту и понимаю: что-то тут не так. Пригляделся и понял: она деревья нарисовала совсем не те. У башни-то всё больше рябины растут, да пара-тройка берёз. И домов, что вокруг башни стоят, на рисунке у ней почти что и нету. Вернее, есть, но какие-то нечёткие, будто в тумане, и стоят совсем не так, как на самом деле…

Любопытно мне стало, я и спросил:

– А чего это у тебя дома такие странные?

Зря спросил: она, похоже, меня не замечала совсем, потому что испугалась – вздрогнула и альбом уронила. Я поднял, конечно. Аккуратно так поднял, чтоб рисунок не попортить, и ей протянул. Она смотрит на меня, будто мышонок на сову, а у самой глаза – ну такие огромные за очками…

– Извини, – говорю, – что напугал. Не со зла я. Уж больно красиво у тебя выходит это всё. Только как-то по-другому совсем.

Она вдруг съёжилась вся, голову опустила, губы кусает – вот-вот заплачет.

– Да что ж ты, – говорю ей, – так расстроилась? Правда ведь, красиво! А что спросил, так то из любопытства просто. Ну, другие дома – и другие, я ж не против.

Она альбом-то к себе прижала… и заплакала. Вот горе-то! Ну, сел я рядом и не знаю, что сказать. Вот, поди ж ты, остолоп таёжный, пень корявый! Ни за что ни про что девчонку обидел. А главное – не пойму, чем.

– Слышь, синица, – говорю, – не плачь. Прости, если что не так. Я человек лесной, в городе редко бываю. Может, не понимаю чего…

А она вдруг глянула на меня глазами своими зарёванными – синими-синими, как васильки – и всхлипнула горько:

– Я их не вижу…

– Кого? – не понял я, о чём она говорит.

– Домов!... – Сидит, покрасневший носишко кулачком утирает. – Я и деревьев почти не вижу… по памяти вот…

– Как так? – удивился я. – С чего бы?

Она вздохнула, отложила в сторонку альбом, достала из рюкзачка своего платочек и комкать его принялась. А пальцы у неё – тонкие, длинные, и ноготки на них короткие такие, бледно-розовые, как подушечки у кошки на лапках.

– Я, – говорит, – слепну. Глаукома у меня. Болезнь такая, от которой зрение очень быстро пропадает. У нас пытались лечить, да всё без толку. Врачи говорят, надо срочно за границу ехать – в Германию. Там клиника есть, где самые сложные операции на глаза делают. Только вот стоит это очень дорого. У нас денег таких нет. И так уж мы машину продали, теперь вот квартиру продаём, а всё равно не хватает…

Сижу я, как дурак, смотрю на неё и сказать ничего толкового не могу. Вот идиот: не думал не гадал – нечаянно попал. Угодил девчонке прямо по больному. В яблочко. Охотник хренов. Собрался с мыслями кое-как и сказал:

– Как же так? Щас же лечат это всё! Операции, вон, делают, лекарства всякие изобретают…

А она в ответ:

– Мне, – говорит, – уже три операции сделали, и всё впустую. Лекарства не помогают. А я рисовать хочу. Не могу без этого…

И опять заплакала – тихонько так, молча, безнадёжно.

Сижу я рядом, смотрю, как она слёзы платочком вытирает, и до того мне её жалко – прям сказать нельзя! Вот бывает же такая несправедливость на свете! У человека, можно сказать, талант к художеству, а с глазами – беда. Мог бы – половину своего зрения бы ей отдал, да не знаю, как. И тут меня будто кто в бок толкнул. Вспомнил я один разговор на промысле…

Буран тогда разыгрался нешуточный. Сидели мы с мужиками в избе, можно сказать, безвылазно. Потому как даже по малой нужде выйти было страшновато: лишних пару шагов в сторону – и в круговерти снежной тропку назад не найдёшь. Мороз за тридцать – шутка ли? Смех и грех – в трёх шагах от избы заблудиться да замёрзнуть. Ну, в такой ситуёвине от скуки чем спасаться? Само собой – разговорами. Сидим: Вовка шкурки выделывает, дядя Митяй ружьё чистит, а я над котелком с кашей кудесничаю. Ну и треплемся, конечно, между собой про всякую ерунду – чего на язык попросится.

Заговорили как-то, кто где бывал да кто что видал. Вовка, тот умудрился прошлым летом в Египет съездить с женой. Всё выхвалялся, какое там море тёплое и как они со Светкой

на верблюдах катались. Дядя Митяй, тот всё больше про горы говорил: лесовик он бывалый, почитай, весь Приполярный Урал своими ногами исходил. Ему уж за шестьдесят, а всё охотится. Крепкий мужик. Филипповская порода. У них в семье раньше, чем в девяносто пять, не помирают. Шутка ли – от первопоселенцев род ведут. Это, между прочим, его прапрадед с тремя братьями полтораста лет назад сюда первым пришёл. Избы Филипповы поставили, скотину завели, охотой да рыбалкой промышляли, золотишко мыли – обжились. А после и другой народ подтянулся. Прадед дяди Мити проводником был у геологов – тех, что первыми тут разведку на уголь вели. В общем, серьёзное семейство. Потому в его рассказ тогдашний я поверил. Не мог не поверить.

А заговорил он в тот раз про хребет Росомаха. Слыхал я про те места не раз, и всё больше худое, чем доброе. Сам же никогда там не бывал, потому и уши навострил. Поговаривали у нас, будто самые везучие оттуда не с пустыми руками возвращались. Только было это больно давно – до революции ещё. А уж когда в тридцатых годах попытались там золото искать, пошла про Росомаху и вовсе дурная слава. И выходило по разговору дяди Митяя, что неспроста: кто искал то место – не нашёл, кто не чаял – дошёл и чудес навидался, кто-то пропал без следа, а иной даже дорогу запомнил. Вот только те, кто по этой указке туда подался, ничего не нашли и сами чуть в горах не сгинули.

– А сам-то ты на Росомаху хаживал? – спросил я дядьку Митяя.

– Ходил однажды, – отозвался он. – Заплутал как-то на Болбан-ю, в среднем течении – леший водил – ну, и вышел случайно.

Вовка хмыкнул эдак с насмешкой: он у нас из той породы, что пока руками не пощупают, не поверят.

– Чем докажешь? – говорит. – Мужики трепались, будто там, на Росомахе, Золотая речка. Чего ж ты золота не добыл?

– А не всякому оно даётся, то золото, паря, – буркнул дядька. – Мне вот не далось. А насчёт речки… про Золотую не знаю, а каменная точно есть. Курумник версты на четыре. Там я тогда ногу и сломал.

– А как же выбрался-то? – не утерпел я: больно любопытно показалось.

– Каком кверху, – проворчал дядя Митяй. – Сидел там до той поры, покуда снова ковылять смог.

– Ой, заливаешь, дядь Мить! – Вовка аж про шкурки забыл, так развеселился. – Чтоб кость срослась худо-бедно, месяц времени надо. Где ж ты жрачку добывал и как?

– Силки ставил, рыбу ловил, – отозвался дядька. – А как вышел, лучше не спрашивай.

На том и замяли тему. Уж потом, когда с избы уходили, чего-то вспомнил я про тот разговор да и спросил:

– А что, дядь Мить, и впрямь на Росомахе золото есть?

Он притормозил, койбедь в сторонку отставил, подождал, покуда Вовка уйдёт подальше, а потом пальцем меня поманил – загадочно так. Я поближе подошёл, а он с тасмы своей снял мешочек маленький потёртый, развязал и вытряхнул что-то на ладонь.

– Вот, – говорит, – гляди.

Посмотрел я и ахнул, потому как на дядькиной ладони заскорузлой лежал самый что ни на есть настоящий самородок. Да чудной такой – на свернувшуюся росомаху похожий. И всё-то у этого зверя при своём месте – головка, лапки крохотные, хвост пушистый… Маленький самородок – в полмизинца всего, но и этого по нашим временам – за глаза. Золото ведь…

– Вот оно, – сказал он, – золото росомашье. Тебе только показываю, потому ты тайгу лучше иных некоторых разумеешь и не разболтаешь, кому не следует. И ещё тебе скажу,

чтоб знал: не сидел я месяц на Росомахе. Чуть больше недели там был. Кость за девять дней срослась, паря. Так-то. Хочешь – верь, а хочешь – не верь.

– Как же так вышло? – Совсем он меня в растерянность вогнал своими словами-то.

– А одному Господу Богу ведомо, Федя. Жил под ёлкой, силки ставил, рыбу ловил, ягоды собирал, воду пил прямо с каменной речки – в ней под валунами ручьи бегут. А потом почуял, что вроде и без костыля ходить могу. Когда уходить собрался, меж камнями блеснуло что-то. Глядь, а это самородок. Подобрал я его, а сдавать не стал: боязно было, что набегут людишки никчёмные, перероют всё, изгадят… Да и хотелось что-то на память оставить. Вроде оберега он у меня. Вот уж двадцать лет с собой таскаю, и так удачно всё складывается… Вот и нынче, гляди-ка, большую добычу взяли.

Долго я думал потом, что же дядьке Митяю помогло: каменная речка, вода из неё или само место, где он становище разбил. Потом подзабылось всё само собой и вот, поди ж ты, вспомнилось только нынче. В самый раз, когда надо, вспомнилось. И притом так, что никаких сомнений у меня не осталось. Точно знал: всё дело в той воде, что под курумом. Будто кто на ухо нашептал. А если не больно в чудеса верить и с другого боку зайти, то есть же ещё одна корысть – золото. Добыть хоть один такой самородок, как у дяди Митяя, – и хватит девчонке и на поездку в Германию, и на лечение.

– Слышь, – говорю, – синица… Ты раньше времени-то себя не хорони. Врачи врачами, у них своё разумение, а у нас, лесовиков, своё. Слыхал я от стариков, будто есть у нас в горах место, где ломаные кости за неделю срастаются. Вода там в ручьях целебная. Сдаётся мне, она и глаза твои может вылечить.

Сказал – гляжу, а она аж встрепенулась вся, ко мне подалась и в руку мою вцепилась, как человек, в полынью ухнувший и не чающий спастись.

– Правда? – прошептала. – Не врёшь? Я куда угодно пешком пошла бы – хоть на край света! – только бы видеть…

– Погоди, – говорю, – не торопись. Понимаю, что времени у тебя в обрез, да у тайги-то свои законы. Таёжная верста – городской не чета, прямой не бывает. Надобно мне в одно место сбегать, и, ежели повезёт, будет у тебя и зрение, и времени на художества твои целый вагон и маленькая тележка.

– А сколько ждать-то? – спрашивает она и жалобно так носом шмыгает.

– За неделю, поди, обернусь, – прикинул я с запасом.

Хотел было сказать, что ежели задержусь дольше, то можно уже и вовсе не ждать, да вовремя спохватился и язык прикусил. К чему девчонку пугать? Ей и так не сладко.

А она на меня поглядела и говорит:

– Мне-то что же делать, пока ты в тайге будешь?

И тут меня опять будто кто за язык дёрнул:

– Ты, – говорю, – веры не теряй, синица. Это твоё главное дело будет. А второе дело – помолись, чтоб удача нам с тобой была.

– Кому же молиться? – спрашивает, а у самой личико, как у ангела на иконе – худенькое, белое, с огромными глазами прозрачными…

– А в кого веруешь, тому и молись, – говорю. – Тут нам любая подмога не лишняя.

Глянул на неё, а она кивает молча: поняла, мол. Улыбнулся я и, не удержавшись, по голове её погладил, будто зверька испуганного. Поднялся со скамейки, а она вдруг за рукав меня ухватила и говорит:

– Погоди! Я ведь молиться за нас обоих должна, а сама даже имени твоего не знаю…

– Фёдором, – говорю, – меня кличут. А по батюшке – Егоровичем.

Улыбнулась она – а губы-то подрагивают, потому как слёзы рядом – и сказала:

– Очень приятно. А меня Викой зовут.

– Ну вот, – говорю, – погляди-ка, имя-то у тебя какое звонкое… Виктория! Победа, значит. Так что победишь ты хворобу эту. Даже не сомневайся.

Смотрю, а она улыбается – робко так, неуверенно. Ну, хоть не плачет уже, и то хорошо.

– Что ж, – говорю ей, – будем знакомы, Виктория.

Она вдруг карандаш вытащила из кармашка, склонилась над листом низко-низко и давай писать что-то на краешке. Потом краешек этот оторвала и мне протянула.

– Вот, – говорит, – вам, Фёдор Егорович, мой телефон. Вы позвоните, как вернётесь. Я очень ждать буду…

Взял я бумажку ту и тут же номер в свой телефон забил, а клочок с её каракульками во внутренний карман куртки сунул. Так вернее: мало ли что с телефоном, так хоть на бумаге номер останется. И тут меня опять торкнуло:

– Погоди, – говорю, – синица… а как ты домой доберёшься-то? Проводить тебя, может?

А она и отвечает:

– Вы, Фёдор Егорович, за меня не беспокойтесь. Я тут ещё минут пятнадцать посижу, а потом за мной брат придёт. Мы вместе домой пойдём.

– Ладно, – говорю, – синица, бывай. Лихом не поминай. Через недельку, бог даст, свидимся.

Повернулся и двинул прямиком по аллее – на Полярную, потому как Мишка там живёт. Это от водонапорной башни рядом, в двух шагах.

Мишку я, понятное дело, дома застал: дело было к вечеру, а шахта нынче в одну смену работает – на ладан дышит. То ли дело было раньше, лет эдак двадцать назад! Пахали в четыре смены: давали стране угля – миллионами. В тоннах, конечно…

Короче, притопал я к Михею, всё как есть про маманину мечту-идею ему обсказал, деньги оставил и наладился восвояси. Мишка меня, однако, у дверей тормознул.

– Куда, – говорит, – намылился, вахлак, на ночь глядя? У меня переночуй, а утром поедешь.

Рассмешил он меня, ей-богу.

– Какая ночь, – говорю, – Михей? Лето ж на дворе – видно как днём. Я человек лесной, к ходьбе привычный – до тридцать пятого на своих двоих часа за полтора добегу, а там – лодка.

Приуныл Мишка, нахмурился.

– Эх ты! – говорит. – Одноклассник называется! Сто лет не видались. Посидели б за коньячком, потрепались б за жизнь…

Не удержался я, улыбнулся.

– Да чего ж за неё трепаться-то, Миш? Её жить надо. Ты уж прости, что вышло так, только дело у меня образовалось срочное.

– Заболел, что ли, кто? – встревожился Мишка.

Подумал я немного и сказал:

– Верно. Заболел. Помочь надо. Лекарство одно таёжное достать.

– Ну, тогда понятно, – вздохнул Мишка. – Тогда, конечно, беги. Гляди только, аккуратней там на колдобинах. А я, как машинку добуду, позвоню.

– Лады, – говорю. – Бывай, Мишаня, здоров.

– И тебе не хворать.

На том и распрощались.

Домой я к полудню явился и давай собираться. Мамка, конечно, всполошилась: куда, зачем, да надолго ли, да чего так срочно… Пришлось соврать. Сказал я ей, будто слышал на тридцать пятом от мужиков, что на Болбан-ю Хозяин балует – избу раскатал, до припасов добрался. Надо, мол, сходить, проверить, да избёнку поправить. Вроде успокоилась.

Собирался я в этот раз порядком непривычным: жратвы почти не брал, взял только снасть рыболовную, ружьё да патроны – тайга прокормит. Ну, и всякую мелочь, без которой только пропасть: нож, спички охотничьи, соль, спирт сухой, компас, аптечку. Палатку не брал: лишний груз на обратном пути. Затолкал в рюкзак две десятилитровых канистры. В общем выходило, что по дороге туда в основном воздух понесу, а вот обратно… Дай Бог, получилось бы всё!..

Я не зря сказал, что реки у нас – всё равно как дороги. Печора – она вроде федеральной трассы, а наша Уса – граница между Уралом и Большеземельской тундрой – впадает в неё где-то на шестьдесят шестом градусе северной широты. Все реки бегут с гор, а если пойти по Усе к верховьям, то километров через полтораста попадёшь прямо в устье реки Косью. Там опять же вверх ещё километров сто – до того места, где вливается в неё хмурый Кожим. Вот он-то истинно в горах рождается и по ним катится, спускаясь в низовую тайгу и лесотундру. По Кожиму путь нелёгок – всё вверх и вверх, до впадения в него Лембека, и ещё выше – до самой Каменной Бабы, что стережёт устье Болбан-ю – Священной Реки. Здесь уже заповеданные места, истоки. Тут стояли и стоят по сей день каменные идолы-болбаны, которых почитали некогда ненцы и мой народ – коми. Неподалёку – священная гора Еркусей, похожая на меховую шапку шамана и сплошь усеянная оленьими рогами. В этих местах испокон веку и до сей поры разбивают стойбище наши оленные люди во время летней кочёвки. Здесь они веками молились богам, приносили жертвы, просили охотничьей удачи и изобилия для людей и оленьих стад. Если дойти до устья Болбан-реки и подняться по ней вверх, до впадения в неё большого ручья Сана-вож, считай, ты уже под боком у Росомахи. У того самого места, про которое мне дядя Митяй рассказал.

На Сана-воже, как раз у самого устья, стоит заброшенная база геологов: золото здесь искали. На Болбан-ю жильный кварц по сю пору добывают, а людям давно ведомо: где кварц, там и золото. Вот только не нашли его геологи почему-то. По всем признакам вроде должно быть, а вот, поди ж ты… сколько ни искали, всё впустую. Короче, непростая река, непростая гора и вообще места странные.

Будь у меня времени вагон, я бы так и пошёл в верховья – по рекам. Но времени не было, и решил я отправиться коротким путём. Дошёл по Усе до моста, там лодку оставил, сел на поезд рабочий и до Инты доехал. А там со станции в горы вахтовки уходят чуть не каждый день: возят на кварцевые штольни по проложенному ещё полвека назад тракту горняков продукты, горючку и всё такое прочее. Вот и в тот день тоже вахтовка шла, удачно я подгадал. Мужики оказались свои, интинские, с Кожимского РДП, которое добычу на «Желанном» ведёт – очередная смена ехала. Потому и денег с меня не взяли. Сказали: «Да брось ты, паря! Все свои. Где двадцать сядут, там и двадцать первому место найдётся».

Сгрузил я рюкзачину свой в салон, а сам сел в кабину – с водилой. Тот ещё и рад был: на горной дороге успевай только в оба глядеть, на всякую ерунду не в раз отвлечёшься. А когда рядом человек сидит, он и чайку из термоса плеснёт, если в горле пересохло, и по переговорному, в случае надобности такой, с мужиками в салоне свяжется, и карту развернёт, поглядит пометки на сложных участках. Непростая дорога, конечно. Ухабистая. Спуски, подъёмы, осыпи, длинные повороты под уклон. А иной раз, бывает, и

буря налетит, да такая, что в полутора метрах ни черта не видать. Грунт ливнем размывает, ползёт он из-под колёс, как жидкое тесто, и машина ползёт: рычит натужно мотор, рубчатые покрышки, как когти, за землю цепляются, тянут «Урал» всё вперёд и вперёд, всё выше и выше – в горы.

Проплывают мимо покрытые лесом сопки, каменистые увалы, синие хребты с белыми пятнами снежников. Скрипит подвеска, стучат под колёсами камни курумников и морен, лиственницы и ели машут вслед «Уралу» корявыми ветками, изломанными горным ветром. Карабкается машина по склонам, покрытым густым стлаником, переваливается в разбитых колеях. Кидает мужиков в салоне иной раз до синяков и шишек. Такая вот дорога. Не дорога – направление. Зато четыре часа – и мы на Кожимской переправе, возле устья Лембека.

Через брод ползём осторожно: дождливый выдался июнь, вода в реке стоит высоко. Кажется, «Урал» колёсами, как зверь – лапами, прощупывает дно. Шивера – вещь непредсказуемая: катает река камни с места на место, глубокие ямы-бочки роет – никогда не знаешь, в каком месте ухнешь по горлышко. Или по радиатор. Если «сядет» машина, долго придётся ждать, пока ещё кто-нибудь через переправу поедет. Или вездеход вызывать по рации, чтоб вытащили.

Водила у нас, однако, опытный оказался: видно, не первый год по горам колесит. Черепахой, метр за метром, потихонечку перебрались мы на левый берег. А там и до базы недалеко – по таёжным меркам, конечно, – километров семьдесят. Я с мужиками только половину проехал: за Каменной Бабой распрощался. Им дальше вдоль Болбан-ю, на юг, к кварцевому руднику, а мне – на восток, на другой берег, к Росомахе. Вообще-то саму Росомаху хорошо было видать ещё от Каменной Бабы: лежит себе на брюхе, вытянувшись и уложив на лапы короткоухую свою голову – гору Сана-из. Вблизи не так на зверя похоже: распался хребет на отдельные вершины, останцы и увалы, поросшие смешанным лесом и стланцем…

Закинул я на спину рюкзак, ружьё на плечо повесил, перебрался через речную шиверу и двинул к Сана-вожу – он меня прямиком к Росомахе и выведет. Шагаю себе, смотрю по сторонам да под ноги, а вокруг – красота неописуемая. Люди тут редко бывают: для отдыха и охоты места больно дальние. Разве что бывалые туристы забредут, но они – народ особый: им побольше трудностей подавай – скалы да пороги…

Иду так-то, вечернему солнышку и комарам загривок подставляю и думаю: вот бы сюда Вику привезти. Уж она бы красоту эту не упустила, всё бы в альбоме у неё оказалось: и горы красно-розовые против закатного свету, и почти чёрные ели, и подлесок, пёстрый от игривых лучей, и небо с пушистыми облаками, что застряли на вершинах хребта, будто пух на гребёнке.

Лишь бы дело выгорело, лишь бы удалось! Вылечит глаза девчонка – приедем сюда, побродим с нею по Росомашьей спине. Нарисует Вика картин десятка два, не меньше, привезёт их в город и людям покажет на выставке какой-нибудь. С таким талантищем заметят девчонку обязательно. Может, даже в Сыктывкар пригласят, а там, глядишь, в Питер или ещё круче – в Москву. Станет она знаменитой художницей, будет по всей стране ездить, картины рисовать, да в интервью рассказывать, как Фёдор Егорович Батманов её однажды на Росомаху водил. А может, никуда не уедет, здесь, на Севере, останется. Север – место особое. Говорят, те, кто тут хоть раз побывал, снова сюда возвращаются – не могут позабыть. А кто родился здесь, в иных местах жить не могут: тянет их обратно на Север, будто птиц по весне…

Задумался я, замечтался. Очнулся, только когда об валежину споткнулся и носом чуть землю не пропахал. Выровнялся, рюкзак поправил… гляжу, а ручья-то и нет. Когда в сторону

от него свернул, сам не заметил. «Так, – думаю, – попал ты, мужик. Вот предупреждал дядя Митя, что непростые тут места, что где-то здесь его леший водил-морочил… а я, выходит, проворонил всё-таки…» А дело к ночи. Солнце хоть и не заходит, но к горизонту падает, да и светит в горах по-иному, чем в тундре. Там что – простор, ковёр моховой разноцветный на весь окоём, свет разливается свободно, как Уса в половодье, красит всё золотистым и розовым. В горах – по-другому. Хребты преграждают дорогу лучам, и если на западных склонах и среди ночи можно шагать, как днём, то на восточных наступает почти настоящая ночь. Горы становятся чёрно-синими, одни вершины пламенеют алым росчерком, а холодные тени укрывают лес, цепляются за каждую ветку, за каждый валун, накрывают низину, в которую я забрёл, холодными туманными сумерками… «Ну, – думаю, – идти дальше нельзя. Хочешь не хочешь – надо тут ночёвку устраивать».

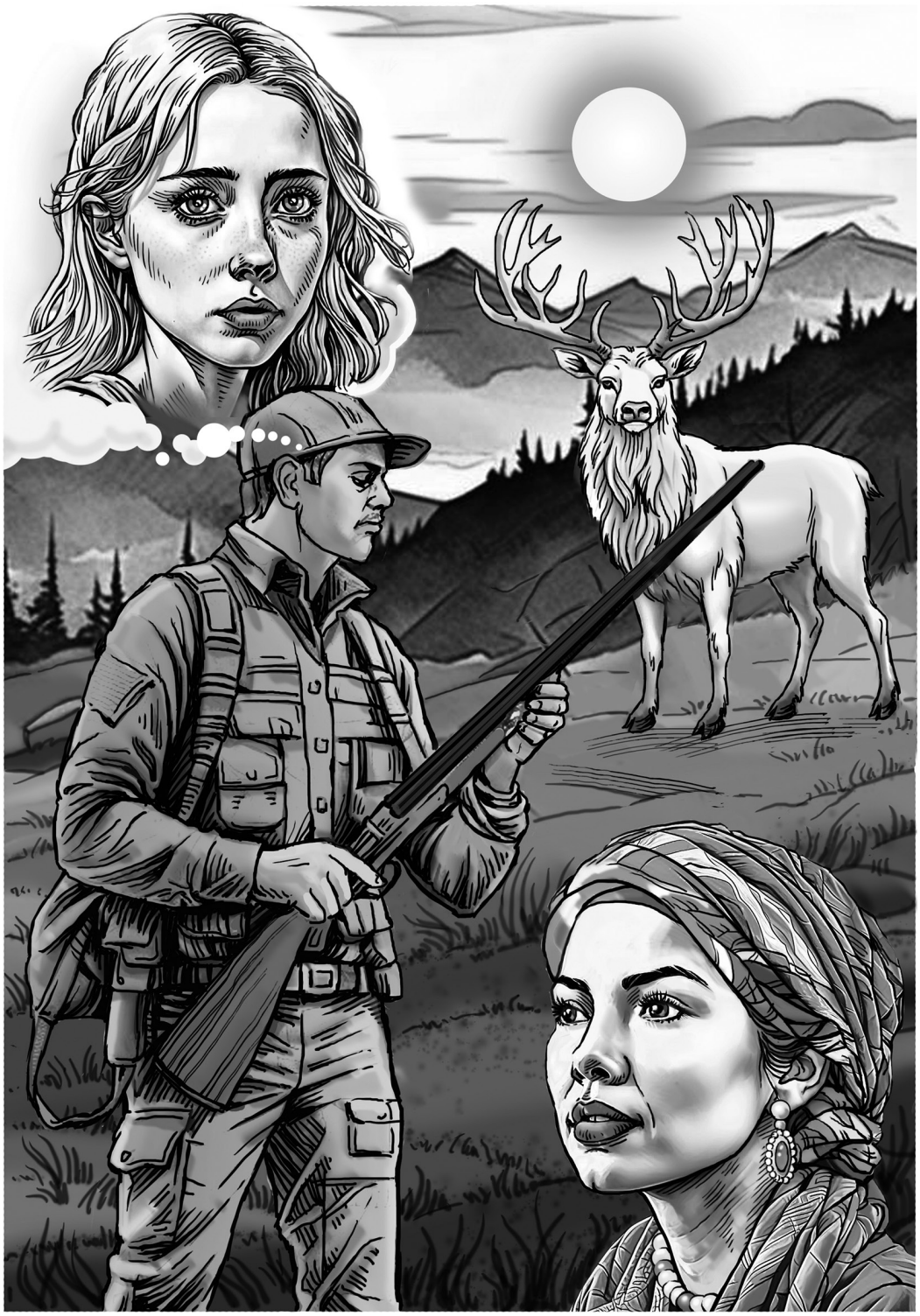
Огляделся, выбрал местечко повыше да посуше и под лиственницей устроился. Грибы искать было темновато, потому пожевал всухомятку оленины вяленой и завалился было. А в горле-то дерёт. «Вот, – думаю, – пень сосновый! Вдоль ручья шёл, хоть бы воды набрать додумался…» Ну, что тут сделаешь? Поднялся я и уши навострил: не мог ведь далеко от ручья уйти, а раз так, то должно быть его слышно. Вертел, вертел головой, но так толком и не разобрал, откуда шелест воды слышен. Показалось, что по левую руку всё же.

И ведь, главное, подумал ещё, что левая сторона не та, что к добру, а всё одно пошёл. Сумерки – время смутное: и свет, и тени съедает. Когда настоящая ночь и светит луна, видно куда лучше, чем в сумерках. Двинул я, однако, на звук. Тем более, помню, что шёл я лицом на восток, а ручей справа был, значит, если в обратную сторону идти, окажется он слева. Подумал так-то – вроде всё сходится.

Осторожно шёл, с опаской, чтоб ноги не переломать. Корни переступал, камни обходил, дёрн ногой прощупывал, ровно на болоте… Не помогло, блин. Вижу, вроде темнеет что-то. Шагнул пошире, чтоб не промахнуться, – да так и ухнул по пояс в воду. Что, – думаю, – за чёрт?! Давай шарить вокруг руками: камни, песок, корни, сучья, валежины трухлявые… и вода вроде журчит – насмешливо так. Тут до меня и дошло: родник это. Только вот древесные корни камень расшевелили да раскрошили – его и присыпало. А сверху ветками палыми да сушняком укрыло – не пробиться толком воде.

Ну, вылез я, походил кругами и давай расчищать бедолагу. Покуда возился, свет ярче стал, а потом и солнце лучами из-за хребта брызнуло. В общем, к утру расчистил, стенки в ямине камнями укрепил, сухостой рядом вырубил. Свернул из коры ковшик-кулёчек, подождал, пока муть осядет, напился всласть, вернулся к лёжке своей и спать завалился – умаялся. И вот, поди ж ты, снится мне, будто рядом со мной кто-то сидит и про Росомаху рассказывает – то ли дядя Митяй, то ли ещё кто. Будто похож на него, а будто и нет. И слова-то я вроде слышу, а смысл разобрать никак не могу. Удивился я так, что аж проснулся. Глаза открыл, и на секунду и впрямь привиделась мне рядом человеческая фигура. Моргнул я, глаза протёр, а никого и нету. Померещилось, видно, спросонья.

Поднялся я, оленины пожевал, сходил к роднику: умылся, напился, воды во флягу набрал. На часы поглядел – полдень уже, поторапливаться надо: один день из недели, считай, по боку. Собрался я, повернулся так, чтоб солнышко правое ухо грело, и двинул к Сана-вожу: он только справа, к югу от меня, мог быть. Шёл, шёл, полчаса, час – вокруг лес, а ручья всё нет и нет. Странно, думаю. Во-первых, отродясь я в лесу не плутал, во-вторых, давно уж лес должен бы поредеть и измельчать: горы всё-таки, лесотундра… «Неужто, – думаю, – впрямь Вэрса-леший меня водит?» Остановился, огляделся, прикинул, где юг, где север, и решил, что вроде правильно иду. Однако опять же в наличии ещё одна странность – хребта за ельником не видно, а должно бы: не иголка чай…

Чертыхнулся я с горя, куртку снял и навыворот надел. Сапоги местами поменял. Неудобно, конечно, но делать-то что-то надо! Оставил на замшелом камне ломтики оленины да монеток горсть – поклонился лешему – и пошёл дальше. Шагал ещё часа полтора, а потом смотрю – места вроде знакомые: вот выворотень по левую руку, вон лиственница раздвоенная, а вот и камень замшелый – тот самый. И монетки мои на нём весело так поблёскивают. «Ах ты ж, – думаю, – зараза! Чем же я тебе, хозяин лесной, не угодил? Зверьё не пугал, родник расчистил, а ты мне, выходит, фигу скрутил? Ладно…» Подошёл к камню поближе, рюкзак скинул.

– Чего ж тебе, Хозяин, надобно? – говорю. – Чего я тебе худого сделал, что ты меня к Росомахе не пускаешь?..

Понятное дело, не ответил мне никто. Присел я возле камня, сижу, жду. Чего жду, сам не знаю. Однако дождался на свою голову. Слышу, в подлеске трещит: кто-то большой и тяжёлый прямиком ко мне идёт. «Ну, – думаю, – накаркал. Сказал мамане про косолапого – вот он, на тебе, лично пожаловал». Схватился я за ружьё – оно заряжено у меня на всякий случай было – и на подлесок наставил.

Только сделал так-то, треск громче стал, и выломилась на прогалину лосиха, а следом за ней – телёнок. Кто не знает, тот рукой бы махнул, а я напрягся, потому как где самка с потомством, там и вожак неподалёку. Начал я потихоньку отодвигаться в сторонку, а потом гляжу: лосиха-то ковыляет еле-еле. Тощая, бока впалые, и молока у ней нету, потому как телок жалобно хоркает и тычется в пустое вымя то и дело. Пригляделся я и вижу: с передней ногой у неё что-то, не может она на неё толком наступить. Остановилась она, отдышалась и легла, а меня будто и не замечает. «Ну, – думаю, – раз так, значит, неспроста это всё». Опустил ружьё и медленно так, аккуратно в сторонку его отложил. Поднялся и к лосихе маленькими шажками двинулся – чтоб не напугать, значит. Иду и негромко так с ней разговариваю.

– Тише, – говорю, – красавица. Не бойся, всё хорошо будет. Зла я тебе не сделаю, ногу только твою погляжу. Может, помочь сумею…

Она голову вскинула, уши насторожила, прядёт ими и глядит на меня с опаской, а встать, видно, сил нет. Когда я совсем близко подошёл, засопела тревожно, задвигалась, шкурой на плечах заподёргивала – нервничает, значит. А телок ейный бегает вокруг и жалобно так хоркает. Ещё бы, забегаешь тут, если чудище неведомое двуногое того и гляди маманьку съест…

Остановился я и присел, чтоб выше неё не быть, чтоб не принимала она меня как угрозу.

– Спокойно, – говорю, – девочка. Спокойно. Не дёргайся. Я осторожненько гляну…

Батя у меня пастух, так что доводилось и мне со стадом ходить не раз. Приходилось и болячками оленьими заниматься: на кочёвке в тундре ветеринара ведь фиг дождёшься. Оленеводы наши знают, что и как у олешков лечить, – сами занимаются и то, что знают, детям своим передают. В общем, наклонился я ближе, гляжу, а на ноге у неё рана – коростой покрылась и гноем сочится. Бог ведает, где она ногу пропорола: может, в ветровалах, может, на курумнике, а может, придурок какой вроде того мужика с самозарядкой навороченной подранил. Осматривал я рану, а сам говорить не переставал – бормотал, как шаман, – и, по ходу, сам начинал понимать, зачем знахари бормочут. Оказывается, это они так внимание хворого от болячки отвлекают. А лосиха глядит на меня и слушает внимательно, будто каждое слово понимает.

– Погоди, – говорю, – красавица. Сейчас вот фляжку отвяжу, промоем болячку твою ключевой водицей. Уж не знаю, целебная она или нет, а рану точно очистит…

Болтаю так-то, рану ей промываю, а сам думаю: лишь бы не испугалась да не вскочила, а то ведь зашибёт копытами ненароком – мало не покажется. Но вот что удивительно: она меня слушает и терпит, разумеет будто, что я помочь ей хочу.

Короче, почистил я рану и думаю: а чем же мне её подлечить, чтоб не гнила? Огляделся, а вокруг меня, как по заказу, – морошки россыпи. Нащипал я морошкового листа, нажевал в кашицу и к ране приляпал. Куртку с себя снял, рубаху стянул, рукава оторвал от неё, располосовал ножом и ногу лесной красавице перевязал. Отодвинулся от неё осторожно и тогда только дух перевёл. Поглядела на меня лосиха глазищами своими влажными, блестящими… вздохнула шумно – совсем как корова в хлеву – и принялась повязку вылизывать. «Молодец, – думаю, – умница…» Слюна не даст морошковому листу под повязкой быстро высохнуть. Сок в рану попадёт, убьёт заразу, воспаление снимет, болячку заживит.

– Отдохни, – говорю, – девочка. Отлежись. А я пойду помаленьку.

И то, провозился я с ней изрядно – часа полтора. Опять дело к вечеру, и второй уж день на исходе, а я не то что к Росомахе, к Сана-вожу выйти никак не могу. Приуныл я маленько, чего греха таить. Но делать нечего, надо идти. Попрощался с лосихой, телка любопытного, носом в меня ткнувшегося, по загривку потрепал и двинул дальше – теперь уже не прямиком на восток, а с уклоном к югу. С полчаса протопал и вдруг слышу – вода шумит. «Мать честная, – думаю, – неужто Вэрса смилостивился?» Припустил я на этот шум во весь дух – так лишь, чтоб ноги на камнях не переломать, – и минут через пять выскочил прямиком к Сана-вожу.

Огляделся я, и всё как-то разом на свои места встало: вот он, Сана-вож – блестящей ниткой к горе тянется; вот лес в низине, а вот, впереди, Сана-из – Росомаха-гора. Дальше редеют деревья, шагают в гору отдельными редкими кучками и, словно обессилев в борьбе с камнем, становятся всё приземистей и тоньше, пока и вовсе не уступают место траве, стланику и мхам. А там, где макушка Сана-из греется в лучах солнца, только камни – серые, белые, чёрные – покрытые ржавыми и бледно-зелёными пятнами лишайников.

Остановился я у ручья, портянки перемотал, сапоги переодел, как положено, куртку обратно налицо вывернул, передохнул чуток и заторопился дальше: до Сана-из оставалось всего ничего – километра полтора-два. Ручей меня прямиком в распадок, что разделяет две вершины – Сана-из и Колокол, – должен был вывести. Там я и заночевать собирался, потому хоть время и поджимает, а в сумерках в гору лезть – глупость несусветная: запросто можно ноги переломать. Имелось у меня и ещё одно дельное соображение: надо было мне тот курумник отыскать, про который дядя Митяй рассказывал. Вот только вокруг горы в его поисках бегать – это для тех, у кого времени в запасе вагон, потому задумал я на Сана-из подняться да осмотреться вокруг. Гора хоть и не особо высока, но почти тринадцать сотен метров вверх – тоже не шутка, видно должно быть далеко, тем более, курум на четыре версты – не иголка, всяко с высоты увижу.

В общем, добежал я до распадка как раз вовремя – солнце к тому времени за хребет спряталось и только вершины золотило. По дороге даже куропатку подстрелил. Понятное дело, что не по уму это – птица как раз в эту пору птенцов выкармливает, – но жрать-то охота. А голодному по горам лазить – силёнок не хватит. Оленина вяленая – это про запас, на всякий непредвиденный и нехороший совсем случай: если, к примеру, ружьё ненароком утоплю или ещё чего… Не дай Бог, конечно.

Обустроился я в распадке возле ручья, костерок запалил, птицу в угольях испёк, покурил, на Росомаху глядючи и прикидывая, где и как идти завтра буду, и спать завалился. Чутко спал. В горах – не дома за печкой, всякое может быть: и зверь какой, случается, сдуру набежит, и людей нехороших иной раз нелёгкая приносит. А хуже всего хозяйка этих

мест – росомаха. Зверюга эта вороватая и нахальная до неприличия, к тому же страсть как любит чужими припасами полакомиться. Уснёшь вот так-то, а утром – всё снаряжение вдрызг, и жратвы ни крошки: росомаха в гости приходила, пировала, а и стола не закрыла.

На другой день поднялся я рано, потому как погода меня тревожила: с ночи задул северо-западный ветер, натащил сплошную пелену облаков, а они в этих местах обычно за хребты цепляются и висят на них, бывает, не по одному дню. Дождь мне нынче совсем некстати бы пришёлся: скользко на мокрых камнях, да и грунт, где он есть, размывает – поползти может прямо под ногами. Так что взвалил я на плечи свои пожитки, ружьишко поперёк груди повесил и полез в гору.

Склоны на Сана-из не больно крутые, но дело тут не в крутизне. Они сплошь валунами усыпаны – большими и маленькими. Не курум, но вроде того. И ладно ещё, если камень плотно сидит, не шевелится, но когда он под ногой туда-сюда ходит-шатается… Маета сплошная и по сырой погоде риск нешуточный. К тому же не повезло мне: только до середины склона доцарапался – дождина ливанул, да густой такой, с крепким порывистым ветром. Мотало и трепало меня, как ивовый лист на ветке. Хорошо, штормовку догадался надеть. Капюшон на голову натянул, застегнулся и забился между камнями: всё равно идти было никак – валуны скользкие, а в бродняхя, как корова на льду.

Часа два лило, будто из ведра, но сидел я дольше – ждал, когда ветер камни хоть маленько подсушит – потом дальше полез. Два раза ногу чуть не подвернул, на третий едва кувырком не покатился: камень из-под ноги ушёл, а за ним – и соседние. К полудню кое-как выбрался на макушку Росомахи, передохнул и пошёл вокруг – оглядеться. Шастал этак часа два, и чем дольше ходил, тем хреновее на душе у меня становилось. Сколько я ни глядел, а каменной речки, по берегам лесом отороченной, так и не увидел. «Да что ж, – думаю, – за напасть?! Где ж искать-то её? Не мог же, в самом деле, дядя Митя надо мной подшутить – не тот человек. Раз сказал он, что есть курум, значит, действительно есть. Так может, это я, дурень, не так смотрю или не там ищу?»

Посидел я, подумал, куропатку дожевал и двинул к южному склону: решил, что если где и прячется курум, то как раз в распадке между горами. Спускаться по такой погоде – то ещё удовольствие. Да всем известно: вверх оно всегда легче, чем вниз. Туда на четырёх лезешь, а обратно – только на двух, да и те то и дело соскальзывают. Задницу отбил, конечно. Не смертельно, но приятного мало.

К Сана-вожу спустился я уже к вечеру – измотанный, как рудничный мерин, и голодный, как волк. Пошёл вдоль ручья в распадке лесистом. Пару рябчиков подстрелил. Не бог весть что, но хоть перекусить. Остановился на удобном местечке у ручья, на прогалине. Полог между лиственницами натянул, ободрал с рябчиков кожу вместе с перьями, глиной тушки обмазал и в углях запёк. Чаю брусничного заварил, сижу, пью с колотым сахаром вприкуску и думу думаю: куда мне дальше подаваться и как из ситуёвины нехорошей выходить. Если по уму, то есть у меня ещё два дня, и коли завтра к полудню каменную речку не отыщу, то придётся искать уже не её, а старые шурфы на западном склоне, которые геологи-золотоискатели оставили. Это, конечно, то ещё удовольствие, потому за столько лет ямины наверняка дёрном и травой затянуло. Одна радость – со слов дяди Митяя я примерно знал, где шарить надо.

Прикидывал я про себя так-то и понимал, что дело я затеял безнадёжное. Ну, какое, на фиг, золото можно за сутки отыскать? Смешно даже. И всё бы ничего, если б я тут от нечего делать прохлаждался. Нет, до зарезу нужны мне были либо вода живая, либо золото. Не мог я без них уйти. Не мог, и всё тут! Потому что где-то там, в городе, в двух сотнях вёрст отсюда, девчонка ждала и верила. Я ей надежду дал – мне и ответ держать…

И до того мне горько и муторно стало от мысли, что я теперь вроде как обманщик бессовестный получаюсь, что не выдержал я, вскочил на ноги и взмолился:

– Мать-земля родная, Урал-батюшка и ты, хозяйка мест этих, Росомаха… Подсобите в нужде! Не дайте пропасть девчонке. Ей ведь без зрения и жизнь-то не в жизнь… Что захотите, для вас сделаю…

Сказал так-то и стою, слушаю, как эхо надо мной насмехается, а птицы ночные ему вразнобой вторят, и сам себе понимаю, до чего глупо это всё. Плюхнулся обратно на лапник, голову свою бестолковую руками обхватил и сижу. В огонь гляжу, себя, дурака, последними словами крою. Мысленно, конечно. Не пристало в горах да в тайге браниться по-чёрному и нечистого поминать – неприятностей можно огрести в отместку.

Сидел я так, пока запас мыслей горестных не вышел, а потом в сон меня клонить начало: устал, набегался, как заяц, за день-то. Прилёг я, куртку на плечи натянул, потому как вижу: туман сырой клочьями по земле потянулся. Да большими такими, будто стадо небесных оленей в распадок спустилось – ягелем полакомиться. Глядел я на этот туман, глядел… да и задремал, кажись. Правда, не крепко, тревожно как-то: вроде сплю, а вроде и нет; звуки слышу, а всё вокруг странное – будто не настоящее, а нарисованное. Слышу, как ели лапами шелестят, как дождевые капли по пологу скатываются и по рюкзаку шлёпают, как трава на слабом ветерке шуршит и сучья в костре потрескивают, как мелкие камешки осыпаются со склонов, как сова ухает где-то неподалёку. А ещё сквозь сон мне будто бы тени мерещатся – словно ходит кто-то поблизости. То вроде ветка хрустнет, то влажный дёрн чавкнет, то мелкая галька заскрипит. Сказать по совести, напрягся я. Глаза открыл и вижу – под деревьями кто-то стоит. Проморгался – нет никого. «Да что ж, – думаю, – за чёрт?!» Схватился за ружьё и рявкнул громко:

– Эй! Кто тут есть?! Выходи!

А про себя думаю: «Ежели зверь, то испугается и уйдёт, а если человек… Хотя откуда тут и кому среди ночи взяться?» Только подумал – глядь, а среди ёлок зашевелилось что-то, задвигалось. Вроде не крупнее меня, о двух руках, о двух ногах и об одной голове. Значит, человек. Гляжу, и точно – мужик. Ладно сбитый, коренастый. Подошёл к костру и стоит, на меня смотрит.

– Здорово, – говорю, – дядя. Ты чего ночью-то бродишь? Заплутал, что ли? Садись к огню. Добычей я нынче не богат – не за этим пришёл; а чаю с сахарком мне для хорошего человека не жалко.

Болтаю так-то, а сам его рассматриваю, и чем больше смотрю, тем сильнее удивляюсь. Пожилой мужик-то совсем – старше даже дяди Мити лет на десяток. Косматый, бородатый, и одёжка на нём, похоже, старинная: рубаха домотканая навыпуск, не подпоясанная; на ногах – пимы до бедра, тканными ремешками с кистями подвязаны; на плечах – безрукавка меховая. И ни рюкзака, ни ружьишка при нём нет. Только палка суковатая – вроде посоха. «И откуда, – думаю, – он такой взялся?»

А он возьми и ответь:

– С кудыкиной горы, из кудыкина леса за кулижками.

Я прям остолбенел.

– Ты чего, – говорю, – дядя, мысли мои читаешь?

– Нет, – отвечает. – На роже твоей все твои вопросы написаны. А ежели по уму, так это я тебя спросить должен, чего ты тут потерял. Не сезон нынче для охоты-то. Чего припёрся, чего Росомаху тревожишь, лазишь повсюду, нос суёшь, куда не положено?

Вона как! Он мне ещё и допрос устроил…

– А ты, дядя, кто такой, чтоб с меня спрашивать? – осторожно ему говорю. – Лесник, что ли? Так тут вроде отродясь кордона не было.

– Да, пожалуй, что и лесник, – отвечает и хитро так улыбается в бороду свою седую, клочковатую. – Потому как за порядком приглядываю.

«Надо же, – думаю. – Из мужиков-то хоть бы один заикнулся, что теперь на Сана-воже сторож есть».

– Так ты, – спрашиваю, – с геологоразведки или с «Югыд ва»? Кто теперь базой распоряжается?

А он на меня посмотрел с недоумением, плечами пожал и говорит:

– Какая такая база? Не ведаю, про что ты болтаешь, паря. Мне до геологов твоих дела нет. Я сам по себе. Лес – моя забота, – и тут же, щурясь недоверчиво, спросил: – А что это ты про «светлую воду» сказал?

«Странно, – думаю. – Про «Югыд ва» у нас разве что дети малые не знают».

– Это, – говорю, – дядя, Национальный парк так называется. Большой он: от Полярного до Южного Урала вдоль гор тянется. Его давненько уж создали – лет пятнадцать как. Природу охраняют.

Поглядел он на меня и фыркнул насмешливо:

– Тоже мне, «давненько»! Не знаешь ты, что такое «давненько», паря. Вот Росомаха-гора да Еркусей – это и есть «давненько». А то, что вы, людишки, возле них копошитесь – это всё равно, что лист на дереве: сегодня есть, а завтра нету. Хотя… что охранять взялись – дело. Давно пора, а то один уж не справляюсь: больно много вас в последнее-то время понабежало. – Вижу, хмурит он косматые брови, а глаза маленькие из-под них злостью так и горят. – Всё ходите, ищете что-то, землю роете, машинами своими кожу с неё рвёте, из реки священной большой тракт сделали, загадили всё! Тьфу! Паскудство!.. Говори, зачем припёрся, не то всерьёз за тебя возьмусь! Не только дорогу назад, но и голову свою глупую тут потеряешь!

И тут меня холодным потом обдало. Понял я, кого на огонёк мой принесло. Это ж сам Вэрса собственной персоной ко мне пожаловал!

– Не серчай, – говорю, – Хозяин. Не со злом я. Дело у меня тут важное.

Насупился он.

– Признал-таки, – ворчит. – Ну, ладно… Какое такое у тебя дело?

Подумал я, что смысла нет от него таиться: всё равно ведь узнает. Ну и вывалил свою заботу как есть:

– Живую воду я ищу, что где-то тут под курумником течёт.

Вэрса поближе ко мне шагнул и пристально так в глаза мне уставился.

– На что она тебе?

Вспомнил я Викины глаза синие, как васильки… Представил, как они серой пеленой слепоты подёрнутся, если обещанного не исполню, и сказал:

– Человечку одному хорошему помочь хочу. Слепнет она. Того и гляди, совсем видеть перестанет…

– И что с того? – буркнул Вэрса недовольно. – Каждому своя судьба. И без зрения люди живут.

– Другие, может, и живут, – отвечаю сквозь зубы, потому как и сам злиться начинаю, – а ей без зрения никуда. Художница она.

– Ишь ты! – удивился Вэрса. – Вон, значит, как… А тебе-то что до неё? Любишь, что ли, девчонку?

Я только вздохнул.

– Да какая, – говорю, – любовь? Она от рождения городская, а я – деревенский. К тому же я её в полтора раза старше. Случайно повстречались. Несправедливо это просто: че-

ловек красоту чувствует, передать её умеет так, что душа звенит и поёт, а со зрением – такая беда…

Вижу, слушает он меня внимательно и взглядом своим колючим так и сверлит – аж до нутра пробирает. Смотрит и молчит. Долго так-то смотрел да раздумывал, а потом сказал:

– Сдаётся мне, что неплохой ты человек, паря. Себе на уме, похоже, но неплохой. Опять же просто так мимо родника не прошёл, лосихе помог, животину без нужды не бил – только чтоб голодным не остаться… Меня уважил… Ладно, так и быть, укажу тебе каменную речку. А уж дальше с Росомахой ты сам договаривайся. Не мне ей указывать, что и как. Если сама решит тебе помочь – считай, что в рубашке родился.

Я аж подскочил.

– Вот спасибо тебе! – говорю. – Век не забуду доброты твоей!

А он хмурится и ворчит:

– Погоди благодарить-то. Указать – не в руки дать. Сможешь ли пройти и добыть – от тебя самого зависит. А вера твоя, вижу, не больно крепкая: прийти пришёл, ищешь, а сам то и дело во всём сомневаешься…

Задел он меня словами этими, я и взъелся:

– В чём это, – говорю, – я, по-твоему, сомневаюсь?! Не верил бы – вовсе бы не пришёл!

– А верил бы полностью – про золотишко бы не думал.

Вот так. Уел он меня. Я ведь и впрямь с самого начала про золото подумывал, а не только про воду. Значит, прав он: и мою душу нынешнее жадное время зацепило. Неверие – оно как болезнь заразная: вроде и сам не заметил, а от других уже подхватил.

– Так и есть, – кивнул Вэрса и грустно так головой покачал. – Чудеса, паря, вера творит. А поскольку людей, что искренне верят, у вас теперича за дурачков считают, то и чудес почти не осталось на свете. Так-то…

Вздохнул он тяжело, зыркнул на барахлишко моё и проворчал:

– Собирайся. Если хочешь каменную речку найти, прямо сейчас идти надо.

Хотел было я спросить, почему сейчас, среди ночи, да вовремя язык прикусил: только что ведь про веру говорили. Собрал пожитки свои быстренько, рюкзак да ружьишко подхватил, гляжу, а Вэрса уж вдоль ручья шагает. Да ходко так – не в раз догонишь. Поспешаю я за ним, то и дело о камни да кочки спотыкаюсь в сумерках и понимаю, что забирает он в сторону от ручья, к Росомахе. И чем дальше, тем круче. Через распадок наискосок провёл и остановился.

– Гляди, – говорит. – Видишь, на склоне болбан каменный стоит?

Присмотрелся я – и вправду большой камень на кромке леса торчит. Как раз в самом низу осыпи. И как я его вчера сверху, с горы, не приметил?! А может, и не было его там вчера-то?..

– Вижу, – говорю.

– Иди прямиком к нему. Обойди кругом по солнцу трижды. Встань лицом на восход, поклонись Зарани Золотой и скажи: «С добром пришёл – по добру и уйду. Не ищу корысти, ищу помощи. Зарань Золотая, Дочь Богов, Мать людей, открой мне дорогу». С чистым сердцем если идёшь, дорога откроется. Вот только непростая она. Что бы ты ни увидел, глаза закрой и иди вперёд: есть в тебе вера – пройдёшь, нет веры – не обессудь, получишь, что заслужил.

Меня мороз по спине продрал. «Вот, – думаю, – попал так попал. Живым уйду ли?» Гляжу, а Вэрса усмехается.

– Вот про это, – ворчит, – я и говорил.

Понимает, значит, о чём я думаю.

– Что ж, – говорю, – спасибо тебе, Хозяин, что проводил. И за подсказку твою – спасибо. Лихом не поминай.

– Иди, – ворчит, – балбес, а то опоздаешь. Один такой день в году, когда дорога открыться может.

И тут я сообразил, про что он толкует: и точно, ведь летний солнцеворот нынче! Выходит, повезло мне несказанно. Вовремя я Вику встретил, вовремя в тайгу отправился, вовремя помощи попросил. Закончилась бы эта ночь – и ушёл бы я с Росомахи не солоно хлебавши.

Поклонился я Вэрсе в пояс и двинул прямиком к болбану. Добрался до него, сделал всё, как леший велел: обошёл вокруг, слова заветные сказал, поклонился низко, выпрямился… и ошалел. Где ночь была – хоть и белая, но всё же ночь! – солнце ярко светит, небо голубое, тайга изумрудно-зелёная. А прямо передо мной – каменная река: со склона скатывается и по распадку дальше идёт – насколько глаз видит. И камни-то в ней – это тебе не осыпь мелкая: тут неудачно шагнёшь – не только ноги, а и шею сломаешь.

И вот что чудно: вроде следовало бы мне испугаться, а я стою себе спокойный такой, аж самому удивительно. Гляжу на курум и думаю: «Интересно, как там Вика? Помолилась за свою и мою удачу или нет? А то, может, рукой махнула и забыла – и встречу нашу, и обещание моё. Впрямь ведь, ну что за ерунда? Подумаешь, встретился мужик какой-то деревенский, наобещал с три короба и как в воду канул…» А потом пораскинул мозгами и понял: не может такого быть. У людей, которые красоту видят и сами её творить могут, душа чистая и лёгкая: умеют они верить и надеяться. А потому точно помолилась она, и не могли её Силы Небесные не услышать. Значит, нечего мне бояться. Значит, раз доверилась мне она, то и я доверять безоглядно должен: Вике, земле своей, силам её сказочным и безграничным, чутью своему охотничьему и удаче своей. Подумал так-то, вздохнул глубоко, глаза закрыл… и пошёл вслепую.

Сделал шаг, другой, третий… Иду и чувствую, что будто по ровной дороге шагаю. Словно не курумник под ногами, а дорога асфальтовая. И так мне захотелось глянуть, что ж это такое – прям сил нет! Остановился я, зубы стиснул, глаза покрепче зажмурил – перетерпел. Дух перевёл и дальше двинулся. Шагаю и прикидываю про себя, что иду ровнёхонько поперёк речки, на склон горы, и вроде как уже должны бы камни кончиться. Только подумал – смех чей-то раздался впереди, неподалёку. Женский смех – бархатный. Не выдержал я, глаза открыл и понял, что и впрямь на краю курумника стою, под самыми деревьями, а речка каменная почти вся у меня за спиной осталась. Перешёл-таки. Топчусь я на валуне, щурюсь против света, а солнечные лучи сквозь гущину ветвей древесных сочатся нитями, будто пряжу золотую невесомую ткут. Пестрит всё в ярком свете – не разглядеть, кто там, между ёлок и лиственниц, прячется. Потом блеснуло что-то в зелёном подлеске, заискрилось – будто бегущая вода бликами играет или металл шлифованный.

– Эй! – говорю. – Кто это там надо мной потешается? Покажись, не бойся.

В ответ опять смех послышался – уже громче и звонче. Блики ещё ярче стали, заиграли быстрее, а потом выступила из-под лиственниц женщина – неторопливо так, чуть вразвалочку. Встала – руки в боки – и смотрит на меня насмешливо. А я аж ослеп от блеска: зелёные круги в глазах поплыли, а через них я только силуэт смутный вижу. Голова у меня закружилась, покачнулся я, равновесие потерял и грохнулся – ей на потеху. Хорошо, вперёд, носом в дёрн, а не назад, на камни. Она давай снова хохотать – оглушила совсем.

– Что, – смеётся, – охотничек? Красота моя наповал бьёт? Али притомился сильно – ноженьки ослабли?

Проморгался я, руки-ноги под себя подобрал и поднялся. Гляжу на неё и диву даюсь. И вправду красива она, но как-то не по-людски. Начнёшь внимательно рассматривать, так

вроде что-то звериное в ней: лоб низковат, нос широковат, губы тонкие, зубы острые… Зато глаза – ну, чисто янтарь солнечный. И одета она совсем по-нашему: в сарафан пышный и сорочку-япанку, завеска опять же, как положено, поверх сарафана, на голове – шаль цветная… Вот только горит это всё ярким светом, потому что сплошь золотом заткано. На дорогую парчу похоже, но даже на Троицу в праздничном хороводе на наших женщинах парча беднее выглядит. Смеётся она, а на шее и на груди у неё золотые монетки и бусы самоцветные так и звенят, играют-переливаются.

– Здравствуй, – говорю, – Росомаха.

– И тебе, – отвечает, – по здорову, коли не шутишь.

– Да уж какие тут шутки, – нахмурился я. – Не до них мне нынче. Нужда к тебе привела.

Усмехнулась она, поглядела на меня искоса и говорит:

– Слыхала я про твою нужду. Только так и не пойму, чего ж тебе, остолопу, от меня надобно: воды али золота.

– Воды живой, – говорю, – хочу у тебя попросить. Она дороже золота.

Перестала она улыбаться, посерьёзнела.

– Это ты верно сказал, что дороже. Зачерпнуть из речки моей, конечно, не трудно – вот она, у тебя под ногами. Тут дело в другом… В том, чем ты заплатить готов.

Задумался я. Жить-то хочется: пусть нет у меня ни жены, ни детей, и добра я особо не нажил к тридцати-то годам, зато мать с отцом у меня есть и братья. А с другой-то стороны, ну, пропаду я в горах – у мамани ещё трое сынков останется: я-то младший, четвёртый. Горевать, конечно, будут, не без того, но время лечит, да и внуки скоро пойдут – всё сердцу материнскому отрада… Подумал так-то и говорю:

– Заплачу, чем велишь. Об одном прошу: с меня цену спрашивай, не с рода моего.

Поглядела она на меня с интересом и усмехнулась:

– Не дурак ты, однако, охотник. Лишнего, вижу, не отдашь. А с тебя особо и взять-то нечего, кроме тебя самого.

Похолодел я. «А ну, – думаю, – как не отпустит меня назад-то?» Ну и брякнул:

– Да хоть меня бери, коли хочешь. Дай только назад в город сбегать, а после того вернусь. Обещаю.

Прищурилась Росомаха этак с хитрецой, поразмыслила маленько и говорит:

– Ладно уж, чего у семьи-то кормильца отбирать… Позволю я тебе воды набрать и даже обратно отпущу, но при одном условии – выполнишь то, что я велю.

Поклонился я ей в пояс.

– Как скажешь, – говорю, – так и будет.

Кивнула она важно, руки на груди сложила и говорит:

– Есть у меня для тебя три дела. Исполнишь их все до заката – бери воду и иди себе восвояси. Не исполнишь – тут останешься: будешь мне по хозяйству помощником.

Ну, и куда мне деваться? Согласился, конечно.

– Хорошо, – говорю. – Рассказывай, что я делать должен.

Уселась она на камне, руки на коленях сложила, хитро так посмотрела на меня и молвила:

– Я давеча вдоль каменной речки шла и вон на том склоне браслет обронила. Змейку золотую с красным глазком. Отыщи мне её. Да гляди, осторожней будь: не оцарапайся о зубки её золотые, а то даже я помочь не сумею. Иди. А я тебя тут подожду.

«Ничего себе, – думаю, – вот задача так задача!» А делать нечего: назвался груздём – полезай в кузов… Скинул я рюкзак, ружьё рядом положил – у Росомахи не пропадёт – и двинул через лесовину на тот склон, что она показала.

Южный склон, солнечный, не больно крутой. Деревца низкорослые по нему растут, стланик опять же, берёзка карликовая. Камни на солнышке греются, мох разноцветный им бока укутал, осыпи дёрном затянуло. Уютное местечко. В самый раз змеям да ящеркам. Иду я по этому самому склону и каждый метр, как сапёр, осматриваю. Солнце макушку печёт, пот по спине струится. Снял я куртку. Потом и рубашку снял. Ползаю по склону, будто улитка, на солнце поглядываю – высоко ли стоит. В глазах рябит уже, мошка потную спину облепила – грызёт. А я всё отмахиваюсь и в землю пялюсь – не блеснёт ли где золотая змейка. В конце концов до того умаялся на солнцепёке ползать, что чувствую – нехорошо мне. Добрёл до большого валуна и в тени повалился. «Передохну, – думаю, – маленько, а то так и солнечный удар заработать недолго».

Посидел немного, отдышался – полегчало. Стал по сторонам оглядываться. Смотрю, а между двумя ближними валунками пуночка так и скачет, так и скачет. Цвиркает беспокойно, почти кричит. Поднялся я. «Дай, – думаю, – гляну, что там такое…» Подошёл близко совсем, а там – гнёздышко крохотное с птенцами. И к гнезду этому змейка подбирается. Золотая. С красными глазками. «Ни хрена ж себе, – думаю, – браслет! Как же мне тебя отловить, да ещё так, чтоб не укусила?» Вспомнил про рубашку свою, без одного рукава оставшуюся, метнулся назад, подхватил её, верх узлом завязал, чтоб мешок получился, ветку сухую подобрал с земли – и к гнезду. Кинул рубашку наземь, подол её веткой приподнял, обошёл гнёздышко, да как топну. Змейка испугалась и прямо в рубашку мою юркнула. Я рубашку хвать – и бежать бегом к курумнику. «Только бы, – думаю, – дырку между пуговицами не нашла да не выскользнула!» А она бьётся, шипит – того и гляди, через ткань за руку цапнет. Потом гляжу – так и есть, дырку нашла и уж головёнку наружу высунула. Что ты с ней будешь делать?! Ругнулся я да и схватил её голой

рукой, а она запястье мне обвила, шипит и пасть свою крохотную разевает – за палец укусить норовит.

– Что ж ты, – говорю ей, – творишь, животная?! Я ж тебя вернуть хочу хозяйке твоей – Росомахе! А ты меня грызануть собираешься, бессовестная…

Только про Росомаху-то сказал – змейка тут же и успокоилась. Пасть закрыла и красными глазёнками своими на меня уставилась, будто спрашивает: «А не врёшь?»

– Ей-богу, – говорю, – верну. Не сомневайся. А вот кусать меня не надо. Я ещё в город вернуться должен, чтоб Вике помочь.

Вот не думал я, что змеи улыбаться умеют! Как-то так она пасть свою приоткрыла и глазками заблестела, что и дурак бы понял – улыбается. Свернулась у меня на руке колечком двойным и кончик хвоста своего прикусила. Будто показывает: гляди, мол, теперь тебя куснуть точно не смогу, иначе свалюсь и опять потеряюсь.

– Вот и ладно, – говорю. – Вот и хорошо. Держись крепче – сейчас у хозяйки будешь.

И припустил по склону вниз. Через подлесок у каменной речки продрался – выскочил прямо к камню, на котором Росомаха ждала. Увидала меня, запыхавшегося, брови тёмные нахмурила, губы поджала – сердится вроде. А у самой глаза так смехом и искрятся.

– Ишь ты, – говорит, – какой шустрый! Никак отыскал пропажу?

– А то! – отвечаю. – Вот она, держи, – и руку ей протянул.

Росомаха запястье своё подставила, змейка с моей руки соскользнула и на её кисти кольцом свилась. Глазки красные так и светятся – радуется, значит.

Росомаха на солнце глянула, усмехнулась каким-то мыслям своим и сказала:

– Отдохни чуток. Коли хочешь, воды из-под камней хлебни. Много только не пей: лишняя сила – тоже худо. Распирает она человека, на ненужные дела толкает.

– Ладно, – говорю. – А какое второе дело будет?

Глянула она на меня с удивлением, головой покачала недоверчиво, но всё же сказала:

– Коровушек моих подоишь. Они на той стороне горы пасутся. Вот ведёрко тебе, – и достаёт из-за камня ведро золотое, с виду так литров на двадцать.

«Мать моя! – думаю. – Да как же я его на северный склон-то допру? Это ж золото, а не цинк… А обратно с молоком – так и вовсе…»

А она будто мысли мои услышала.

– Не бойся, – говорит, – как молока надоишь, оно легче станет.

Ну, что ж делать? Человек я деревенский, и корову, и козу доить приходилось, когда у мамки руки не доходили. Авось справлюсь. Спустился к самому курумнику, руку между камнями просунул, чувствую – вода. Зачерпнул в горсть, отхлебнул… Холодная, аж зубы ломит, и чистая, как хрусталь горный. А на вкус вроде металлом слегка отдаёт – непривычно. Зачерпнул ещё горстку, выпил. Чувствую, и вправду бодрит.

– Спасибо, Хозяйка, – Росомахе говорю. – Давай ведро-то, пойду, а то солнце уж с зенита падать начинает.

Взялся за дужку… и понял, что нелегко мне придётся. Однако чувствую: справлюсь. Рубаху свою развязал, на себя натянул, ведро золотое на плечо взвалил и двинул в обход горы – на северный склон. А Росомаха мне вслед крикнула:

– Ты лучше тут поднимайся! С той стороны круче.

Послушал я, потому как не было ей смысла мне препоны чинить: коровы-то не доены. Пока лез в гору, думал, помру. Солнце жарит, мошка жрёт, ведро – мать его! – тяжеленное, сердце где-то в горле стучит, хоть я к тяжёлой работе привычный… В общем, забрался кое-как почти на самый верх, где камни, трава короткая да мхи. На северной стороне, правда, полегче стало – там ветерок задувал прохладный, мошку отгонял. «Так, – думаю, –

а где ж коровы?» Пригляделся и ахнул. Да вот же они: которые лежат, которые бродят. Только не коровы это совсем, а лосихи с телятами. Немного их – голов восемь, но и к этим попробуй подойди! Самец-то, вот он, поблизости. Стоит на склоне, шумно носом тянет: учуял чужака двуногого. Сейчас как ринется – тут и конец мне. «Что ж делать-то?» – думаю. И вдруг лосиха, что ближе всех была, голову подняла, принюхалась… и пошла прямиком ко мне. А за ней – телёнок. Пригляделся я… Мать честная! Вот удача-то! Это, оказывается, моя красавица – та самая, которой я ногу перевязывал. И не хромает почти.

Подошла она, носом в меня ткнулась, головой о плечо потёрлась, да так, что аж качнуло меня. И телок ейный тут как тут – давай вокруг меня скакать да коленца выделывать. А я стою, как замороженный, и жду, когда меня лось заметит и в землю втаптывать прилетит. Ждал, ждал… а тот и ухом не ведёт. Ладно, думаю. Подобрался к знакомице своей, как корову, погладил, тронул осторожно титьки – стоит, не дёргается даже. Ну, чисто корова, только больно длинноногая. В общем, с оглядкой, но подоил. Она повернулась, похоркала в сторону товарок своих… Гляжу – подходят: сначала одна, потом другая, третья. А лось, словно глухой и слепой. Надо же, думаю. А сам моментом пользуюсь.

Хожу от лосихи к лосихе, ведро за собой таскаю и чувствую, что оно и впрямь легчает: будто молоко лосиное целебное в себе золото растворяет. Поглядишь в ведро, а молоко в нём золотом переливается – то ли жирное такое, то ли солнце так играет… Когда управился, ведро совсем обычным стало, даром что большое и молока в нём всего-то литра четыре – остаточек, который телки не высосали. В общем, вернулся я к каменной речке едва не бегом. Мог бы и быстрее, но боялся молоко расплескать: зачем-то ведь оно Росомахе нужно.

Встретила она меня не слишком радостно. То ли не по нраву ей пришлось, что я со службой справился, то ли молока мало показалось. А тут ещё я возьми да спроси: «А молоко-то тебе лосиное зачем?» Повернулась она и зубы свои острые ощерила. «Не твоего ума дело! – говорит. – Много будешь знать – скоро состаришься». Тут-то мне в голову мысль и постучалась, что не так просто всё здесь, как с первого взгляда кажется. Вспомнил я, что шаманы говорят про наш, Средний, мир: будто он – зеркало, в котором отражаются миры Богов и Духов – Верхний и Нижний. И любая мелочь, которая там происходит, в нашем мире свои последствия имеет… Не по себе мне стало от этих мыслей, а тут ещё Росомаха поглядела на меня хмуро и говорит:

– Вот тебе третье дело – охотничье. Бери своё ружьё и добудь мне к вечеру белого оленя с золотыми рогами. Да помни: до заката не успеешь – здесь останешься.

Опешил я. Не думал, что она меня на охоту пошлёт. Росомаха ведь, Хозяйка, Хранительница… Да и плохо это, говорят – убить кого-нибудь в Верхнем мире. Потому и переспросил:

– Мне его живьём поймать или как?

Зыркнула она на меня исподлобья и прошипела:

– Или как.

Совсем я ошалел.

– Да где ж, – говорю, – я его найду?

А она отвечает:

– Вдоль каменной речки иди. Там и отыщешь.

Приуныл я, голову повесил, а против Росомахи не попрёшь: она тут хозяйка, взялся служить – служи. Поднял я ружьё, на плечо повесил и побрёл вдоль курума, а на душе гадко так, муторно… Мог бы – прямо сейчас бы обратно на Сана-вож свалил. Вот только как без живой воды возвращаться?..

Иду обочь каменной речки, думу горькую думаю. А солнце уж за горы нижним краем зацепилось – совсем немного до сумерек осталось. Надо решать: выполнять, что Росомаха приказала, или послать её куда подальше. «Ладно, – думаю, – погляжу на оленя этого сказочного, а там уж и решу…» Только подумал – смотрю, а прямо за курумом, на другой стороне, олень стоит. Всем оленям олень. Крупнее раза в два, чем наши, обыкновенные. Белый, как первый снег на тундре. А рога и впрямь сказочные – рыжим осенним золотом горят-пламенеют. Потянул я с плеча ружьё – медленно-медленно, – а сам думаю: «Господи! Вразуми Ты меня, грешного! Надоумь, как поступить! Ведь не олень это – Дух какой-то, да притом не из простых. Может, в нём вся душа Севера живёт? Как же мне руку поднять на такое чудо?!»

Смотрю на него, ружьё в руках держу, а душа прямо на куски кровавые рвётся. Не выполню я приказ Росомахи – воды живой не видать мне, как своих ушей, да и дома родного, и отца с матерью – тоже. Вика будет ждать меня и не дождётся – отчается. А потом ослепнет совсем. Перестанет видеть красоту мира, и умрут в ней и вера, и любовь, и надежда. Одна чёрная горечь останется… Не могу я её на этот кошмар обречь, когда вода живая почти что в руках у меня!

Один выстрел… Всего один выстрел – и всё будет иначе. Ну, убью я Дух Севера, и утратит он Силу свою: не сможет больше противиться людям, что богатства его полными горстями черпают. Ну, исчезнут места заповедные, иссякнет живая вода. Будут везде шахты и рудники, заводы и газопроводы. У людей жизнь, может, легче станет… Может. Вот только взаправду легче ли?..

Поднял я ружьё, а руки ходуном ходят: сердце бухает в груди – вот-вот пополам разорвётся… И больно так, что никакими словами не сказать!.. А олень смотрит на меня глазами своими лиловыми, глубокими и чистыми, как вечернее небо, и стоит на месте, словно ждёт. Словно понимает и боль мою, и страх мой, и горе…

Уронил я на камни ружьё, упал на колени и заплакал. Потому что понял: не могу я его убить. Плакал, как плачут мужики, – почти без слёз, да зато сердце и душа – в клочья. Думал, тут и умру. Может, оно и легче так-то? Душа отлетит, да и всё – ни забот, ни скорбей, ни горя горького…

Скорчился я на камнях и об одном только мечтаю – как бы помереть поскорее, потому что жизнь мне уже не в жизнь. И вдруг чувствую – кто-то по голове меня гладит, да ласково так, бережно, совсем как маманя. Поднял я голову, а сам за слезой горючей и не вижу толком ничего. С трудом разглядел, что это Росомаха сама. Присела она рядом со мной, ладонями лицо моё обняла и в лоб поцеловала.

– Не плачь, – говорит, – человече, и не бойся больше ничего. Первые два дела, что ты справил – это так, забава. А сейчас ты главное и самое трудное испытание выдержал. Верно ты всё сердцем почуял и верно поступил, хоть и больно тебе было, и страшно. За главные в жизни решения цена всегда велика – неподъёмной кажется.

Поднялась она и руку мне подала.

– Вставай, – говорит, – Фёдор Егорович, да погляди на то, что вряд ли ещё когда увидишь. Вот он, Олень Золотые Рога – тот, что солнце над землёй нашей суровой носит по кругу. В нём душа Севера. Поклонись ему. Не каждому такая честь выпадает.

Глянул я на него, и душа во мне воскресла, будто золотым солнечным светом напиталась, а с ним вместе – и силой. Поклонился я Духу Севера и одно только слово сказал – «прости». Он головой качнул согласно, неторопливо так повернулся и прочь пошёл, вверх по склону. А потом словно растворился в небе: белый цвет, он ведь все цвета в себя принимает и любым может стать… Долго я ему вслед смотрел, покуда Росомаха не взяла за плечо да не повлекла за собой.

– Пойдём, – говорит, – Фёдор. Там, у каменной речки, тебя твоя награда ждёт.

Иду я за ней, а чувство у меня внутри такое… Вот вроде должен бы я ненавидеть её за то, что она со мной сотворила, а не могу. Как на белого оленя рука не поднималась, так и на неё зла нет. Пустой я и при этом лёгкий, как пух гагачий, – того и гляди в небеса взлечу. «Может, я и впрямь помер? – думаю. – А это всё – рай и ад в одном флаконе?» Смотрю, а передо мной то самое место, где я носом в дёрн уткнулся, когда Росомаху увидел. Камень замшелый, лиственница старая ветками на ветру качает, курум валунами дыбится… только далёкие они, как будто в последний раз я всё это видел целую жизнь назад.

Остановилась Росомаха у камня, нагнулась, подняла что-то и передо мной поставила. Гляжу я, а это канистры мои. И обе водой полнёхоньки. Протянула она мне и ружьё, и рюкзачишко мой тощенький.

– Вот, – говорит, – держи. Мне твоего добра не надобно. Своего хватает. А воду девчонке своей дважды в день давай – на утренней и вечерней заре. Пусть по три глотка пьёт и лицо умывает так, чтоб в глаза попадало. Слова ещё заветные говорить надо, но ты за это не беспокойся: они сами ей на ум придут – я позабочусь.

Вздохнула грустно, на солнце, лишь край из-за хребта казавшее, взглянула и молвила:

– Доброго тебе пути, Фёдор. И здесь, и там – доброго. Знаю, не больно я добра к тебе была, но иначе никак было. Ты уж прости. Захаживай, как в солнцеворот на Сана-воже будешь. Дорогу знаешь теперь.

Кивнул я, потому как ворочать языком сил не было. Поклонился ей и выдавил хрипло:

– Спасибо тебе за воду, Хозяйка. И за науку спасибо, хоть и не сладкая она у тебя. Бог даст – свидимся ещё.

Улыбнулась она мне.

– Иди, – говорит, – так же, как сюда шёл. И не тревожься ни о чём: всё ладно будет. Вэрсе от меня привет передай. Скажи, что в гости его жду.

– Ладно.

Поставил я в рюкзак обе канистры, навьючил его на спину, ружьё на грудь повесил, глаза прикрыл и зашагал – то ли по куруму, то ли над ним. Понял, что дошёл, когда под ногами внезапно осыпь заскрипела. Открыл глаза, а передо мной – болбан каменный. Рядом с ним Вэрса меня дожидается. Передал я ему привет от Росомахи, а он удивлённо так глянул на меня и говорит:

– Быстро же ты, однако, обернулся…

Посмотрел я вокруг и понял, что стоит всё та же ночь солнцеворота, вот только уже к утру близится: солнышко круг свой на оленьих рогах объехало и ввысь начало подниматься. Зарозовели горы, вызолотилось небо, деревья ожили – зашептались.

– Как уж получилось, – отвечаю ему.

Про воду он не спросил. И так знал, что я не с пустыми руками, раз вообще вернулся.

Ну, что ещё рассказать? Распрощались мы с Вэрсой на моей стоянке. Он ушёл, а я остался. Рухнул, где стоял, и проспал почти сутки прямо там, под Сана-из. Рано утром поднялся, олениной вяленой перекусил, ружьё зачехлил, да и двинул к Болбан-ю. Там дождался вахтовку и к вечеру уже в городе был. Позвонил Вике. Адрес свой она назвала – в малосемейке: квартиру-то они к тому времени всё-таки продали. Когда увидел я, как она по стеночке пробирается, сердце у меня зашлось. Обнял я её, качаю у груди, а сам не знаю, то ли плакать с горя, то ли смеяться от радости. Поговорил с родителями её, рассказал, что смог – так, чтоб они за чокнутого меня не приняли.

Отдал воду, попрощался и к Мишке свалил. Напились мы с ним до полного безобразия. Два дня болели. Мне-то пофиг, а ему пришлось на работе отгул выклянчивать. Он мне, кстати, к тому времени швейную машинку для мамани добыл. Так ещё и это отметили, чтоб поправиться.

На третий день собрался я и домой двинул. Вернулся в село, мамку расцеловал, машинку ей презентовал и взялся барахлишко своё разбирать. Ружьецо почистил да в сейф убрал, в баню сходил, одёжку пропотелую и прокопчённую в таз кинул – в стирку. Кинуть-то кинул, да вдруг слышу – звякнуло что-то. Давай я карманы выворачивать: вдруг патрон где завалялся? В рубахе ничего не нашёл, в карманах штанов – тоже. Куртку тряхнул хорошенько… и остолбенел: лежит на полу золотой самородок. Поднял я его и выдохнуть боюсь, потому как глазам своим не верю. Лежит у меня на ладони крохотная росомаха – почти такая же, как у дяди Мити. Почти, да не такая. У него она калачиком свернулась, а у меня – потягивается лениво, спину выгнувши и пушистый хвост флагом задрав. Такая вот от Росомахи памятка. Спрятал я её, конечно. Оберег – дело такое, никому его лучше не показывать, а то силу потеряет. Одно могу сказать: со мной она всегда. Погляжу на неё – и, как живые, встанут передо мной Росомаха и Белый Олень Золотые Рога. И словно свежим ветром мне в душу повеет…

Любопытно вам, наверное, как же дальше-то всё сложилось? Думаете, я, как в сказке, принцессу свою спасённую замуж за себя взял? Нет, братцы. Сказка сказкой, а это – быль. Ну, сами посудите: какая из нас пара? Что Вике в деревне-то делать с её художеством? Ей картины надо писать, людей радовать. А печку топить, кашу варить да портки мужику-лесовику стирать – это дело для девки покрепче, своей, деревенской. Такую домовитую я за себя и взял – Акулину Филиппову. Из дяди Митиной семьи, кстати. Их колено – оленеводы потомственные. Уговорили они меня работу сменить, так что теперь у нас семейная бригада: кочуем с женой, детьми и двумя моими шуринами.

А Синица… Всё у неё хорошо. Выздоровела она уже через два месяца. Врачи московские диву давались: никак понять не могли, как такое чудо случилось. Приезжает Вика к нам каждый год – когда летом, когда зимой. Летом кочует с нами. Пока у Еркусея на Болбан-ю стоим, она этюды пишет. И на побережье Карского моря тоже рисует. Зимой я её по Усе водил. Сам куропатку и глухаря бил, а она – не поверите! – опять же рисовала. Состав у неё какой-то волшебный есть: она его в краски добавляет, которые из тюбиков выдавливает, те и не замерзают даже на морозе. Акулина моя не ревнует. Знает, в чём тут дело: рассказал я ей всё. Теперь вместе телевизор смотрим, когда про нашу Синицу новости показывают. В прошлом году у неё выставка была персональная – в Международном Институте Арктики и Антарктики. Большой художницей стала. Известной. Так-то.

На Росомахе бывал я ещё не раз – тянуло туда, сам не знаю, почему. Вот только в солнцеворот шагнуть за болбан, на каменную речку, решился только однажды. Повидались мы с Хозяйкой. Не изменилась она. И места те заповедные не изменились. Всё так же стоят хребты, подставляя спины ветрам и солнцу. Всё так же цепляются за них облака, так же шумят лиственницы на склонах, текут реки и стоят священные болбаны по берегам. Сторожит Священную реку Каменная Баба, и Белый Олень Золотые Рога мчится-летит по небу. По-прежнему силён и крепок Дух Севера, и живёт он не только в земле нашей и воде живой, но и в нас самих, и в детях наших. Покуда помним, от каких корней растём, будет он жить, будет лететь над Уралом и нести на своих золотых рогах Солнце.

Галина
ЛИМЕРОВА

Галина Павловна Лимерова, *выпускница Гимназии искусств при Главе Республики Коми имени Ю. А. Спиридонова, Колледжа искусств Республики Коми. Студентка 3 курса музыковедческого факультета Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова (кафедра теории музыки).*

Главное – знать, для чего. Остальное – не проблема!

Новое молодое поколение профессиональных музыкантов, а именно – выпускники Колледжа искусств Республики Коми, поделились своими впечатлениями от нынешнего обучения в консерватории.

Ежегодно из «Колледжа искусств Республики Коми» выпускается множество молодых специалистов в области музыкального искусства. Некоторые выпускники музыкального отделения продолжают обучение в консерватории, совершенствуя своё мастерство. Музыкант – особенная профессия, потому что это вечная тропа на пути самосовершенствования, это ежедневная борьба с собой, с ленью и жизненными обстоятельствами, это ежедневный вызов от самой Музыки к тебе, который ты принимаешь и раз за разом доказываешь, что достоин называться музыкантом. Консерватория – очень важная ступень в жизни академического музыканта, ведь именно она является завершающим этапом долголетнего обучения, именно в ней кристаллизуются и оттачиваются все навыки, умения, а к полученным ранее знаниям добавляется жизненный опыт и осознанность. Музыкант, окончивший консерваторию, становится полноценным специалистом, готовым к серьёзной концертной практике и профессиональной работе. Одних суждений об этом было бы недостаточно, поэтому предлагаю читателю познакомиться с выпускниками Сыктывкарского колледжа искусств, которые на данный момент учатся на старших курсах консерваторий по всей России. Что они думают по этому поводу? Так ли важна консерватория в жизни музыканта?

Есть ли отличия между колледжем и консерваторией? Был ли период адаптации после поступления?

– Отличия колледжа от консерватории, конечно, есть, и весьма ощутимые! Здесь происходит очередной этап взросления, когда за плечами уже есть база и определённый опыт, и теперь твоя задача – развивать это ещё больше и «консервировать». Постепенно происходит перестройка личности из ребёнка в зрелую личность. В консерватории уже никто не будет с тобой «возиться», здесь к тебе относятся как к

профессионалу. Конечно, всё зависит от педагога. Мне с этим повезло. Благодаря педагогу во мне стали развиваться такие качества, как ответственность (уже перед собой), выносливость, воля, самообладание в стрессовых ситуациях, проще относиться к своим неудачам, но также и открылся страх выражать себя (над которым работаю в данный момент). Адаптация ко всему новому у меня заняла около 2 лет. Было тяжело привыкнуть и к новому педагогу с его особенностями, и к тому, что нет уже такой сплочённости с сокурсниками, к климату… и, главное, что ты на этом переломе знакомишься с новым собой, возникают вопросы «куда мне теперь плыть?», «а чего я хочу?», «кем я себя вижу в этой профессии?» Они выводят на новый уровень, и это очень интересно! – *Елизавета Покровская, студентка 4 курса Петрозаводской государственной консерватории (искусство концертного исполнительства (фортепиано).*

– Отличия колледжа от консерватории бросаются в глаза сразу, они подобны тем отличиям, которые видны при поступлении в колледж после музыкальной школы, градус самостоятельности настолько возрастает, что его можно описать словами: «Ты учишься сам, только для себя, ни для кого больше». Это логично, потому что поступление в консерваторию происходит на достаточно позднем этапе творческого пути и в достаточно взрослом возрасте. Период адаптации, конечно, был, и связан он не столько с поступлением в консерваторию, конкретную или любую, а с переездом в другой город, и не просто город, а один из самых больших городов Европы, столицу нашей страны – Москву. И Москва, конечно, пожирает капитально, и сопротивляться этому городу с его темпами, его правилами, с его законами, с его традициями, условностями и особенностями очень трудно. Понадобилось больше полугода, чтобы разобраться в Москве и в Себе в Москве. Где-то весной, в марте-апреле, я впервые почувствовал себя, может быть, ещё не спокойно, но уже практически уверенно в Москве. Это также связано и с различными социальными институциями, которые так или иначе выстраиваешь для комфорта своей жизни вокруг себя, со сферой общения, с кругом деятельности – всё новое, а в моём случае разительно контрастное с нашими важными, но всё же провинциальными делами. Мне кажется, у меня получилось, и Москва меня не сломала, хотя я по-прежнему не считаю её своим домом. Дом для меня всё-таки Сыктывкар, и останется он им навсегда. – *Лукас Сухарев, студент 3 курса Московской государственной консерватории (композиция).*

– Особенных отличий между колледжем и консерваторией я не заметила. Поступив, я думала: «Всё, начался новый этап моей жизни». Но и здесь, как и в колледже, следят за твоей посещаемостью, однако свободы дают всё же чуть больше. Особенно это касается совмещения учёбы с работой. В консерватории педагоги более лояльно относятся к тебе, если ты работаешь и по этой причине пропускаешь лекции, всегда можно договориться. Например, многие ребята из нашего хора работают в храмах, и во время больших церковных праздников нас могут отпустить с последнего часа, так как нужно идти на службу. С одной стороны, педагоги говорят о том, что мы пришли сюда учиться, а не работать, но, с другой стороны, относятся с пониманием, чего абсолютно точно не было бы в колледже. Адаптации у меня как таковой не было, потому что у нас очень дружный курс, наверное, именно это повлияло на быструю незаметную адаптацию. Ещё одной причиной стала жизнь в общежитии, где все друг другу помогают, выручают. Изначально Казань не особо мне нравилась, но сейчас она кажется достаточно комфортным городом, нежели Москва или Санкт-Петербург, потому что понимаю: в таких больших городах мне было бы неуютно жить, но в Казани меня устраивает всё. – *Дарья Омышева, студентка 4 курса Казанской государственной консерватории (хоровое дирижирование).*

– Существенных отличий между колледжем и консерваторией нет. Занимаешься тем же делом, те же процессы, но всё же разница заметна. Безусловно, гораздо выше требования к уровню знаний и профессиональным навыкам. Да и конкуренция в ВУЗе требует постоянного повышения исполнительского мастерства, освоения новых приёмов игры, расширения репертуара и т. д. Но самое важное отличие в том, что в колледже тебя УЧАТ, а в консерватории ты УЧИШЬСЯ сам. Таким образом, поступая в консерваторию, надо иметь чёткую мотивацию и быть настроенным на серьёзную учёбу. Адаптации как таковой не было, потому что с 10 лет живу вдали от родителей. На 4 курсе колледжа я приезжал в Казань на консультации, после которых окончательно принял решение, что хочу учиться именно здесь, в уютном городе, у замечательного наставника, профессора Альберта Гилемхановича Гильфанова. И я считаю, что если уже в колледже сделать осознанный выбор того ВУЗа, в котором будешь получать высшее образование, то адаптация пройдёт гораздо быстрее и легче. – *Андрей Белов, студент 4 курса Казанской государственной консерватории (оркестровый факультет (кларнет).*

– Когда я поступила в консерваторию, то её отличие от колледжа ощутила сразу. Это касается и организационных моментов, и каких-то личных перемен, и, конечно, кафедральных изменений. Учёба в высшем заведении непосредственно имеет большой объём изучения программы; ответственность перед своей профессией возрастает, поэтому часто думаешь наперёд, чтобы не подводить своих «консерваторских коллег», ну и себя тоже. Адаптация в консерватории прошла для меня не очень заметно, я постаралась сразу влиться в процесс, потому что был интерес к новому. – *Юлия Артемьева, студентка 4 курса Петрозаводской государственной консерватории (оркестровые струнные инструменты (скрипка).*

– Само собой разумеется, отличия между колледжем и консерваторией есть! Консерватория ощущается совершенно другим миром, не таким, как колледж, где всё

Юлия Артемьева

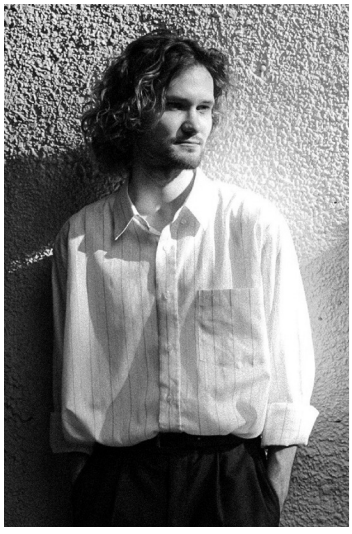

Андрей Белов

более-менее понятно в плане того, что ты выполняешь задания, которые тебе дали, затем ставят оценку. Здесь, в консерватории, ты немного в свободном плавании, одновременно это и хорошо, и непривычно. Если дело касается работ, например, курсовых, докладов и проч., у тебя довольно много свободы, но не всегда есть возможность получить подробную и честную обратную связь, нужно самому понимать качество своей работы. По поводу периода адаптации, мне кажется, он закончился у меня совсем недавно, к четвёртому курсу! – *Анастасия Любименко, студентка 4 курса Санкт-Петербургской государственной консерватории (музыковедение).*

– Когда я только поступил в Саратовскую консерваторию, главным отличием от колледжа было отношение к тебе как к профессионалу. В колледже тебя оберегали и заботились, иногда прощали лень, в консерватории же с тобой общаются на равных и требования соответствующие. Период адаптации прошёл незаметно, я сразу устроился в Центральную музыкальную школу и в академический хор, поэтому не успел прочувствовать этот момент. – *Евгений Куклин, выпускник Саратовской государственной консерватории по специальности «Оркестровые народные инструменты» (балалайка), на данный момент студент 1 курса магистратуры Казанской государственной консерватории (дирижёрско-хоровой факультет).*

– Переход из колледжа в консерваторию привнёс в мою жизнь совершенно новые ощущения. Уровень обучения в консерватории значительно выше, всё стало более серьёзным и масштабным. Теперь я полностью ощущаю себя музыкантом, и передо мной открывается множество интересных профильных предметов. Да, вначале я проходила период адаптации, привыкая к новому месту учёбы и принимая нового педагога, его методики и его характер. Также я знакомилась с новыми людьми, моими однокурсниками. Однако быстро освоилась и смогла привыкнуть к этим изменениям. – *Диана Ващенко, студентка 3 курса Саратовской государственной консерватории (вокал).*

Лукас Сухарев

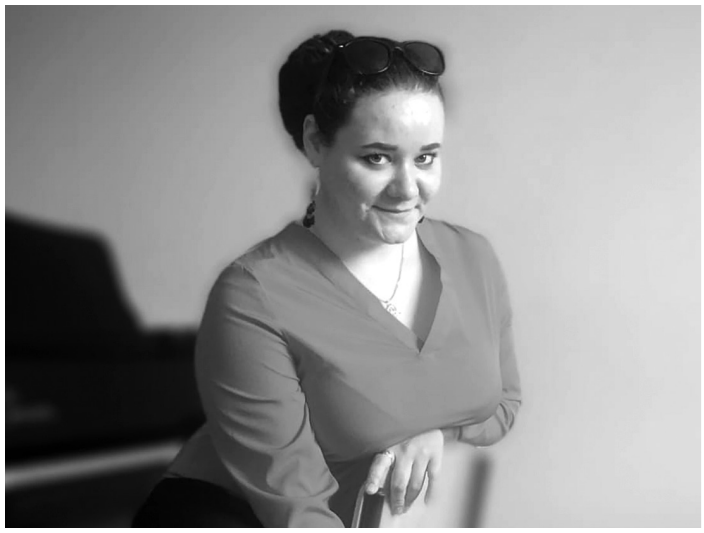

Анастасия Любименко

Что интересного происходит сейчас в вашей консерваторской жизни?

– В Петрозаводске, надо признаться, я мало активничаю в консерваторской жизни, так как выбрала для себя узкий круг того, что мне интересно и полезно для развития. Одно из любимейших занятий – это хор! Добровольцем хожу в женский хор «Академия», которым руководит замечательный хормейстер Евгения Анатольевна Дыга. Это настоящая отдушина для меня, так как я всегда любила петь. А Евгения Анатольевна создаёт уютную тёплую атмосферу. В составе хора мы часто выступаем, выезжаем на концерты и конкурсы. Мне очень не хватало хора в колледже, поэтому я счастлива ходить туда сейчас. Также мне очень нравится, что наш деканат часто организует поездки и экскурсии для студентов по Карелии и не только. Это радует: в консерватории думают не только о нашем развитии как музыкантов, но и организуют нам досуг. Также в профкоме есть активные ребята-лидеры, которые организуют выездные концерты для желающих артистов и часто устраивают различные мероприятия, например, киновечера, игры и прочее. Лично у меня мало времени для этого, но в целом приятно, что у нас этим занимаются. – *Елизавета Покровская, студентка 4 курса Петрозаводской государственной консерватории (искусство концертного исполнительства (фортепиано).*

– Что касается консерваторской жизни, я ею практически не живу, к третьему курсу учёба в консерватории отошла даже не на второй и не на третий планы. Консерватория дала мне среду, и этой средой я воспользовался более чем продуктивно, но с консерваторией непосредственно моя нынешняя деятельность не связана совсем никак. Например, прямо сейчас я в городе Иваново на хореографической лаборатории современного танца фестиваля «Современное искусство. Авангард». На эту лабораторию я поехал буквально в промежуток между предыдущим своим проектом – 13 междуна-

Диана Ващенко

Евгений Куклин

родной академией молодых композиторов в г. Чайковский (Пермский край) и моим дебютным авторским, именно композиторским, концертом в родном городе Сыктывкаре. И из подобных проектов и состоит моя деятельность сейчас, думаю, это уже можно назвать профессиональной деятельностью и, если угодно – карьерой. – *Лукас Сухарев, студент 3 курса Московской государственной консерватории (композиция).*

– На данный момент, в связи с обстановкой в нашей стране и вообще в мире в целом, многое поменялось. Раньше хор нашей консерватории регулярно ездил в Германию, Италию и другим странам Европы на гастроли, но сейчас, в отличие от колледжа (где мы постоянно выезжали на конкурсы), такого нет, мы очень редко куда-то выезжаем. Когда я была на подкурсе, мы ездили в Нижний Новгород, в Йошкар-Олу, в прошлом году хор ездил в Санкт-Петербург, сейчас планируется поездка в Москву – и это за 5 лет! На конкурсы с хором мы, к сожалению, не ездим, только выступаем на концертах. Но вообще в консерватории есть очень много мероприятий и концертов, которые организует наш студсовет. – *Дарья Омышева, студентка 4 курса Казанской государственной консерватории (хоровое дирижирование).*

– Культурная жизнь консерватории и Казани разнообразна, богата на события. Вместе с однокурсниками мы любим бывать в интересных местах тысячелетнего города. Часто посещаем музеи и театральные представления.

В Казани проводится много регулярных фестивалей классического музыкального искусства. Я помню каждый концерт Шаляпинского фестиваля оперной музыки, балетного фестиваля Рудольфа Нуриева, великолепных вечеров музыки Чайковского, Рахманинова, Губайдулиной, Жиганова и других композиторов, которые уже успел посетить. Надеюсь, что когда-нибудь я и сам буду участвовать в музыкальных фестивалях, которые пользуются успехом не только в Казани, но и в других городах России. – *Андрей Белов, студент 4 курса Казанской государственной консерватории (оркестровый факультет (кларнет).*

Дарья Омышева

Елизавета Покровская

– Консерваторская жизнь имеет достаточно много насыщенных эпизодов: студенческий симфонический оркестр, выступления на композиторской кафедре, концерты в других организациях, совместные мероприятия с Карельской филармонией, а также общение с творческими и талантливыми музыкантами. – *Юлия Артемьева, студентка 4 курса Петрозаводской государственной консерватории (оркестровые струнные инструменты (скрипка)*.

– По поводу теперешней консерваторской жизни, во-первых, стараюсь выживать, конечно (смеётся – прим. авт.). На самом деле очень много интересного: лекции, например, по зарубежной музыке, сейчас проходим Стравинского, которого я обожаю! Интересны и индивидуальные занятия – курсовая работа по анализу музыкальных произведений, работа над дипломом. Надвигается «Неделя Консерваторий», где я буду участвовать в качестве волонтёра: встречать гостей, сопровождать их, конечно, буду ходить на концерты. – *Анастасия Любименко, студентка 4 курса Санкт-Петербургской государственной консерватории (музыковедение)*.

– За время учёбы в консерватории было множество фестивалей, конкурсов местных и выездных концертов. Я успел объездить много городов с разными коллективами (народным оркестром и академическим хором СГК). Сейчас концертная деятельность продолжается, только уже на новом месте и в новом амплуа дирижёра. – *Евгений Куклин, выпускник Саратовской государственной консерватории по специальности «Оркестровые народные инструменты» (балалайка), на данный момент студент 1 курса магистратуры Казанской государственной консерватории (дирижёрско-хоровой факультет)*.

– В настоящее время учёба предлагает мне множество захватывающих возможностей, особенно в рамках работы на оперном и камерном классах, а также в изучении моей специальности. К тому же, у меня новый педагог, и я нахожусь в процессе привыкания, изучаю новые произведения. – *Диана Ващенко, студентка 3 курса Саратовской государственной консерватории (вокал)*.

Планируете ли вы по окончании консерватории вернуться работать в Республику Коми?

– На данный момент я нахожусь в раздумьях, что делать по окончании консерватории. Временами возникает желание продолжить обучение в аспирантуре или уехать в большой город, а может, и остаться здесь работать в музыкальной школе, а иногда… греет мысль, что всегда есть куда вернуться, ведь в нашем колледже с радостью ждут концертмейстеров. – *Елизавета Покровская, студентка 4 курса Петрозаводской государственной консерватории (искусство концертного исполнительства (фортепиано)*.

– Мне необязательно возвращаться в Республику Коми, чтобы там работать. Например, один из следующих проектов, который запускается прямо сейчас, связан с юбилеем ансамбля «Асъя кыа», художественный руководитель которого – Титаренко Александр Николаевич – предложил мне выступить в роли композитора для большого спектакля, в котором синтезируются история, мифология (по книге Павла Лимерова «Сотворение мира»), танцы, хор, декорации, живая музыка с оркестром. Большое, синтезированное из разных видов искусств, по-

лотно. И реализовать его можно, не покидая Москвы, – особенность профессии. Но если говорить о физическом возвращении в республику, я очень этого хочу, ибо моя душа живёт в Коми. Я понимаю, что для меня открыто, уже даже сегодня, куда больше дверей, чем многие двери в нашей республике. И эти двери представляют собой куда более широкий спектр возможностей, чем можно реализовать у нас. Но не исключаю, что сфера моих интересов рано или поздно может замкнуться в поиске мировой гармонии, остановиться на том самом месте, где я родился и вырос, в Коми Республике. – *Лукас Сухарев, студент 3 курса Московской государственной консерватории (композиция).*

– В Республику Коми пока возвращаться не планирую, хочу остаться в Казани, так как в плане работы здесь для меня гораздо больше возможностей, чем в Сыктывкаре. Вторая причина – кардинальное отличие дирижёрских школ, именно это стало причиной того, что я не поступила с первого раза, и в консерватории мне пришлось привыкать к новой технике дирижирования. – *Дарья Омышева, студентка 4 курса Казанской государственной консерватории (хоровое дирижирование).*

– Я с благодарностью вспоминаю своих преподавателей из Колледжа искусств Республики Коми, которые приложили все усилия, чтобы дать нам глубокие знания, научить профессиональному мастерству. От всей души вместе с нами переживали наши неудачи и радовались нашим успехам.

Часто я задумываюсь о том, чтобы после окончания консерватории вернуться в коллектив своего родного колледжа – попробовать пережить те же эмоции, которые переживали мои педагоги. Кроме того, я знаю, что в нашей республике появляются музыкальные группы, которые играют интересную музыку, развиваются авторитетные коллективы, успевшие завоевать любовь поклонников. А это значит, что каждый молодой музыкант может найти что-то интересное для себя, для развития своей карьеры в нашем регионе. Не зря говорят: «Где родился, там и пригодился». – *Андрей Белов, студент 4 курса Казанской государственной консерватории (оркестровый факультет (кларнет).*

– На данном этапе своего обучения я пока не могу сказать точно, вернусь ли я в Республику Коми. Может, да, а может, и нет. – *Юлия Артемьева, студентка 4 курса Петрозаводской государственной консерватории (оркестровые струнные инструменты (скрипка).*

– Петербург предлагает гораздо больше возможностей, чем Сыктывкар, здесь интереснее, если взять хотя бы сам город. Вообще, я считаю Петербург лучшим городом на Земле. Перспектив больше не только в плане работы, но и в организации досуга: огромное количество концертных площадок и театров, поэтому я остаюсь здесь. – *Анастасия Любименко, студентка 4 курса Санкт-Петербургской государственной консерватории (музыковедение).*

– Я думаю, что тяга к малой родине рано или поздно приведёт меня обратно в родной край, чтоб продолжать развивать нашу традиционную и музыкальную культуру. – *Евгений Куклин, выпускник Саратовской государственной консерватории по специальности «Оркестровые народные инструменты» (балалайка), на данный момент студент 1 курса магистратуры Казанской государственной консерватории (дирижёрско-хоровой факультет).*

– На данный момент пока не могу точно сказать, вернусь ли я обратно. – *Диана Ващенко, студентка 3 курса Саратовской государственной консерватории (вокал).*

Рекомендуете ли вы поступать в консерваторию выпускникам колледжа искусств?

– В Петрозаводской консерватории учатся многие выпускники нашего колледжа. Это уже стало традицией. В том числе и мой педагог по специальности в колледже – выпускница ПГК. Поэтому, я думаю, ответ очевиден, что да! Стоит! Я считаю Петрозаводск идеальным городом для спокойного развития и учёбы: тишина, всё близко, условия жизни в общежитии хорошие, для пианистов есть множество вариантов подработки в музыкальных школах. За всю свою историю здесь не слышала ни одного негативного отзыва о консерватории. Разве что кому-то бывает СЛИШКОМ «спокойно», и они хотят больших городов и «движа». Но вообще, даже из больших городов приезжают сюда часто. Приличная часть студентов в Петрозаводск приехали из Санкт-Петербурга и довольны! Главное, знать, для чего едешь. Остальное – не проблема! – *Елизавета Покровская, студентка 4 курса Петрозаводской государственной консерватории (искусство концертного исполнительства (фортепиано).*

– Зависит от того, в какую консерваторию рекомендовать. Московская консерватория считается лучшей в стране, с бешеными конкурсами, со сложнейшими программами вступительных испытаний. Поэтому, если кому-то и можно объективно порекомендовать поступать туда из Сыктывкарского колледжа искусств, я это без тени сомнения сделаю, потому что помимо того, что консерватория берёт от тебя очень много, требует, она тебе и много даёт, и даже не как учебное заведение, а как институция, в которой по долгу учёбы и работы, и научной деятельности варятся потрясающие музыканты, выдающиеся умы нашей музыкальной сферы. Поэтому моя рекомендация – поступать однозначно. Что касается консерваторий в широком смысле, то ответ будет менее очевидным. Я знаю людей, которые прекрасно занимаются музыкой профессионально, без консерватории. В общем, поступать нужно, если есть педагог, если нравится город, то это хорошие аргументы к поступлению. – *Лукас Сухарев, студент 3 курса Московской государственной консерватории (композиция).*

– Здесь нужно сказать о том, что необходимо здраво оценивать свои силы, потому что не каждому это подходит. Я поступила потому, что моей мечтой было преподавание, но мне казалось, что для этого одного колледжа недостаточно, у меня не было уверенности. Больших грандиозных планов я не строила, просто хотелось ещё получить опыта и дополнить знания. Если у человека есть определённые планы на жизнь, есть тяга к знаниям, то да, я рекомендую поступать в консерваторию. Но всё индивидуально. Конкретно мне учёба в консерватории дала не только новые знания, но и множество новых связей, друзей и знакомых, эмоций. Но если вы идёте учиться в высшее учебное заведение только потому, что вам некуда себя деть, то лучше не занимайте чьё-то место. – *Дарья Омышева, студентка 4 курса Казанской государственной консерватории (хоровое дирижирование).*

– Достичь высот профессионального мастерства, не пожив в креативном пространстве консерватории, невозможно. Поэтому каждому молодому музыканту я буду рекомендовать получать высшее консерваторское музыкальное образование. Диплом колледжа – это не завершение образования, это трамплин для освоения новых ступе-

ней музыкального мастерства, которому нет предела. – *Андрей Белов, студент 4 курса Казанской государственной консерватории (оркестровый факультет (кларнет).*

– Однозначно рекомендую поступать в Петрозаводскую консерваторию! – *Юлия Артемьева, студентка 4 курса Петрозаводской государственной консерватории (оркестровые струнные инструменты (скрипка).*

– Конечно, рекомендую! Консерватория – это то место, где я встретила лучших людей в своей жизни, здесь каждый день происходит что-то новое, даже не столько в плане событий, сколько в плане общения с интересными и хорошими профессионалами! – *Анастасия Любименко, студентка 4 курса Санкт-Петербургской государственной консерватории (музыковедение).*

– Консерватория, безусловно, очень важная ступень в развитии каждого музыканта. Те самые «счастливые студенческие годы» начинаются именно в консерватории. Здесь можно встретить единомышленников и друзей на всю жизнь. Собрать свой коллектив, свою команду и заниматься любимым делом. – *Евгений Куклин, выпускник Саратовской государственной консерватории по специальности «Оркестровые народные инструменты» (балалайка), на данный момент студент 1 курса магистратуры Казанской государственной консерватории (дирижёрско-хоровой факультет).*

– Разумеется, стоит. Это возможность погрузиться в мир музыки и развить свой талант, познакомиться с новыми людьми, а также это возможность выступать на концертах, фестивалях, мастер-классах. – *Диана Ващенко, студентка 3 курса Саратовской государственной консерватории (вокал).*

Консерватория – это всегда очень личная история каждого музыканта, здесь мы находим своё Я, ставим большие и не очень цели, стремимся их достичь, цепляемся за возможности и каждый день побеждаем в этой бешеной гонке жизни, в борьбе за своё место под солнцем и за право называться музыкантом. Многие не могут понять людей искусства, ведь мы особенные, с детства привыкшие двигаться вперёд, несмотря ни на какие преграды, всё глубже и глубже погружаясь в омут нашей профессии, а дна нет и не будет!

Андрей
ФЕТИСОВ

Андрей Викторович Фетисов *– член КРО «Союз журналистов России» с 2010 года.*
Первая публикация в СМИ вышла в 2001 году, до 2006 года сотрудничал с левопатриотическими изданиями, с 2007 по 2017 год – с районной газетой «Вперёд». Публиковался в региональных СМИ: газетах «Твоя параллель», «Красное знамя». С 2006 по 2018 год принимал участие в выпуске молодёжной газеты Усть-Вымского района «МИГ».
С 2018 года корреспондент информационного агентства «Комиинформ».
С февраля 2023 года – инициатор выхода и выпускающий редактор газеты «Каланчакский вестник» (Херсонская область) на добровольных началах. С февраля по сентябрь 2023 года финансировал выпуск издания из личных средств. С октября 2023 года также консультант выпуска молодёжной газеты «Юнармейская правда» (Каланчакский район Херсонской области).

Барабанщик Евгений Лисовский: «В ударных инструментах есть что-то древнее, шаманское, завораживающее...»

В педагогической деятельности Е. Лисовский ориентируется на индивидуальный подход к каждому ребёнку для раскрытия творческих способностей в своих воспитанниках. Профессиональный барабанщик рассказал журналу «Арт» о музыке, наставничестве и творческом пути.

– Евгений, когда и с чего началась твоя профессиональная музыкальная деятельность?

– С рок-группы. У меня есть двоюродный старший брат Злобин Андрей, который слушал рок от Виктора Цоя и Земфиры до «Нирваны». Так или иначе, мы все росли на гранже, который повлиял на меня. В 2001 году, когда мне было 16 лет, брат сказал, что если хочу с ним тусоваться, то должен стать барабанщиком и играть с ним в одной группе.

Так я пошёл в РЦДО к первому педагогу и наставнику Жикину Николаю Дмитриевичу, где и научился играть на ударных инструментах. Со своим наставником я до сих пор общаюсь.

Хороший педагог отличается от учителя тем, что направляет и наставляет. Именно таким наставником стал для меня Николай Дмитриевич, который не просто давал знания, но и заряжал учиться. Настоящим педагогом и наставником, направляющим человека, нужно родиться. Этому невозможно научиться.

Во время обучения ребёнку важно не разжёвывать и не навязывать материал, а научить воспитанника понимать музыку.

– Ударная секция задаёт ритм всему коллективу. Это как-то с музыки на обычную жизнь переносится?

– Барабаны для меня – идеальный инструмент, наверное, поэтому я довольно энергичный человек, задаю темп окружающим. Всё это передаётся близким и коллегам, так

получается, что энергетика и ритм жизни сформировали вокруг меня такое же позитивное окружение.

– Какую музыку слушаешь, кроме рока?

– Сейчас по работе приходится слушать много разноплановой музыки, потому что работаю с детьми, а они разные. Считаю, что к каждому ребёнку нужен индивидуальный подход, и когда они хотят научиться играть какую-то композицию, её надо прослушать самому. Обязательным моментом является анализ и разбор композиции.

Современная музыка очень разнообразна, и каждый может найти в ней то, что вызывает эмоции. Однако я не могу утверждать, что все современные стили вызывают такие же эмоции, как гранж в молодости. Гранж был очень мощным и эмоциональным стилем музыки, который оставил свой след в истории музыки. Из действующих артистов очень нравятся Foo Fighters, мне кажется, что они сохранили дух гранжа. Отслеживаю в основном сиетлский гранж: Alice in Chains, Soundgarden, Audioslave, Mad Season, Pearl Jam. В России гранжа мало, была такая интересная команда «Собачьи маски», ещё нравится творчество группы «7 раса».

– Что-то можешь выделить из местной сыктывкарской сцены?

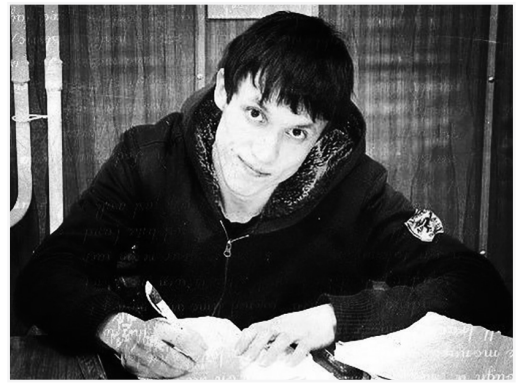
– Из старой гвардии могу выделить Stellar, DurDomBand, Kinky Dep. Сейчас в сыктывкарской рок-сцене очень печалит то, что мало музыкантов пишут свою музыку. В основном наши команды играют каверы или играют чужую музыку в своём амплуа. Мы постоянно общаемся с музыкантами из старой тусовки, которая раньше писала свою музыку, а сейчас во многих группах рекламы много, а рока мало.

– Как считаешь, с чем связан такой «творческий кризис»?

– Мне кажется, во многом этому поспособствовало перенасыщение музыки. Сегодня подростки могут сразу найти композицию в любом направлении, быстро

Первые занятия в РЦДО. Злобин Андрей, Лисовский Евгений, Машкина Елена.

За рабочим столом в «РЦДО».

Коллеги. Лисовский Евгений Юрьевич, Жикин Николай Дмитриевич, Вахнина Валентина Геннадьевна.

Награждение.
Конкурс «Традиции и инновации».

Педагог дополнительного образования и профессиональный барабанщик Евгений Лисовский обучает детей игре на ударных инструментах в частной музыкальной школе. Сам музыкант окончил Колледж искусств Республики Коми, а за 15-летний стаж работы в отрасли был удостоен рядом государственных и ведомственных наград, стал финалистом всероссийского этапа конкурса педагогического мастерства «Сердце отдаю детям», абсолютным победителем республиканского конкурса «Традиции и инновации», а также получил дипломы и благодарственные письма Министерства образования и науки Республики Коми.

прослушать и дальше пролистнуть, забыть. А мы раньше переписывали аудиокассеты друг у друга, заслушивали плёнки до дыр и сами анализировали музыку. Информации было намного меньше, но мы её ценили, а сейчас переизбыток творчества.

– Если говорить об истоках музыки, то она имела ритуальную составляющую, под неё проводились обряды, вспомнить те же шаманские бубны. В современной музыке осталось?

– В современной музыке можно найти элементы древних музыкальных традиций. Некоторые музыкальные стили, такие как джаз и блюз, имеют корни в африканской музыкальной традиции. Могу сказать, что именно ударные инструменты неосознанно связывают нас с истоками. А вообще ударные инструменты самые древние, в них есть что-то шаманское и завораживающее.

Ритм вне барабанов встречается практически везде. Ритм проявляется в походке, в манере говорить, в дыхании, в нашем пульсе. Когда в дверь неритмично стучатся, начинаешь немного раздражаться. Когда едешь в машине и включаешь на перекрёстке поворотник вместе с другими машинами, то разные поворотники работают по-разному, и ты пытаешься поймать момент, когда они сходятся.

– Что самое главное в игре на ударных?

– Барабанщику важно уметь держать ритм и ни в коем случае не останавливаться. Если остановится барабанщик, то остановится весь коллектив. Динамика, фразировка. Барабанщик как дирижёр.

– Может ли музыкант донести какую-то конкретную мысль до слушателя?

– У человечества есть три системы знаков передачи информации: буква, цифра и нота. Музыка – это тоже язык, с помощью которого можно записать мысль, переживания и эмоции и передать через поколения. Как в литературе, так и в музыке ноты имеют свою знаковую систему и законы.

Люди могут прийти и послушать музыку, хоть и не все мыслят в одном ключе, но внимательный слушатель, который стремится понять произведение, найдёт свой смысл в музыке. Если исполнитель и композитор хорошие, то творчество обязательно зацепит слушателя.

– Сегодня существуют различные синтезаторы, компьютеры, искусственный интеллект. За сто лет прогресс и творчество шагнули далеко, но есть ли опасность, что музыка перестанет существовать в привычном плане, а её заменит и упростит искусственный интеллект?

– Электронные инструменты уже давно вошли в музыку, но электронные барабаны не могут вытеснить живые.

Даже несмотря на то, что современная электронная музыка упрощается, классика остаётся, люди ходят в театры и в филармонии на концерты.

– Частично можно согласиться, но на классику ходит, по большей части, более просвещённая аудитория. Возникает вопрос: стоит ли приучать остальных, и если да, то как это делать?

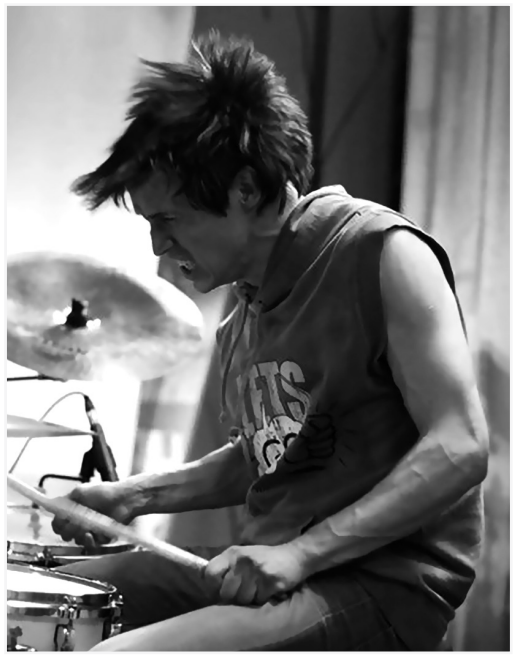
– Стоит вернуться к переизбытку информации. Даже новости сейчас сложно читать, из-за того что их много, невозможно углубляться в тему. Поток информации огромный, и его приходится серьёзно фильтровать.

Ко мне приходят дети и очень часто хотят научиться играть то, что услышали по радио. Мы начинаем с того, что анализируем музыку и тексты, пытаемся понять, какой смысл автор пытался заложить в произведение. Для сравнения показываю воспитанникам других исполнителей, ведь главная задача педагога – раскрыть разные стороны музыки.

Также многое зависит и от родителей, обычно дети слушают ту музыку, которую слушают родители. Музыкальный вкус рождается в семье, но я считаю, что в любом случае для развития необходимо слушать разнообразную музыку.

Выступление на акустическом концерте группы «Kinky Dep».

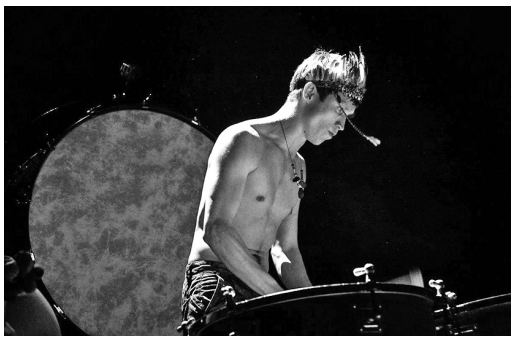
Выступление с группой «Kinky Dep» (г. Ухта).

Совместное выступление шоу-группы барабанщиков «Beat Makers» и «Team Spirit».

Победная поездка музыкальной школы-студии «1911» на всероссийский конкурс «Серебряные струны».

Выступление на сольном концерте шоу-группы барабанщиков «Beat Boys».

Награждение на конкурсе «Традиции и инновации». Абсолютный победитель.

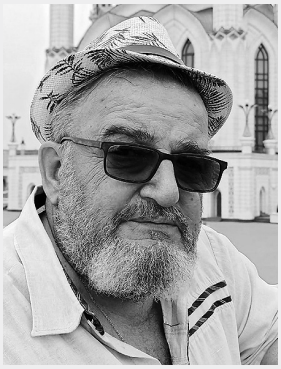
Есть музыканты, которые упёрлись в панкрок и ничего больше не хотят играть, а посади их за установку поиграть джаз, блюз или фьюжн, человек сразу войдёт в ступор.

До колледжа искусств я тоже классику и джаз не слушал усиленно, даже сказал бы, что изначально организм отвергал джаз. Но когда начинаешь анализировать форму, историю музыки, знакомиться с биографией авторов и исполнителей, то начинаешь всё понимать.

– Дети сами приходят заниматься барабанами, или всё же это воля родителей?

– Родители приводят чаще, потому что считают, что это будет полезно для развития их детей. В других случаях дети могут сами проявлять интерес к музыке и просить родителей записать их на занятия. Я и сам благодарен своим родителям за то, что силком отдали меня в музыкальную школу. Видимо, всё же было предназначение какое-то в детстве начать свой творческий путь. Занятия в музыкальной школе в детстве – это было приобретение базовых знаний, которые помогли мне потом и в математике, и в тренировке памяти, и в развитии образного мышления. А вообще иногда и родители сами приходят заниматься на барабанах, не выгонишь…

«Мы приедем, если ты хочешь!» – педагогическая миссия школы Анатолия Чиканчи

Григорий СПИЧАК

Григорий Иванович Спичак *родился в 1960 году. Издал несколько книг прозы и один сборник стихов, печатался в журналах «Арт», «Наш современник», «Юность», «Север», «Дон», «Колокол» (Великобритания), «Глаголъ» (Франция), в международных, федеральных и региональных альманахах, а так же в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Наш век».*
Член Союза писателей России (1994). Живёт в Сыктывкаре.

Можно пробовать учиться, можно учиться фанатично, зациклившись на предмете обожания, – всяко бывает. Среди своих знакомых и друзей Арсений Логинов видел и первых, и вторых. Но большей частью были всё-таки те, которые учились, потому что не учиться нельзя, потому что «так положено» и потому, что «всё равно же надо чему-то учиться». Короче – без куража. Да и сам он до определённого момента был из них – из большинства. Пока однажды не обнаружил, что есть учёба, как бы и не совсем учёба – она увлекательная игра, с интересными взаимоотношениями, с наглядным результатом.

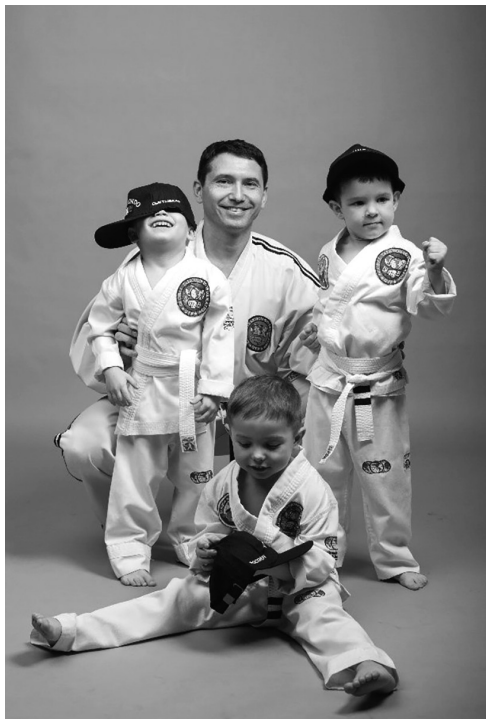
Сегодня Арсений, хоть и начинающий, но уже уважаемый тренер тхэквондо. Всего-то двадцать один год человеку, а уже тренер, и уже уважаемый. Потому что есть всё – и результат (его подопечные – призёры общероссийских соревнований), и удивлённые глаза родителей учеников, и служение школе – той школе и тем принципам, которые заложил идеолог тхэквондо в Коми Анатолий Чиканчи. А ещё есть цель, есть вкус к жизни и готовность трудиться.

Но расскажем об Арсении всё-таки по порядку. Это события одного десятилетия, и потому они удивительны как пример взрывного роста личности.

В третьем и четвёртом классах школы (12 лет назад) Арсений занимался карате, ходил в Выльгортскую среднюю школу. Тогда он не дружил ни с одноклассниками, ни с пацанами во дворе. Дружил с папой и с мамой. Нет – он вовсе не «ботан», не очкарик-одиночка, просто класс такой – не дружный, двор – без приключений, а с родителями интересно. Отец – актёр драматического театра, мама – издатель, творческий человек.

С карате не сложилось, как не увлёк и футбол в пятом классе. Они остались в памяти просто как досуг того времени – не более.

А вот в седьмом классе Арсений неожиданно и всерьёз увлёкся бадминтоном. Занимался этим видом спорта вплоть до занятий на 1-м курсе Сыктывкарского лесопромышленного техникума. Этот период – 2015–2021 годы, шесть лет своей жизни – Арсений, наверное, будет помнить всю жизнь. И не только потому, что в это время у него появились друзья (их сейчас аж четверо, некоторые в других городах, но связь и дружба уже сложились, и разлуки не мешают), не только потому, что он стал призёром республиканских соревнований по бадминтону и получил ещё и судейскую третью категорию, а потому, что именно в это время встретил людей, которые умеют заинтересовать, которые не просто преподают, а зовут за собой, вовлекая в дело и хлопоты, которые становятся командными.

Нельзя не отметить, что в СЛПТ сразу же, с первого курса, смогли разбудить в Арсении Логинове и азарт проектной деятельности. А это тоже командная работа, тем более что проектную деятельность по робототехнике студенты вели на базе станции юннатов, а не в скучных «теоретических» аудиториях.

Может быть, именно проектная деятельность раскрыла в Арсении «слух на новаторство» и умение видеть магнетизм общего дела. Так, тренер по бадминтону в СГУ Александра Холопова, куда Логинов ходил уже просто играть, занимался лишь, как отдушиной, обратила на себя внимание тем, что превращала тренировки в игру, что «не по правилам», а для интереса – это тоже занятие и тоже навыки, которые строго по игре не обретёшь. Разве это не педагогическая находка?

Так вот – слышите? Понимаете, что происходит с молодым парнем? Вдруг из плоскости спорт для него превратился в объём ц– в 3Д, потом в 5Д. Это когда в самом спорте он уже наблюдает и педагогические приёмы, и механизмы вовлечённости в игру, и методические находки. Для студента – супер! Обычно к такому уровню профессионального взгляда подходят так к курсу 4-му, но у Арсения получилось прямо на старте…

Арсений поступил в СГУ на отделение «Безопасность жизнедеятельности и физическая культура». Всё логично – ведь в его жизни был не только бадминтон, но и интересные преподаватели. Он просто обречён был учиться дальше именно по этому направлению. Но перед этим всё-таки произошло ещё одно событие, подбросившее его вверх по профессиональной деятельности.

В 2020-м он… забрёл в Школу боевых искусств Анатолия Чиканчи. Слово «забрёл» – это не кокетство, не приём, который обычно используют в рассказах об историях успеха. Знаете, сейчас таких брошюр и мотивационных роликов полно: дескать, шёл вот и «случайно» или «вдруг» просто куда-то зашёл. Ерунда это всё. Где вы видите «случайность» в траектории движения Арсения Логинова? Всё вполне себе закономерно, а не случайно.

Тогда, в 2020-м, Арсений Логинов просто искал работу. Но – какую работу? Кто-то ему подсказал, что требуются всего лишь люди с опытом работы с детьми. А опыт был уже – небольшой, но был: всё-таки робототехнику Арсений детям уже преподавал. Однако тут имелось и ещё одно условие: «Вам надо за год позаниматься и получить хотя бы синий пояс тхэквондо». Говорили, что это не сложно. Так и оказалось. Через год Арсений защитил «синий пояс», через два года – «красный» и на Всероссийском турнире по тхэквондо «Возрождение» в 2022 году взял уже второе место. Это было совсем уж достаточное моральное основание, чтобы преподавать тхэквондо детям и даже подросткам.

– Сегодня самому маленькому моему ученику всего три года, – улыбнулся Арсений. – А самому старшему пятнадцать лет. Вот в этом возрастном диапазоне и все остальные мои подопечные. У меня тоже есть наставник. Так устроена педагогическая архитектура школы. Это Ольга Михайловна Румянцева. Она безоговорочный авторитет. Ну вот сами посудите: всего в школе около 700 учеников, а 300 из них находятся под патронажем (или кураторством – как хотите назовите) Румянцевой.

Наверное, Арсению Логинову удаётся внести в свои занятия то, что он наблюдал в приёмах старших товарищей – игровую, благожелательную струнку, с творческими вариантами. Ведь сам по себе первый курс университета ещё не дал даже теоретической базы. Вся база Арсения – живая, наглядная. Это база опыта.

Разве не показатель тот факт, что по регистрируемой статистике каждые четверо из пятерых его воспитанников возвращаются призёрами с соревнований? И не только призёрами, конечно, но и чемпионами в своих возрастных группах и в своих весовых категориях. Это очень хороший результат. В былые времена – например, в 1970-е годы – за три-пять лет работы с такой результативностью тренер получал звание «Заслуженного».

– А есть у тебя, Арсений, любимые ученики? Или такие, которые впечатлили как-то особенно?

– Слово «любимые» не совсем точное, потому что много детей своеобразных и интересных. И родителей тоже, – тут Арсений деликатно улыбнулся (что за этой улыбкой – можно только догадываться). – Но вот есть такой мальчик, который восхищает. Живёт он в Пажге, ему 10 лет – Максим Исупов.

Арсений тут начинает рассказывать раз в пять живее и веселее про своего ученика, чем только что рассказывал про себя. Я понял – Арсений уже умеет вдохновлять. Конечно, умеет, если он и слова-то такие добрые нашёл для пацана, и родителей его отметил, и что самое важное – несколько раз подчеркнул силу синергии, совместных усилий «родители-школа-тренер- ученик» (и это тоже уже профессиональный педагогический взгляд).

– Не понял. Мальчик из Пажги на занятия в Сыктывкар ездит? Наверное, потому и с родителями…

– Не-е-т. Я к ним в Пажгу езжу. Один-два раза в неделю. У нас в школе Чиканчи так принято. Выездные занятия. Мы и в Седкыркещ, и в Эжву вот сейчас ездить будем. Если откроется какая-то группа, например, в Зеленце – и в Зеленец поедем.

Потом Арсений рассказывал мне про то, что преподавательская деятельность – это как миссия. С одной стороны, вроде бы простые организационные работы, а с другой – совершенно иная атмосфера взаимодействия педагога, ученика, родителей и общества. Совсем не обязательно, что это будет тхэквондо, но практика школы Чиканчи – совсем другой уровень. Странно, что его не называют инновационным, и обыватель думает, что это калька с моделей зарубежных школ.

Конечно, ещё во время беседы я отметил про себя и в тетради: «Конкурсы. Фестивали. Участие в общегородских мероприятиях». Обо всём этом Арсений тоже упомянул вскользь.

Чуть ли не сразу после того, как мы с ним расстались, я позвонил руководителю – Анатолию Чиканчи. Вопрос у меня был «маленький», но обернулся часовой встречей в кафе и беседой на тему «прочее» (которое совсем не прочее, а вот как раз «Конкурсы. Фестивали», механизмы управления обучающим процессом и вообще – потенциал и границы школы).

Мне казалось, что я неплохо знаю про историю успеха школы Чиканчи, но это только казалось. Я знал о чемпионах и блеске выступлений, но не знал именно эту часть – уникальную педагогическую схему, на которую вывел меня Арсений Логинов, а его самого вывели судьба и любознательность.

Во-первых, о возрасте и охвате учеников школы – от 3 лет до… бесконечности! Школа даёт возможность постигать как азы искусства тхэквондо, так и двигаться к личным вершинам в выполнении зачётных приёмов, упражнений и комплексов.

Во-вторых, сама система – «Мы приедем, если ты хочешь!» – беспрецедентна. Она почти религиозна по миссионерской самоотдаче. Она такая, какая в педагогике уже почти забыта. А ведь когда-то, ещё два поколения назад, учитель, шедший к ученику, был не чудом, а нормой.

В-третьих, сама по себе система обучения – конкурсная, игровая, иногда, я бы сказал, квестовая, наполняет общим позитивным мироощущением, собирает человека. Вы думаете, что только на спорт? Конечно, не только – и на учёбу вообще, и на бизнес, и на лёгкость коммуникаций с людьми из разных сред и разных социальных положений.

Так вот – о конкурсах в школе Чиканчи. Их тут только для педагогов основных пять: 1) «Знамя» – это о высших результатах; 2) «Забота» – конкурс массового результата (подопечные тренера, участвовавшие в соревнованиях, мероприятиях, демонстрационных и общественных делах); 3) «Росток» – лучшие молодые тренеры; 4) «Зерно» – лучший филиал школы; 5) «Салют» – самый популярный тренер.

Начали мы разговор о конкурсах, и, конечно же, встал вопрос о критериях – оценивает-то кто и как. Оказалось, что система учёта работы, охват различными видами деятельности больше (в разные сезоны года), чем кажется. Ученики школы ведут «Дневник успеха», в котором отражены показатели, дела, тренировки, соревнования, участие в мероприятиях – т. е. такой дневник гораздо гуще школьного и, главное, – он гораздо честнее и мотивационнее, как для ученика, так и для педагога. (Родителям голову тоже не задуришь, между прочим…).

Кроме этого – все 14 педагогов школы и сами ведут «Дневник успеха», потому что он для них дополнительно помогает в самоконтроле в сезонной деятельности и в персональном внимании к конкретному ученику.

Ещё я, например, не знал, что судей в тхэквондо квалифицируют… с 12 лет!

Более того – они с 12 лет уже участвуют и в отдельных конкурсах судей. Даже в бадминтоне жёстче. Я вспомнил слова Арсения, что он судьёй по бадминтону стал только в 17 лет.

Что же касается этого специфического конкурса судей, то тут, по рассказам Анатолия Чиканчи, энтузиастом и фактически родительницей конкурса стала одна из поклонниц данного вида спорта, почётный судья Республики Коми Татьяна Ивановна Галаева. Призовой фонд обеспечивает вот уже несколько лет тоже она. Итоги подводятся один раз – обычно под Новый год, и тут конверт с денежным призом, конечно, очень кстати.

Республика Коми знает и гордится звонкими именами наших тхэквондистов – чемпионов мира, мастеров международного класса Вячеслава Майсерика и Александра Морозова. В рейтингах школ тхэквондо России уже двадцать лет наши спортсмены стабильно в первой тройке. Всё это хорошо. И всё это мы тысячу раз читали в республиканских газетах и даже в федеральных. И как-то проскоком всегда уходят на второй план такие факты, как участие школы тхэквондо в соревнованиях по карате и джиу-джитсу, по боксу и даже по лыжам… Никто не скажет: «Стоп-стоп, стоп – мы о каком спорте говорим?»

Как-то не появляется вопрос: а с такой охватностью и с такой результативностью какой же бюджет должен быть у этой организации. Ведь тут на одном фонде оплаты труда педагогам и на командировочных расходах по зарубежным выездам не выдержит статья бюджета самого Министерства физической культуры и спорта! Точно. Не выдержит. Потому феномен школы Чиканчи и в этом – в самоокупаемости. И в этом – в универсальности подходов (это о боксе, лыжах, джиу-джитсу и карате).

Может быть, давно пора говорить том, что создана по сути не школа, создано спортивно-педагогическое движение? Ведь мы имеем дело с явлением совершенно другого уров-

ня, достойного внимания и мультиплицирования на всю страну. А что это значит? А это значит, что республика имеет бренд – «Достояние», который надо продвигать не меньше, чем Маньпупунёр или усть-цилемскую «Горку». Потому что дело мы имеем не только с инклюзивным инновационным продуктом, но и с универсальным: спортивная – педагогическая – культурная (многофункциональная) площадка, которая ко всему прочему готовит и педагогов, и специалистов вообще. Про самоокупаемость вообще хочется говорить шёпотом. Чтоб не сглазить.

Сам Анатолий Чиканчи в возрасте зрелости, Арсений Логинов молод, когорта педагогов разновозрастная и замотивированная, а это значит, что и до полного раскрытия потенциала школы Чиканчи дело ещё не дошло.

Тот случай, когда хочется попросить чиновников не помогать и ничего не трогать. Не мешайте. Через пять-десять лет вырастут десять арсениев логиновых, ещё десять майсериков и морозовых, придут те, кто понимает Татьяну Ивановну Галаеву, и вместе с Анатолием Чиканчи они вытащат поколение зуммеров в 21 век в том качестве, в котором ни чиновник, ни самый смелый фантазёр-родитель (если он эгоист) даже не представляет.

Нет кризиса российской школы. Бывают паузы поиска новых подходов. Когда я пожимал руки Арсению и Анатолию при расставании, я точно уже знал – у этих пауз нет. И уже не первый год…

Элина
ШЛОПОВА

Элина Юрьевна Шлопова, *18 арӧс. Чужис Удора районса Ёвкӧдж сиктын. 13 арӧссянь велӧдчис юралысьбердса искусство гимназияын гуманитарнӧй юкӧнын. Талун босьтӧ тӧдӧмлун Сыктывкарса канму университетын коми кафедраса мӧд курсын, редакторалӧ «Йӧлӧга» журналын.*

Анастасия Семяшкина: «Олӧмад нинӧмысь оз ков повны»

Енбиаӧсь, смелӧсь, збойӧсь… Ӧнія том йӧз оз повны вуджны ӧти уджысь мӧдӧ, видлыны асьнысӧ сэн и тан. Помкаыс, дерт, быдӧнлӧн ас: кодкӧ корсьӧ бурджык уджджон, а мукӧдлы медся тӧдчанаыс – быд асыв котӧртны удж вылӧ нюмъялӧмӧн.

Некымын тӧлысь сайын Анастасия Семяшкиналы тшӧтш ковмис бӧрйыны: мунны али кольччыны. И сійӧ вӧчис тайӧ воськовсӧ – телевидениеын югзис выль кодзув. Талун Анастасия продюсералӧ да нуӧдӧ уджтасъяс «Юрганын».

Изьва районса Варыш гездысь ныв 18 арӧсӧдз велӧдчӧма Бакурса школаын, ёна радейтӧма серпасасьны да йӧктыны. А сэсся и чужӧма спорт дорӧ ыджыд муслун: матӧ дас во Настя войлӧма-котралӧма лызьӧн. Такӧд тшӧтш ныв зіля пырӧдчӧма туризмӧ: ветлӧма гӧраясӧ, кылӧдчӧма юті, ордйысьӧма. Висьтавлӧны тай, ӧтчыд кӧ гӧра вылад кайлін, сэсся некор нин таысь он эновтчы… Вӧр-ваыс, руыс, сынӧдыс нэм кежлад йиджасны сьӧлӧмӧ.

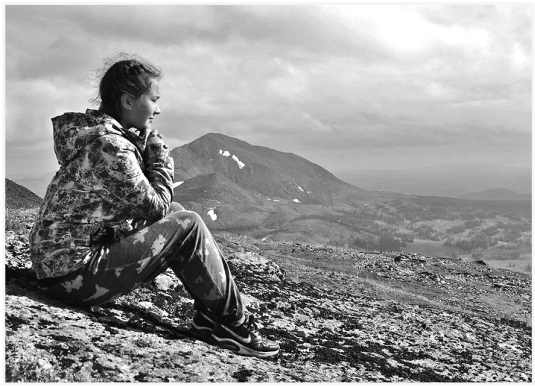
– Настя, казьтыштӧй медводдза походтӧ.

– Ветлыны Вой кытшбердса Уралӧ меным вӧзйисны важӧн нин. Сэки шуи: некор! Да, мися, и номйыс дзикӧдз сёяс *(нюммуніс)*. Пара во мысти татшӧм позянлуныс бара лои. Сэки сэсся паныд эг сувт, радпырысь мӧдӧдчи Манарага вылӧ. Походын мен ньӧти абу зывӧк няйтгагйысь. Черитӧ кыя, вундала, солышта да пукта вомӧ. Нинӧмысь ог пов. Гӧраясӧ медводдза ветлӧмсӧ нэмӧс кута казьтывны!

Туризмын медся ыджыд кӧсйӧмыс менам – кайлыны Эверест вылӧ.

– А вӧлі окота йитны олӧмнытӧ спорткӧд? Гашкӧ, профессия тайӧ нырвизьысь бӧрйыны?

– Кыдзи и мукӧд велӧдчысьыс, 11 классын зіля мӧвпалі, кодӧн кӧсъя лоны. Инаси кык велӧдчанінӧ: колледжын туризм да университетын тренер нырвизьясӧ. Ӧтпырйӧ велӧдчи кыкнанас. Колледж помалӧм бӧрын петі верӧс сайӧ, чужті кага – заводитчис ас семья олӧм. Сэсся эновтчи университетса велӧдчӧмсьыс, кӧть дипломӧдз сӧмын

курсӧн-джынйӧн коли. «Вышкасӧ» босьтны эськӧ окота, но гӧгӧрвоа, мый тренеравнытӧ, буракӧ, ог нин кут. Верӧсӧй лызьӧн котралӧ – спортыс семьяын тырмымӧн.

– Телевидение кындзи кӧні нӧшта уджалінныд?

– Колледж помалӧм бӧрын кык во олім Изьвааын, сувтім кок йылӧ. Сэсся босьтім карысь патера да вуджим сэтчӧ овны, Ева нылукӧй муніс детсадйӧ. Гортын пукавнысӧ лои гажтӧм – ӧтуввезйысь аддзи риелтор вакансия. Компанияыс ставӧ велӧдіс, кажитчисны и уджъёртъясӧй. Но риелторавнытӧ верми сӧмын кӧкъямыс тӧлысь. Уджыс бур, но абу ме серти. Казялі: вочасӧн куті кусны.

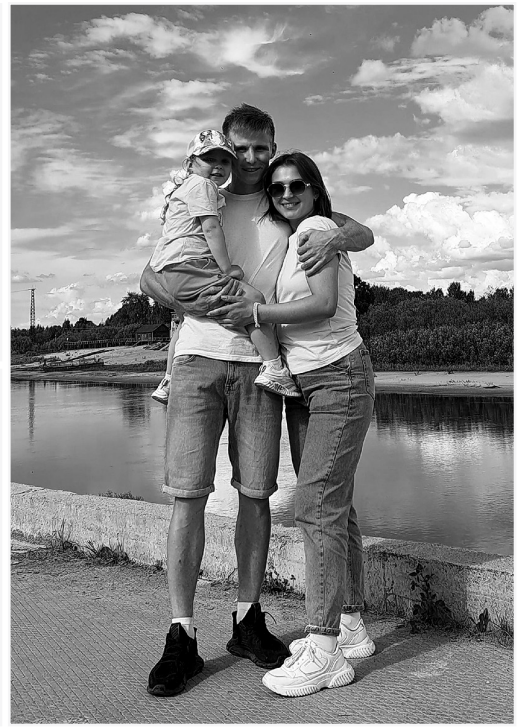
Тайӧ уджыс помасьлытӧм, шойччан луныс абу. Телефонтӧ пыр колӧ кутны киын: он кӧ удит вочавидзны, клиентыд мунас мӧд морт дорӧ. Тані тэ и психолог, и дизайнер, и архитектор… Весиг сёйигӧн синмӧс телефонысь эг вештывлы – удж да семьяын олӧмсӧ куті сорлавны. Таköд тшӧтш падмӧдіс, мый риелторлӧн урчитӧм уджданыс абу: ӧти тӧлысьӧ тэ 60 сюрс шайт босьтан, а мӧдас – ни ӧти патера он вузав да сьӧмтӧг колян. А меным колӧ дасьтыны план да стӧча тӧдны, мыйта сьӧм ме босьта аслам уджысь.

– Лызьӧн котралысь, турист, риелтор… Став тайӧ туйвизьыс вывті ылын продюсер уджысь. Кыдзи ті веськалінныд телевидение вылӧ?

– Кор сӧмын на мӧвпалі эновтчыны риелторалӧмысь, нывъёртӧй шӧпнитіс, мый «Юрганӧ» корсьӧны уджалысьясӧс, ысты пӧ резюметӧ. И сэк ме думыштчылі: гашкӧ, олӧмыс индӧ туй, петкӧдлӧ, мый колӧ вежны уджӧс. Но тайӧ сёрни йывсьыс регыд и вунӧді. А кор кватитчи – вӧлі сёр, корреспондентсӧ аддзӧмаӧсь нин. Ме эськӧ ёнасӧ эг и мӧвпав тайӧ должносьт йывсьыс, гӧгӧрвоа ӧд: сёрнитанногыс менам торъялӧ гижӧда кывсьыс, а «Юргантӧ» республика пасьтала кывзӧны, оз сӧмын Изьваын *(бара нюммуніс)*. Сёрӧнджык

нывъёртӧй бара юӧртіс: телевидение вылад нӧшта на уджалысьӧс корсьӧны – продюсерӧс.

Эг и кут лача, мый босьтасны сэтчӧ, но резюмеӧс ысті. Сійӧ жӧ рытӧ меным звӧнитіс Александр Григорьевич Пивкин, корис «Вочакыв» программа вылӧ: кывза пӧ комиӧн сёрнитӧ да видзӧдла, кыдзи кутчысян камера водзын. Веськыда шуа: сэки телефон пырыс ме сійӧс омӧля гӧгӧрвои – вӧдитчӧ гижӧда кывйӧн, коді абу менам изьва диалект кодь. Съёмка водзын ёна жӧ тіралі, ӧд татшӧм опытыс менам эз на вӧв. Кор шуисны «мотор», дзик пыр и вунӧді камера йывсьыс – кокниа сёрниті Александр Григорьевичкӧд.

Тайӧ лунсяньыс колис мыйтакӧ кад. Коркӧ и мӧдӧдчи корреспондент Лена Хозяиноваköд съёмка вылӧ – видзӧдлыны, кыдзи снимайтӧны программаястӧ. Та бӧрын гижи статья да мӧдӧді донъявны. Февральнас звӧнитіс Александр Григорьевич, юаліс, кӧсъя-ӧ видлыны ачымӧс продюсер уджын. Кӧсъя, дерт! Муні собеседование вылӧ, да сійӧ жӧ лунӧ менӧ и босьтісны «Юрганӧ».

– А мый матыссаяс шуисны? Кутшӧм сьӧлӧмкылӧмъяс вӧліны налӧн?

– Татшӧмтӧ найӧ, дерт, эз виччысьны. Ӧти здукӧн олӧмӧй увлань юрӧн бергӧдчис. Но рӧдвуж да ёртъяс ме вӧсна зэв радӧсь, ӧні пыр видзӧдӧны «Юрган», корсьӧны менӧ экранысь. Налы нимкодь, мый нывныс, нучканыс телевизорын!

– Настя, а мый вӧчӧ продюсер?

– Национальнӧй вещание юкӧнса продюсер корсьӧ гӧсьтъясӧс «Ми тані олам», «Ми тані сьылам» уджтасъяс вылӧ. Ме гӧгӧрбок корся-видзӧда геройясӧс, тӧдмася-ёртася водзмӧстчысьяскӧд. Шуам, неважӧн син улӧ веськаліс нутрициологлӧн «ВКонтактеын» лист бок. Видзӧда: тӧдӧ коми кыв. Дивӧ – коми нутрициолог! Ӧдйӧ-ӧдйӧ гижи сылы, кори «Ми тані олам» программаӧ. Сыкӧд уна мый йылысь позьӧ сёрнитны, кӧть быд тӧлысь «Юрганӧ» кор.

Продюсерлы пыр колӧ, кыдзи висьтавлӧны, «план Б». Шуам, шӧр гӧсьтыд кӧ мыйлакӧ оз вермы локны интервью вылӧ, шыӧдча аслам «кудйӧ», кӧні видза нӧшта некымын геройӧс. Но «Ми тані сьылам» уджтасӧн та боксянь сьӧкыдджык: абу кокни аддзыны комиӧн сёрнитысь, сьылысь да инструментӧн ворсысь гӧсьтсӧ.

Продюсералӧм кындзи нуӧда «Ӧ-net» программа, сійӧ петӧ тӧлысьнас кыкысь. Корся ӧтуввезйысь серамбана, мича, интереснӧй снимок либӧ видео – сійӧс, мый кажитчӧ коми йӧзлы. Дасьта та йылысь гижӧд да вӧча передача.

– «Ӧ-net» уджтас нуӧдісны и тіянӧдз. Кыдзи «кыйинныд» передачаыслысь русӧ?

– Видзӧді воддза петасъяс. Донъялі телеведущӧйӧс: кыдзи сійӧ нюмъялӧ, лолалӧ, вӧрӧдӧ киӧн, кутшӧм ӧдӧн сёрнитӧ. Мукӧдтор сюркнялі пель сайӧ Александр Григорьевичлӧн туйдӧмысь, сійӧ отсаліс бырӧдны камераысь полӧмӧс. Видзӧді и блогеръяс бӧрся: кутшӧм мӧвпъясӧн найӧ юксьӧны йӧзыскӧд. Лыдди тележурналистикаысь небӧгъяс. Тані тшӧтш колӧ и бура тӧдны морт психология: кужны сёрнитчыны быдӧнкӧд.

– Журналист уджыс зумыда йитчӧма командировкаяскӧд. Артмис-ӧ нин кытчӧкӧ ветлыны?

– Ылі районъясӧ менӧ эз на ыстывны. Видлі ачымӧс корреспондент уджын, корси юӧр «Миян йӧз» передачаӧ: медводдза петасыс вӧлі Коми Республикаса сборнӧй йылысь, кӧні уджалӧ верӧсӧй.

Окота эськӧ ветлыны командировкаӧ, торъя нин чужанінам – Изьваӧ.

– Кыдзи ті ыззьӧданныд асьнытӧ удж вылӧ?

– Меным тайӧ нинӧмла. Радейта ассьым уджӧс, радпырысь муна редакцияӧ. Зэв мойвиис уджъёртъяскӧд: ставныс комиӧсь, медводдза лунсянь меным отсасисны, ӧта-

мӧдкӧд ладмӧдчим. Первойсӧ вӧлі сьӧкыдджык литература кыв боксянь, но вочасӧн велала. Уджыс кажитчӧ и сы понда, мый рытын менӧ некод оз торк гортса тӧжд-могысь.

– А позьӧ-ӧ гӧсьтлы рочасьыштны коми программа дырйи? Ӧд мукӧдыс полӧны, мый оз дзик сӧстӧма сёрнитны чужан кывйӧн.

– Олӧмын нинӧмысь повны оз ков. Чайта, быд уджын эм термин, кодӧс комиӧн шунысӧ он вермы. А вуджӧдан кӧ татшӧм кывсӧ, видзӧдысьыс тэнӧ оз гӧгӧрво. Сідзжӧ эмӧсь ӧд и суйӧрсайысь локтӧм кывъяс, кодӧс он рочӧд: шуам, косметологияын консилер, хайлайтер да уна мукӧд термин. Коркӧ весиг пӧч миянлы звӧнитіс: кутшӧм пӧ тӧдтӧм кывйӧн сёрнитанныд?

Эфир вылӧ кортӧдз ми, дерт, донъялам, кутшӧма мортыс коми кывнас вӧдитчӧ.

– Настя, ті верӧсыдкӧд – карын олысь коми йӧз. Велӧдінныд-ӧ нывнытӧ чужан кывйӧ?

– Комиӧн ме сёрнита и гортын, и удж вылын. Мукӧддырйи весиг вунӧдла рочсӧ. Евалы ӧні куим арӧс, и сійӧ бура сёрнитӧ кыкнан кывнас. Нылуклӧн и акцентыс абу. Овлӧ, комирочсӧ сорлалӧ: «ме тэнӧ поцелуйта», «ме поехайті». Судзӧда сылы «Би кинь» журнал, лыддьысям, сӧвмам да ворсам комиӧн. Казявла эськӧ, мый детсадйын мукӧд челядьыс гусьӧника видзӧдӧны сы вылӧ: кутшӧм пӧ инопланетянин кывйӧн сёрнитӧ-а. Но Еваӧс велӧда пыдди пуктыны да не яндысьны-эновтчыны ас войтыр культураысь.

– Талун «Юрганӧ» бара корсьӧны журналистӧс. Кутшӧмӧн, ті ногӧн кӧ, колӧ лоны выль уджалысьлы?

– Ас видзӧдласаӧн, вежӧраӧн, зэв варовӧн, писькӧсӧн да водзмӧстчысьӧн, выль уджын асьсӧ видлыны окотитысьӧн!

Снимокъясыс Анастасия Семяшкиналӧн.

Александр
ЧУВЬЮРОВ

Александр Алексеевич Чувьюров. *Родился в 1961 г. в с. Соколово Печорского р-на Коми АССР. В 1994 г. окончил исторический факультет Сыктывкарского государственного университета. В 1994 г. был принят в качестве соискателя в аспирантуру н.и.и. МАЭ им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). В 2003 г. в н.и.и. МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Локальные группы коми Верхней и Средней Печоры: проблемы языковой, историко-культурной и конфессиональной самоидентификации» (научный руководитель: член-корреспондент РАН, д.и.н. К. В. Чистов). С 2000 г. и по настоящее время – сотрудник Российского этнографического музея (научный сотрудник музея высшей категории). Автор более 80 публикаций по традиционной культуре коми-зырян (этнография, фольклор). Публиковался в журнале «Арт».*

«Зоопарк» – три дня в Сыктывкаре

Здесь дворы как колодцы,
но нечего пить.
Если хочешь здесь жить,
то умерь свою прыть <…>.
Б. Б. Гребенщиков / Сталь

Чужестранец,
В городе чужом, незнакомом.
Чужестранец,
Нету ни друзей, ни знакомых.
Чужестранец,
И на всём пути его вечном
Ни тепла, ни зла в лицах встречных<…>.
В. Леви / Чужестранец

Весной этого года (16.04.2022) в клубе Money Honey на концерте, приуроченном ко дню рождения Майка Науменко, я познакомился с экс-директором группы «Зоопарк» Всеволодом Грачем, который на протяжении нескольких лет занимался концертной деятельностью группы «Зоопарк». На концерте он выступал в качестве конферансье: объявлял о выступлении групп, в тех же случаях, когда находящиеся на сцене музыканты были близко знакомы с Майком Науменко, рассказывал, когда и при каких обстоятельствах произошло их знакомство. В паузах, пока музыканты настраивали инструменты, он рассказывал забавные с его точки зрения истории, которые происходили во время гастролей группы. И вот во время одной из таких пауз он упомянул о концертах группы «Зоопарк» в Сыктывкаре в апреле 1988 г.: рассказал о нескольких забавных эпизодах, в частности, отметил, что во время одного из сыктывкарских концертов он поставил рекорд, – в течение сорока семи минут находился на сцене, заполнял паузу, пока музыканты приводили в порядок бас-гитару, на котором оборвались струны. Эта история послужила поводом для знакомства со Всеволодом Грачем и разговора с ним о сыктывкарских гастролях «Зоопарка».

В апреле 1988 г. я как раз находился в Сыктывкаре и от своих знакомых знал некоторые подробности пребывания в этом городе музыкантов «Зоопарка».

Впервые песни Майка Науменко я услышал осенью 1983 г. В ту пору я был студентом второго курса исторического факультета Сыктывкарского университета, который тогда носил официальное название «Сыктывкарский государственный университет имени 50-летия СССР».

Университеты исторически были центрами вольнодумства. В этом отношении наш университет также не являлся исключением, хотя в нашем провинциальном вузе далеко не все преподаватели поощряли студенческое свободомыслие: порой за чересчур вольные рассуждения можно было услышать от преподавателя упрёк «в антисоветизме». Настоящей же вольницей свободомыслия являлись студенческие общежития.

Сыктывкарский университет располагал двумя общежитиями: на улице Димитрова, где проживали студенты экономического факультета, и на Коммунистической улице (Коммунистическая, д. 72), где были расселены студенты остальных факультетов – исторического, филологического, физико-математического и химико-биологического. Свой первый год в студенческом общежитии на Коммунистической я провёл в блоке историков, на шестом этаже, в комнате № 628. Среди студентов эта комната именовалась «поскотина»[1]. На момент моего заселения, в сентябре восемьдесят второго, в комнате, как я узнал от коменданта, проживал студент 4 курса Эдик Ем-в. Первое впечатление от вышеупомянутой комнаты было далеко не радостным: дверь без замка и с внутренней стороны вся расцарапана «снайперскими попаданиями» ножа, а на столе и под столом валялись окурки. Занята была одна кровать, три другие кровати сиротливо зияли пустотами панцирной сетки. На стене, возвышаясь над голыми панцирными сетками, висело два немецких плаката «Deep Purple» (Deep Purple – Hit mit Hindernissen), а на стене возле единственной заправленной кровати графический рисунок – копия лица Спасителя с картины Рубенса «Христос в терновом венце».

Первым делом я прибрался в комнате, а спустя какое-то время появился мой сосед – белокурый красавец Эдик Ем-в. Таких ярких по внешности парней я ещё со школьной скамьи, по аналогии с одним из героев романа Фадеева «Разгром», называл «красивый белый офицер». С «красивым белым офицером» мы установили замок, а спустя какое-то время появились «товарищи белого офицера» – статный молодой мужчина кавказского типа, которого окружающие звали «Вождь», студент физико-математического факультета Александр Ер-в. Потом подтянулись и другие персонажи нашей поскотины – Ваня Медведев с филологического факультета и ещё несколько человек из числа друзей Эдика Ем-ва. Как я потом узнал, это была традиционная пятничная вечеринка. Поскольку такие вечера проходили еженедельно, то я довольно быстро перезнакомился с участниками «поскотинских посиделок». Верховодил компанией тот самый мужчина кавказского типа – Слава (Вячеслав) Ен-н. Как позднее я узнал, он работал художником в сыктывкарском театре оперы и балета. В его манере общения с окружающими присутствовала определённая манерность, проявляющаяся в вычурных обращениях к девушкам «мадам», а также в обращении к участникам «поскотинских посиделок» на старорежимный армейский лад – корнет, поручик, ротмистр. И эти перечисления старорежимных военных званий не носили случайного характера, а имели конкретную привязку к определённым людям: Ваня Мед-в в кругу «поскотинцев» именовался ротмистром, Эдик Ем-в – корнетом, а Слава Ен-т – поручиком. В этих шутливых обращениях друг к другу старорежимными воинскими званиями была отсылка к белогвардейскому роману «Перекоп», который написал Ваня Мед-в в соавторстве с «полковником» Мишей Тас-м и «штабс-капитаном» Витей Сух-м (который в узких кругах имел прозвище «Хубун»). Иллюстрации к роману были выполнены «корнетом» Эдиком Ем-вым. Этот роман среди студентов-историков присутствовал в качестве нарра-

тивного симулякра: мало кто его видел, но время от времени в разговор вставляли цитаты из этого произведения, присутствующего лишь в некоем виртуальном пространстве.

Трогательные воспоминания о Славе Ен-не оставил в своих мемуарных новеллах, озаглавленные им «Северный Плутарх», Григорий Сп-к. Приведу один из фрагментов его воспоминаний: «Но Слава и вне ресторанов прославился «вкусом к цивилизованному застолью». В гостях у студентов он обычное бражничество и «пьянку до соплей» мог обставить, как средневековый карнавал с дискуссией о вокале битлов и Шаляпина. <…> Если выпивать, то перед этим хорошо приготовить закуску и чинно накрывать на стол»[2]. В этих воспоминаниях, как часто случается, когда с большой симпатией относишься к человеку, действительность передана несколько в приукрашенном виде. Как сказал немецкий историк Харальд Вельцер: «Человек вспоминает то, что важно ему самому, что помогает ему справляться с сегодняшней жизнью». В действительности, обстановка, которая царила в «поскотине», порой напоминала сцены из романа Фёдора Сологуба «Мелкий бес»: алкогольные посиделки с вечера до утра со всякими нелепыми забавами, – соревноваться, кто лучше умеет бросать ножи.

Собирались по разным поводам, но чаще по выходным – в пятницу и в субботу. Многие из «поскотинцев» были люди семейные, работающие, поэтому пятница и суббота как нельзя лучше подходили для таких встреч. Ещё одна причина для встреч в выходные: по пятницам по BBC в полночь выходила передача Всеволода Новгородцева о популярной музыке, аналогичные передачи по вечерам в пятницу и в субботу проходили по «Голосу Америки». Но передачи по «Голосу Америки» особой популярностью не пользовались: в них, как и в советских радиопередачах, чувствовался «пропагандистский душок». Некоторые из передач «Голоса Америки» вообще вызывали у нас недоумение. Помню передачи какого-то религиозного проповедника, который в качестве иллюстрации нравственного упадка и духовного кризиса советской молодёжи приводил различные цитаты из песен советских рок-групп, в частности, группы «Машины времени» («Марионетка» и др.).

Вячеслав Ентин. 1980-е гг. (?). Фотография из открытых источников. Григорий Спичак. «Вячеслав Ентин. Штрихи памяти к портрету времени» – Доступный ресурс: https://proza.ru/2009/10/06/1125. Дата обращения 09.09.2022 г.

Радиовыступления Всеволода Новгородцева, в отличие от его американских коллег, не вызывали никакого отторжения и, наоборот, пользовались очень большой популярностью среди студентов. Специально производились записи его радиопередач на магнитофон, некоторые вели подробные конспекты его выступлений. Анекдоты, цитаты и высказывания Новгородцева потом широко расходились среди студентов (например, иронич-

Вячеслав Ентин и Иван Медведев. Фотография из открытых источников. Григорий Спичак. «Вячеслав Ентин. Штрихи памяти к портрету времени» – Доступный ресурс: https://proza.ru/2009/10/06/1125. Дата обращения 09.09.2022 г.

ные замечания Новгородцева о советских ВИА – «Комсомольский бодрячок» или об Ози Озборне – «железобетонный монументализм»). Обсуждали также и некоторых персонажей его радиопередач, в частности, некоего Женю из Киева, чьи письма часто цитировал Новгородцев: подлинно ли есть реальный Женя из Киева, который время от времени из Киева в Лондон отправляет письма Новгородцеву, или же это некий сюжетный трюк, придуманный самим Новгородцевым.

Разговоры, которые велись в «Поскотине», во многом были типичны для определённых слоёв советской гуманитарной интеллигенции – фрондёрские беседы на «скользкие» политические темы и неофитские разговоры про искусство – кино, музыку, литературу… Как однажды шутливо заметил Слава Ен-н, цитируя высказывание М. А. Булгакова: «Подкусывание советской власти под одеялом». Эти бесконечно долгие ночные посиделки за разговорами про политику и искусство были обильно сдобрены различными цитатами из бардовских песен, репликами из литературных произведений и кино: <…> *Она выпила дюрсо, а я перцовую, за советскую семью, образцовую* <…>; <…> *Товарищ Сталин, вы большой учёный, в языкознанье знаете вы толк* <…>; <…> *Значит, все мы, кровь на рыле, топай к светлому концу? Ты же будешь в Израиле жрать, подлец, свою мацу* <…>.

Авторство многих из этих текстов мне, выросшему в маленькой деревне, было неизвестно, но спрашивать у своих более искушённых соседей я не решался (чтобы не выглядеть в их глазах необразованным деревенским лапотем).

Фоном посиделок являлась рок-музыка. К вечеринкам откуда-то приносился магнитофон «Маяк-205» и катушки с записями западных рок-групп.

Вкусы и музыкальные пристрастия были разные: музыкальный фон на этих вечеринках представлял разнообразный спектр различных направлений английской и американской рок-музыки – Led Zeppelin, Deep Purple, Jethro Tull, Uriah Heep, Queen, ELP (Emerson, Lake & Palmer), Slade, Sweet, Sparks, Nazareth, Pink Floyd, Gary Moore, Yes, Genesis, Grand Funk, Manfred Mann Chapter Three, слегка разбавленные группами континентальной Европы вроде Supermax и Accept.

Случалось, что делали небольшие перерывы, выключали на время магнитофон и пьяненькими голосами начинали а капелла исполнять застольные песни: *«То не ветер ветку клонит, Не дубравушка шумит, – То моё сердечко стонет, Как осенний лист, дрожит* <…>.

На эти вечеринках частенько появлялись вырезки из различных журналов: помимо отечественного молодёжного журнала «Ровесник», в котором в ту пору публиковались различные статьи про западные рок-группы, приносили вырезки из каких-то польских и чешских журналов.

К отечественной эстраде относились иронично, – вслед за Новгородцевым творчество советских ВИА определяли термином «комсомольский бодрячок». После фестиваля «Весенние ритмы» в Тбилиси, в 1980 г., уже ходили записи отечественных рок-групп – «Машина времени», «Воскресенье», «Автограф», «Карнавал», «Динамик», «Аракс». Но отношение к советским рок-группам тоже было весьма сдержанное: отмечали своеобразие поэтических текстов (в частности, песен А. Макаревича), но в сравнении с лучшими образцами западной рок-музыки (Led Zeppelin, Deep Purple, Uriah Heep) отечественные рок-группы выглядели доморощенными музыкантами. Как шутил Слава Ент-н: «Советская рок-музыка как советский автопром – исключительно только для внутреннего рынка».

Информации про отечественную рок-музыку к тому времени было уже много: выходили газетные и журнальные публикации, посвящённые советской рок-музыке, в журнале «Аврора» стали печататься «Записки рок-дилетанта» Александра Житинского, время от времени из Ленинграда привозили какие-то самиздатовские журналы. Информация о рок-группах приводилась и в передачах Всеволода Новгородцева. Помнится, в одной из передач он рассказывал про группу «Трубный зов» Валерия Баринова, про череповецкую группу «Рок-сентябрь», а также про Александра Башлачёва и Майка Науменко (как казалось Новгородцев отметил, вероятно, Миша). Конечно, по этим передачам представлялось сложным получить какое-то ясное представление об уровне этих музыкантов, – сквозь треск приёмника мало что можно было разобрать. Ситуацию исправляли «коммивояжёры» (вояжёры из Коми), которые время от времени привозили катушки с записями рок-групп.

У нас на историческом факультете этим занимался Лёша Вор-н. Он был большим поклонником Deep Purple, но увлекался и отечественной рок-музыкой. На каникулы он ездил к своим знакомым в Ленинград и всякий раз оттуда привозил кассеты с записями питерских групп.

Помню, осенью восемьдесят третьего он привёз кассету (375 м). К тому времени Эдик Ем-в как старшекурсник перебрался в двухместку на девятом этаже, где в соседи ему определили Диму Кр-на. И вот, на девятом этаже, у Эдика Ем-ва осенью восемьдесят третьего мы сидели и слушали то, что привёз Лёша Вор-н. На коробке было написано: «Панк-группа Пикник». Это был альбом группы «Пикник» «Дым», а на другой стороне – «Треугольник» группы «Аквариум» и несколько песен из «Синего альбома» («Электрический пёс»). Помню, прослушали одну сторону, на которой пели Алексей Добычин и Эдмунд Шклярский:

«Очень интересно по улицам ходить,
Многое узнаешь и поймёшь.
В тёмные подъезды стоит заходить,
О, какие лица там найдёшь.
В тёмные подъезды стоит заходить,
О, какие вещи там найдёшь <…>»

«Подкрался сзади вечер, весь город им укрыт,
И надо бы развлечься, как нам быть?
Я знаю, ты услышишь – откликнешься на зов,
Я позвоню – ты будь готов.
Зажав в руке последний рубль, уйдём туда, уйдём туда,
Где нам нальют стакан иллюзий и бросят льда, и бросят льда.
И снова будет целый вечер глушить толпу гитары звон,
Дым табака укроет плечи, и будет плавиться капрон <…>»

Потом перевернули кассету на другую сторону. Там звучали песни про поручика Иванова, старика Козлодоева и про двух воронежских трактористов, один из которых в кармане имел книжку Жан-Поль Сартра, а второй «порою играл на баяне Сантану и Weather Report». Заканчивалась эта сторона магнитофонной катушки песней «Электрический пёс». Поскольку в ту пору мы не знали творчества «Пикника» и «Аквариума», то поначалу некоторые из нас приняли «Треугольник» за эту самую панк-группу «Пикник», которая была обозначена на магнитофонной коробке. Но Лёша Вор-н однозначно опровергнул наше предположение:

– Я был на концерте «Пикника» – «Пикник» на первой стороне, где «зажав в руке последний рубль», – заметил Лёша Вор-н. Мы ещё какое-то время порассуждали, кому бы из известных нами советских групп (чьи названия мы знали по разным публикациям) могли принадлежать эти песни, но так и не придя к какому-то определённому решению, согласились в одном, что это не «Макар» (не Макаревич).

В конце первой части магнитофонной бабины, после песен «Пикника» была записана песня ещё одной неизвестной нам группы («Ты – дрянь! Ты продала мою гитару и купила себе пальто») – песня Майка Науменко «Дрянь».

Спустя некоторое время благодаря Лёше Вор-ну, а также другим «коммивояжёрам» мы имели уже существенную коллекцию с записями отечественных рок-групп: «Аквариум», «ДДТ» (с альбомом, в котором звучала песня про друга, который из-под полы достаёт индийский чай, башкирский мёд), «Мифы», «Зоопарк», «Трубный зов», «Крематорий», «Примус», казанская группа «Волжане», которые исполняли кавер-версии известных песен различных отечественных рок-групп.

Летом 1985 г. я перевёлся на заочное отделение и перебрался в Ленинград. Поначалу устроился на ТЭЦ-14 машинистом котла, а затем перевёлся в Теплоэнерго-1 оператором котельной (как тогда именовалось у интеллигентов, совершив «бегство в бойлерную»).

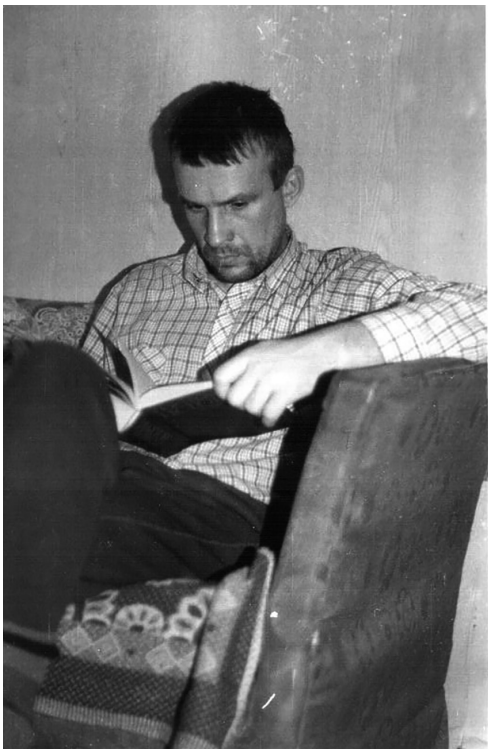
В качестве «общественного поручения» от «поскотинцев» мне было дано задание собирать плакаты с афишами концертов рок-групп. Собственно, уже с середины 1980-х началось триумфальное шествие рок-групп и рок-музыки по различным уголкам СССР. Вслед за ленинградским рок-клубом (1981 г.) были созданы рок-клуб в Свердловске и рок-лаборатория в Москве. На телевидении появились музыкальные передачи («Кружатся ди-

ски» и «Музыкальный ринг» на ленинградском телевидении), главными действующими лицами на которых были рок-музыканты. Сыктывкар также не оказался в стороне от этих явлений. Регулярно на страницах газеты «Молодёжь Севера» стали появляться публикации, посвящённые отечественной и западной рок-музыке. Так, в одном из январских номеров (1988 г.) опубликовали статью про ленинградскую группу «Игры» (экс «Странные игры»), в мартовском номере напечатали интервью с Фёдором Чистяковым (ленинградская группа «Ноль»)[3], в апрельском номере – статью о февральском фестивале московской рок-лаборатории «Фестиваль надежд» (27-28 февраля)[4]. Здесь же, на страницах газеты «Молодёжь Севера», публиковались литературные произведения рок-музыкантов, в частности, повесть «Иван и Данило» Бориса Гребенщикова.

Бывшие участники вечеринок в «поскотине» в это время (с 1985 г.) стали собираться в общежитии «Производственно-техническое управление связи ВТУЗ» (ул. Национальная, д. 23), в котором устроился работать один из бывших постояльцев «Поскотины» – Витя Пис-в.

В «Производственно-техническом управлении связи ВТУЗ» комсомольским секретарём работал Владимир Тентюков (поклонник рок-музыки), который впоследствии сыграл большую роль в популяризации отечественной рок-музыки в Сыктывкаре. Именно он стал одним из организаторов первого городского рок-фестиваля в Сыктывкаре (в 1988 г. В. Тентюков уже работал ответственным сотрудником при ГК ВЛКСМ).

Участниками этого фестиваля были рок-группы из Республики Коми (в то время Коми АССР): «Пирамида» (г. Сыктывкар), «Течение» (г. Усинск), «Движение по инерции» (г. Сыктывкар, Эжва), «День Гнева», «Стандарт» (Сыктывкар), «Альтер-эго» (г. Воркута), «Постскриптум» (г. Воркута). У сыктывкарских поклонников хэви-метал были опасения, что фестиваль завершится бойней между сыктывкарской и воркутинской молодёжью, которые время от времени приезжали в столицу Коми Республики для кулачных боёв. Но в данном случае обошлось без конфликтов. В февральском номере газеты «Молодёжь Севера», в котором рассказывалось о первом городском рок-фестивале, приводилось письмо сыктывкарских поклонников хэви-метал: «Перед фестивалем ходили слухи, что туда приедут воркутинцы и будут придираться к металлистам. Советовали, что цепи лучше вообще не надевать, браслеты и перчатки тоже – воркутинцы отберут, и может начаться драка. Некоторые подумывали, а не взять ли с собой финки – вдруг пригодятся? Были слухи, что после фестиваля сойдутся Воркута и Сыктывкар, а фестиваль, «металл», цепи – только повод… Но всё так и осталось слухами…»[5].

Виктор Пискунов. г. Санкт-Петербург. В гостях у А. Чувьюрова. 1995 г. Фото А. Чувьюрова.

Всего за два дня фестиваля (23-24 января) в ДК «Металлист» выступило 13 групп. В качестве хедлайнера фестиваля была приглашена ленинградская группа «Игры» Виктора Сологуба (экс «Странные игры»).

Гастроли группы Майка Науменко «Зоопарк» (8, 9, 10 апреля 1988 г.) были организованы всё тем же Сыктывкарским ГК ВЛКСМ. Непосредственная идея организации этих концертов принадлежала уже упоминавшемуся ответственному сотруднику Сыктывкарского ГК ВЛКСМ Владимиру Тентюкову. Он курировал работу с молодёжью.

По рассказам людей, близко знакомых с В. Тентюковым, оплата гастрольных расходов группы «Зоопарк» производилась из средств, которые закладывались на организацию различных мероприятий, связанных с атеистическим воспитанием молодёжи. Именно поэтому один из концертов – 9 апреля – должен был начаться в канун заключительной части пасхального богослужения в девять вечера (21 ч.), чтобы таким образом «отвлечь молодёжь от пагубного влияния церкви». Действительно ли было так, как мне рассказывали, или это обычные досужие вымыслы, сказать сложно. Картину мог бы прояснить сам Владимир Тентюков, но нынче он ведёт жизнь уединённую и не проявляет желания к контактам с людьми, близко ему не знакомыми.

Все шесть концертов (по два концерта в день – 8, 9, 10 апреля 1988 г.) проходили в помещении ныне несуществующего ДК «Металлист».

Поселили музыкантов группы «Зоопарк» в «Югор» – в то время в самой представительной гостинице Сыктывкара.

В качестве гримёрки, как мне рассказывали, им на время концертов передали помещение театра «Хеппенинг» (рук. Юрий Боровлев), который располагался в том же здании ДК «Металлист», где и должны были проходить концерты «Зоопарка». Как спустя годы вспоминал один из моих знакомых: «в гримёрке после гастролей «Зоопарка» осталась целая гора бутылок молдавского коньяка «Белый аист», а после «Зоопарка» приезжал «Объект насмешек», вроде панки, а после них только бутылки из-под кефира остались».

Я в то время по своим учебным делам находился в Сыктывкаре. В Ленинграде у меня не раз появлялась возможность сходить на концерты Майка Науменко, но песни группы «Зоопарк» были мне не близки, казались чересчур брутальными. Мне нравилась более мягкая, лирическая музыка – группа В. Леви «Тамбурин», «Аквариум». Но здесь, в

Дворец культуры «Металлист». г. Сыктывкар. 1980-е гг. (?). Автор фотографии неизвестен. Фотография из открытых источников. Доступный ресурс: https://vk.com/wall-182483583_4331. Дата обращения 22.11.2022 г.

Дворец культуры «Металлист». г. Сыктывкар. Фото Юрия Журавлева. 1980-е годы. Фотография из открытых источников. Доступный ресурс: https://www.bnkomi.ru/data/news/58785/. Дата обращения 22.11.2022 г.

Сыктывкаре, сходить на концерт Науменко мне показалось заманчивым, только смущало начало концерта: мне (как одна моя знакомая заметила человеку «с мерцающей религиозностью») казалось кощунственным в пасхальную ночь вместо богослужения идти на рок-концерт, и поэтому я предпочёл пойти в Кочпон, где располагался единственный действующий в то время храм РПЦ в Сыктывкаре. О том, что помимо концерта в пасхальную ночь «Зоопарк» даёт ещё несколько концертов в Сыктывкаре, я узнал уже позже, а в то время в кругу моих знакомых говорили только о концерте накануне пасхального богослужения. Каких-то афиш я не видел. Информация о концертах была в газете «Молодёжь Севера», но эта информация прошла мимо меня.

Мои университетские товарищи и знакомые отправились на концерт в ДК «Металлист», а я – в Кочпон, на пасхальное богослужение.

На следующий день, в воскресенье (10.04), я навестил своих друзей в общежитии связи. Собственно, от них и узнал подробности того концерта.

Репертуар состоял из уже известных песен: «Пригородный блюз», «Буги-буги», «Лето»…

Некоторые песни предварялись небольшим пояснением:

– Лето: «посвящается Цою»…

Потом во время концерта возникла заминка, и публику вышел развлекать директор «Зоопарка» Всеволод Грач. Сказал, что готов отвечать на различные вопросы.

Один из друзей Эдика Ем-ва Сергей Гл-в отправил записку с шутливым текстом:

«Как живёт старый рокер Лев Лещенко»?

– Я думаю, старый рокер Лещенко живёт прекрасно: думаю, уже обеспечил себе безбедную старость, – ответил Всеволод Грач.

Затем последовали вопросы о ленинградских рок-музыкантах – вопросы о Борисе Гребенщикове, набиравшем популярность Викторе Цое.

Кто-то из зрителей передал записку с вопросом про скандальную статью журналиста ленинградской газеты «Смена» Виктора Кокосова «Алиса с косой чёлкой». В этой статье Кокосов, ссылаясь на рапорт сотрудников милиции, утверждал, что во время концерта группы «Алиса» в «Юбилейном» (17.11.1987) первые строки одной из их песен начинались словами: «Хайль Гитлер… на том берегу…»[6].

И вот один из зрителей сыктывкарского выступления группы «Зоопарк» спросил об этом инциденте.

Всеволод Грач ответил шуткой:

– У нас в рок-клубе по этому поводу рассказывают анекдот. Рейхканцелярия. По коридору идёт Штирлиц (Тихонов), навстречу Мюллер (Броневой). Штирлиц закидывает руку вверх и приветствует Мюллера: «Хайль Гитлер!» Мюллер (Броневой) морщится и говорит: «Штирлиц, бросьте свои кинчевские штучки». Но это, конечно, анекдот. На самом деле вся эта публикация в «Смене» – провокация…

И далее Грач сообщил, что сохранилась фонограмма концерта «Алисы», которая опровергает всё то, что изложил журналист Кокосов в своей статье и что музыканты из группы «Алиса» подали судебный иск на редакцию «Смены» об опровержении сведений, изложенных в статье Кокосова.

После «пасхального» концерта «Зоопарка», как мне рассказывал Витя Пис-в, должна была состояться неформальная встреча с музыкантами группы «Зоопарк» в главном здании университета на Октябрьском проспекте. Дело в том, что там работал один из наших знакомых, в то время студент исторического факультета Виталий Лоб-в. Он работал специалистом по химводоподготовке университетского бассейна и дежурил по ночам. С некоторых пор бассейн стал местом, где собирались бывшие постояльцы «поскотины»:

выпивали, плавали в бассейне. Вот там и решили собраться после концерта и в такой неформальной обстановке побеседовать о рок-музыке.

Ребята (Витя Пис-в, Вася Бол-в) с концерта ушли пораньше и, не дожидаясь прихода музыкантов, стали «разогревать» себя алкогольными напитками. Концерт в «Металлисте» затянулся, и, когда после концерта, как мне рассказывал Витя Пис-в, Володя Тентюков с музыкантами «Зоопарка» подъехал к зданию университета, то им не удалось достучаться. Витя Пис-в и Вася Бол-в покинули университетский бассейн ещё до прихода уборщицы, которая, собственно говоря, и застала помятого Виталия Лоб-ва, увидела следы ночного пиршества друзей Лоб-ва, и после этого инцидента Виталий специалистом по химводоподготовке бассейна больше не работал…

В воскресенье (10.04) в гостинице «Югор» была организована встреча журналистов с музыкантами «Зоопарка», а вечером состоялось ещё два концерта. Каких-то подробностей про эти концерты мне не приходилось слышать.

Не знаю почему, но больше рассказывали про этот пасхальный концерт: шутки про старого рокера Льва Лещенко, анекдот про Штирлица…

Некоторые подробности пребывания музыкантов «Зоопарка» мне поведал Всеволод Грач во время концерта в клубе Money Honey.

Гастроли в Сыктывкаре, как заметил Всеволод Грач, оказались запоминающимися:

«Было несколько приключений. «Зоопарк» в Сыктывкаре выступал три дня. В день давали по два концерта, в шесть и девять вечера. Нас в команде было шесть человек: я (Всеволод Грач – А. Ч.), Майк (Михаил Науменко), Шура Храбунов, Илюша Куликов, Валера Кирилов и Мурзик (Андрей Муратов).

Всеволод Грач (экс-директор группы «Зоопарк»). Money Honey: концерт, приуроченный ко дню рождения Майка Науменко. 16.04.2022 г. Фото А. Чувьюрова.

Тогда концерты играли часа полтора, примерно. Обычно все играли нон-стопом, но мы договорились, что будет два отделения, с перерывом минут на пятнадцать, во время которых я заполнял информационный голод местных меломанов и отвечал на различные вопросы, записки. Была на концертах и подпольная пресса, – ребята, которые выпускали самиздатовские газеты и журналы. Никто тогда толком ничего не знал, информации было мало, и пытались от нас получить информацию про питерских музыкантов.

И всё время у нас там, в Сыктывкаре, во время концертов происходили какие-то эксцессы. И одно из таких запоминающихся приключений случилось во время вечернего субботнего концерта. Там я поставил абсолютный рекорд – сорок семь минут выступал на сцене, поскольку наш басист Илюша Куликов порвал струны. Когда у нас появились деньги, купили ему человеческую фирменную гитару, а она была такая, – без колков, ну то есть подтягивалась на розетке. И он исхитрился каким-то мощным движением порвать на ней сразу три струны, и это, заметьте, на бас-гитаре. А запасных струн не было. Ну, поскольку у нас Шура Храбунов был не только великолепный гитарист, аранжировщик, и в общем-то во многом определял звук «Зоопарка», но и, кроме этого, был большой мастер паяльника. Между прочим, Шура Храбунов единственный член группы, кроме Майка, который прошёл весь путь от начала до конца, безо всяких перерывов. В общем, меня выпустили на перерыв, и он из обычных басовых струн напаивал какие-то штучки, чтобы они влезли в этот несчастный короб. И в итоге этот вечерний концерт сложился из двух отделений музыки по тридцать семь минут, а в перерыве мне пришлось рассказывать байки целых сорок семь минут. Обычно антракт занимал пятнадцать минут, а тут я поставил рекорд – говорил сорок семь минут. И под конец уже рассказывал всякие там

Всеволод Грач и Наиль Кадыров (экс-группа «Зоопарк», 1991 г.). Money Honey: концерт, приуроченный ко дню рождения Майка Науменко. 16.04.2022 г. Фото А. Чувьюрова.

байки, потому что вопросы закончились. Это такая рекордная история. Но прошло как-то в общем-то неплохо, хотя слова к концу как-то стали заканчиваться.

И спрашивали, что делает Гребенщиков, Кинчев и так далее. Спросили про скандальную статью Виктора Кокосова в газете «Смена», спросили, что в действительности там произошло. Я рассказал, что музыканты из группы «Алиса» подали судебный иск на редакцию «Смены» об опровержении сведений, изложенных в статье Кокосова.

И в продолжение кинчевской темы я рассказал такую байку. А с ним такая история произошла. Кинчеву тогда на полгода запретили выступать с концертами, и он, чтобы как-то развеяться от этой скандальной истории, поехал на историческую родину, в Болгарию. И попал там совершенно неожиданно для себя на концерт группы «Ария», но ещё в классическом составе. И когда всё закончилось, ребятам из «Арии» сказали: тут один болгарин хочет с Вами познакомиться, ваш честный фан. Костя там так и представился, а он был такой прикольный человек. Тогда ещё не воцерковлённый абсолютно. Короче говоря, они там ждали болгарина, а пришёл к ним Константин Евгеньевич и сказал: болгарин это я, меня зовут Костя Кинчев. Давайте будем знакомиться.

И на каждом концерте что-то происходило. Была история с клавишником Андрюшей Муратовым. Он приехал без аппарата и играл на рояле, на местном аппарате: в любом большом ДК раньше имелся рояль.

Муратов взялся исполнить свою концертную фишку. Он после соло на рояле отталкивал от себя инструмент, и рояль какое-то время двигался от музыканта. Но здесь сцена была наклонная, под балет. А там, на сцене, стояло два портала фирмы «Тесла», две колонки. Я сижу около пульта, прямо напротив рояля, в оркестровой яме, и вижу, что он толка-

Всеволод Грач, Андрей Тропилло (звукорежиссёр, в 1980-е гг. записывал альбомы «Уездный город N» и «Белая полоса» группы «Зоопарк») и группа «300». Money Honey: концерт, приуроченный ко дню рождения Майка Науменко. 16.04.2022 г. Фото А. Чувьюрова.

ет рояль, и рояль начинает катиться в мою сторону, и он его никак не может остановить. Рояль двигается на портал, а я думаю, но всё кирдык. Сам думаю, только бы не на меня упал. Но рок-н-рольный бог нас спас. Рояль уткнулся в колонку и остановился, но одна колонка всё-таки упала, а это аппарат дворца. Падает колонка, я прикидываю, сколько мы заработали, по крайней мере, шестьсот рублей в нос: сто рублей на каждого за каждый выход на концерт. И понимаю, что колонка стоит рублей пятьсот, и, думаю, Мурзик, похоже, попал на весь свой гонорар. Но наш демократический чешский аппарат оказался крепким. Колонка оказалась цела, но немножко там уголок поцарапался. Ну, в общем, немножечко пришлось проставиться для ребят из ДК, но всё кончилось хорошо. Рок-н-рольный бог спас.

Была там ещё одна забавная история, связанная с горбачёвской алкогольной компанией. Ну, знаете, наверное, в те времена был сухой закон, это восемьдесят восьмой год. С алкоголем были большие проблемы. Ну я пошёл в ресторан, там, думаю, может, получится пива купить. Смотрю, там суровые мужчины пьют пиво из графинов. А официантки ходят по залу и из бутылок кощунственно разливают пиво в графины. Оказалось, что это была вечеринка кому за тридцать, вечер знакомств. Я подхожу к девушке-официантке, говорю, можно, я у вас для музыкантов ящик пивка куплю, с ресторанной наценкой. Мы за эти концерты получали по сто рублей за выход на сцену. Она говорит: я не могу. Ну, тогда за всеми кабаками следили. В общем, полная труба, и так было везде. Мы в городе Хабаровске были на гастролях, а там на полмиллиона жителей оставили только шесть магазинов. И тут в ресторан приходит один музыкант с гитарным чехлом, местный, кабацкий. Передаёт чехол буфетчице и говорит: Маша, насыпь-ка мне

Алексей Рыбин (экс-группа «Кино») и Наиль Кадыров. Money Honey: концерт, приуроченный ко дню рождения Майка Науменко. 16.04.2022 г.
Фото А. Чувьюрова.

пивка. Я подхожу к нему и говорю ему: слушай, я директор «Зоопарка», говорю, мне бы тоже пивка. Да, я был на вашем вчерашнем концерте, всё было хорошо – отвечает он и говорит барышне из буфета: Ты что, дура, что ли? Если хочешь, я тебе сейчас гитарных чехлов три принесу! Я ему говорю, что у Майка в одной из песен есть такой текст: «он носит бутылки в гитарном чехле». Это один из вариантов одного куплета песни «Когда я знал тебя совсем другой». В общем, благодаря этому музыканту мне дали ящик пивка. Мне и Майку было уже за тридцать, а остальным было меньше. Мы с ним жили в одном номере, в полулюксе. Было где там посидеть. Ну, когда музыканты пришли в наш номер, Валера Кирилов, Илюша, а мы пивко пьём. А они такие: откуда пиво, где достали? И Майк над ними долго глумился. Сначала, говорит, дорастите, а потом, может быть, мы вас угостим пивком. Намекал, что нет, мы, конечно, можем продать по двойной цене. Ну, конечно, нормально там всё закончилось. В общем, гастроли там запоминающиеся были.

Один из фанов нам сказал, где продают алкоголь. Алкоголь был одного вида: молдавский коньяк «Белый аист». Его обычно не очень любили покупать, потому что бутылки от него не принимались, из-за формы бутылки. А сдать посуду это было святое дело. В месяц можно было сдать тару рублей на пятнадцать. Вот, скажем, бутылка пива жигулёвского стоила тридцать семь копеек, а пустая бутылка стоила двенадцать копеек. Сдаёшь три бутылки, получаешь полную. Почему в такси бегали за водкой, потому что все таксисты продавали водку. Мы даже с собой взяли бутылок десять «Белого аиста».

Ну, там был ещё такой забавный случай. Ну, представляете, сцена, рампа, перила. И, соответственно, какой-то фан выскочил плясать, охрана за ним, конечно, следила,

Александр Донских (справа). Участник группы «Зоопарк» (1983–1987 гг.). Money Honey: концерт, приуроченный ко дню рождения Майка Науменко. 16.04.2022 г.
Фото А. Чувьюрова.

но охраны там было маловато. И как-то никто не заметил, что он грохнулся в оркестровую яму. Ну, я думаю, чувак поломался. Там метра два с половиной. И как-то забыли про это, пошло второе отделение концерта, всё хорошо. В конце выключается аппарат. И Андрюша Муратов, который отвечал за аппаратуру, говорит: одна колонка заводится, не могу понять, почему и что происходит. Я говорю, так всё выключаем совсем. Выключаем, а звук идёт, такой хрип. Выяснилось, что этот парень он упал и немедленно заснул. И это был его храп, который имитировал заводку колонки. В общем, слава Богу, рок-н-рольные боги нам помогли, никто не покалечился и за уроненный тесловский портал никто денег особо не снял. Хотя внутри команды мы его, конечно, журили страшно».

Сыктывкарское интервью с Майком Науменко появилось спустя месяц после гастрольных выступлений «Зоопарка» в одном из майских выпусков газеты «Молодёжь Севера». Вопросы касались фильма «Асса», отношения Науменко к обществу «Память»:

– Какие сейчас отношения с БГ?

– С Борисом дружим с 1973 года. «Все братья-сёстры» делали половина на половину (половина вещей моих, половина его). Борис пригласил меня: давай запишем, чтобы остался документ. Потом он мне помогал в записи, подыгрывал на губной гармошке. Мы до сих пор на многих концертах играем вместе.

– Говорят, БГ устал…

– Будьте любезны! Ничего подобного, совсем не устал. С идеями у него всё в порядке. Просто он стал играть другую музыку.

– В Сыктывкар вы приехали сразу после выступления на премьере фильма «АССА»…

– Выступали три дня, играли вместе с Сергеем Рыженко. Снимались в фильме, который, вероятно, будет называться «Асса». Съёмки велись во время премьерных концертов, всё основано на импровизации… Снимались также «Аквариум», «Звуки Му», «Браво», «Кино».

– Сейчас много фильмов появилось о рок-музыке. Как вы их оцениваете?

– Фильм «Рок» – это явление, «Взломщик» – просто странный фильм. «Алиса» почему-то ассоциируется только с уголовщиной, то же, кстати, было и в «Переступить черту».

– Металл?

– Если кому-то нравится, пусть слушает. В любом случае предпочитаю бескомпромиссную музыку. Люблю то, что делает «Секрет». Ребята играют отличную весёлую музыку. У нас нет больше таких

Владимир Леви (группа «Тамбурин»). Money Honey: концерт, приуроченный ко дню рождению Майка Науменко. 16.04.2022 г. Фото А. Чувьюрова.

команд для школьников. К «Наутилусу-Помпилиусу» прохладно относимся. Их творчество нам не близко. Это хорошо сделано, но это не наше. А вот «Алиса» – отличная группа. «Телевизор» мне нравится меньше.

– Михаил, тебя обвиняли в асоциальности. Как ты сам себя оцениваешь?

– Мы никогда не были асоциальными типами. Могли затрагивать темы, скажем так, непривычные для советской эстрады. Многие песни были от моего «Я», но не всегда это могло ассоциироваться со мной. Часто это были варианты каких-либо ситуаций. Есть песни о личных переживаниях. Как сам себя оцениваю? Ну, это слишком глобальный вопрос. Но асоциальным типом себя назвать, нет, не могу.

– О «памяти»… Рок – угроза русской нации?

– Пошли они все в задницу… К этому относимся как к любому проявлению шовинизма. Мы же не советуем С. Михалкову, как писать книги. Почему же он называет рок нравственным СПИДом? Почему считают, что те, кто слушает рок, неполноценны?

– И последний вопрос. Рок-н-ролл мёртв?

– Рок-н-ролл как появился, так до сего года жив и здоров. И ближайшие лет 10-20 вряд ли перестанет существовать. Это уже классика. Мы до сих пор с удовольствием делаем ряд американских стандартов. Может быть, наша музыка и несколько консервативна. Она рассчитана на тех, кому за 20. Но вот у вас в Сыктывкаре на концертах много было тех, кому ещё нет 20-ти.

– Каким ты будешь лет через 20?

– Не знаю, что будет через три месяца. Мы уже семь лет держимся. Что будет дальше, совершенно непредсказуемо. Мне сейчас 33, возраст Христа»[7].

Группа «Зоопарк»: Илья Куликов, Александр Храбунов, Майк (Михаил Науменко), Андрей Муратов, Валера Кирилов. Автор фотографии – Борис Нерода. Источник: Кушнир А. Майк Науменко. Бегство из зоопарка. М.: Выргород, 2020, с. 218.

Моя личная встреча с Майком Науменко состоялась летом 1991 г. в Ленинграде. Я в ту пору работал в Теплоэнерго-1 оператором котельной по адресу – ул. Черняховского, 16/5. Эта котельная была по-своему примечательна. На втором этаже располагались кабинеты мастеров, на первом котельная. К котельной примыкала двухэтажная пристройка. Внизу находился гараж, где стояла армейская машина ГАЗ-66 УНГ, которая иногда по ночам куда-то выезжала. Всякий раз, когда машина заводилась, зловонные выхлопные газы через различные щели проникали в помещение котельной. Куда выезжала эта машина и почему военный УНГ стоял не где-то в армейской части, а в обычном неохраняемом гражданском гараже, порождало разные слухи. Говорили, что машина принадлежит КГБ, что они пеленгуют разных шпионов. На верхнем этаже пристройки находилась голубятня. Ежедневно, утром и вечером, приходил туда старичок-еврей, который проводил уборку в голубятне. Про голубятню тоже говорили, что она принадлежит КГБ, что голуби с какими-то датчиками летают в Финляндии. Технически я был малообразован, поэтому верил во все эти рассказы про голубей, летающих с датчиками в Финляндию.

А ещё во дворе нашей котельной, расположенном по соседству со «Всероссийским научно-исследовательским институтом жиров», стоял гараж, который, опять же по слухам, принадлежал какому-то генералу. Этого так называемого генерала – крупного, полного мужчину – я пару раз видел: он всегда приходил в сопровождении водителя. Они открывали гараж, заводили белую «Волгу» и куда-то уезжали. Появлялся он нечасто.

По улице Черняховского находился магазин, который местные называли «стекляшка». В угловой части «стекляшки» располагался винный отдел, поэтому двор нашей котельной был излюбленным местом встреч местных бичей. Чтобы нам излишне не докучали раз-

Группа «Зоопарк», после концерта. Коми АССР, город Ухта, Дом культуры и техники (ДКиТ). 1988 г. Фотография из открытых источников. Доступный ресурс: https://vk.com/wall-2803_46687?ysclid=lljlyzb0d4907873518. Дата обращения 22.11.2022 г.

личными просьбами вроде «выручи, дай стаканчик», мы купили набор гранёных стаканчиков и выставили их на лестнице, которая была прикреплена к стене гаража «генерала».

Летом 1991 г. меня подрядили на ремонтные работы. В подручную мне дали работающую у нас студентку 3 курса института киноинженеров. Фамилию девушки я уже не помню, но, собственно, даже в то время её больше знали по прозвищу – Вера Гагарин. Она была рок-тусовщицей, и всякий раз, когда её приглашали на очередной рок-сейшен, утвердительно отвечала: «Поехали!» Так, собственно, её и прозвали: Гагарин. Так её звали мастера, так её звали и операторы.

В течение лета я трудился в паре с Верой Гагарин. Каждое утро мы выкатывали тележку, нагруженную банками охры и битумного лака, и отправлялись в одну из котельных по улице Черняховского. И вот в один из этих дней, когда мы после обеда выходили с котельной со своей тележкой, Вера толкнула меня и негромко сказала:

– Смотри, Майк!

Я оглянулся. Около гаража во всём чёрном (рубашка и брюки тёмного цвета, в тёмных очках) стоял Майк Науменко. Неподалёку от него стояло несколько групп «местных прихожан» нашей «стекляшки» – алкаши с утомлёнными лицами, как пелось в одной из песен А. Городницкого. Какая-то глубокая тоска сквозила в этой одиноко стоящей фигуре Науменко, среди этих местных «алкашей». Мне почему-то вдруг вспомнилась фраза из беседы Франца Кафки с Густавом Яноухом: «Гораздо более, чем Каспар Гаузер. Я одинок, как Франц Кафка».

И потом, в течение этого лета, я ещё несколько раз там же, во дворе нашей котельной, встречал Майка Науменко. Он всё так же стоял, одинокий, чуть в стороне от местных завсегдаев «стекляшки». Поджидал ли он кого-то возле этого магазина или же ему просто негде было преклонить голову, так для меня и осталось неизвестным…

В конце августа, когда страна праздновала победу над ГКЧП, промелькнула информация, что погиб Майк Науменко…

Творчество Майка Науменко за прошедшие тридцать лет после его гибели так и не стало для меня ближе, пожалуй, за исключением песни «Выстрелы» («Каждый день это – меткий выстрел, Это выстрел в спину, это выстрел в упор. За все эти годы можно было привыкнуть, Но ты не привык до сих пор <…>»), которую я время от времени слушаю в своём плеере. В остальном его песни всё так же представляются чересчур брутальными…

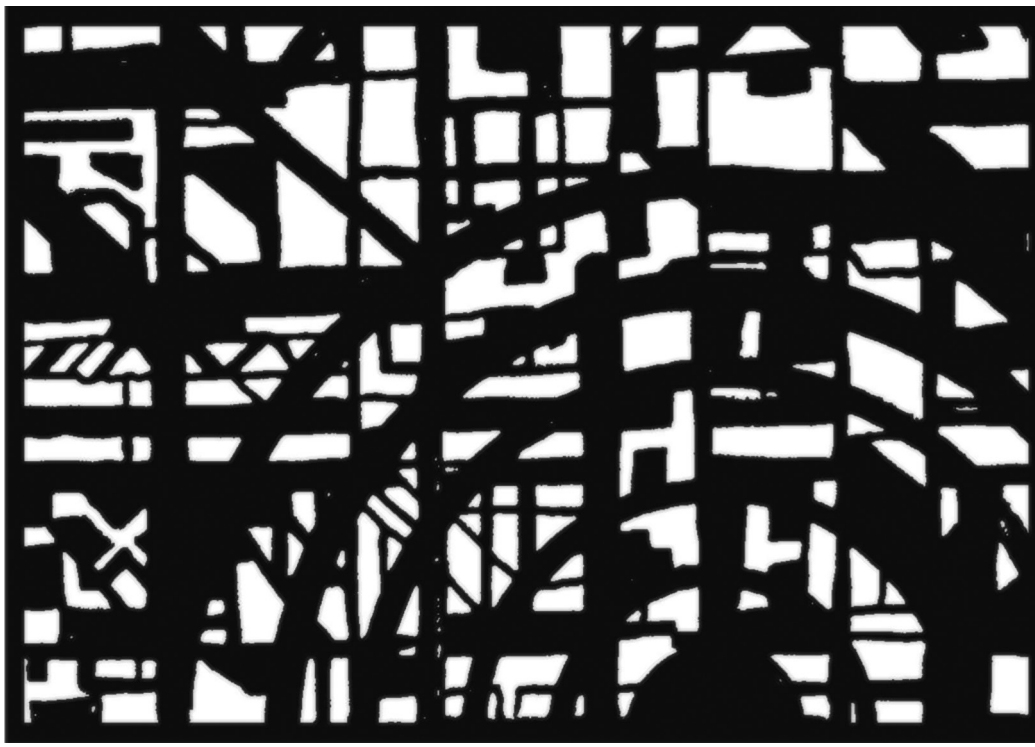
Котельную по улице Черняховского уже давно разобрали: теперь там стоит модульная котельная, которая управляется дистанционно.

Когда мне случается бывать в том районе, среди прочего вспоминается и лето 1991 г. – одиноко стоящий Майк Науменко во дворе дома по улице Черняховского 16/5: «одинокий, как Франц Кафка»…

---

[1]Помимо «поскотины» были и другие, как бы сейчас сказали, культовые места в студенческом общежитии – «Эвэрест» в блоке, где жили студенты физико-математического факультета, «берлога» на филологическом…
[2]Григорий Спичак. «Вячеслав Ентин. Штрихи памяти к портрету времени» – Доступный ресурс: https://proza.ru/2009/10/06/1125. Дата обращения 09.09.2022 г.
[3]Какая Марья без Ивана // Молодёжь Севера. 6 марта 1988 г. № 28-29.
[4]Новые лица московского рока // Молодёжь Севера. 3 апреля 1988 г. № 40.
[5]Городской рок-фестиваль // Молодёжь Севера. 7 февраля 1988 г. № 16 (5963).
[6]Алиса с косой чёлкой // Смена. 1987. 22.11.1987. № 269.
[7]Зоопарк в Сыктывкаре // Молодёжь Севера. 15 мая 1988 г. № 58.

АРТ-ФАКТ

Светлана
ГРАЧЕВА

***Светлана Михайловна Грачева**, доктор искусствоведения, профессор, декан факультета теории и истории искусств Санкт-Петербургской академии художеств имени Ильи Репина, член-корреспондент Российской академии художеств.*

«Вахта» на Переправе

В августе 2023 года состоялся российский живописный пленэр в Национальном парке «Югыд ва» Республики Коми. Куратор Ольга Орлова (член Союза художников России), идея была поддержана администрацией г. Инта, депутатом Государственного Совета Республики Коми Александром Поповым, Интинским краеведческим музеем, Национальным парком «Югыд ва».

Замечательные художники из Вятки, Санкт-Петербурга, Сыктывкара стали участниками недельного пленэра, наполненного разнообразными впечатлениями. Каждый из них имеет свои достижения в области искусства и высшего художественного образования и являются постоянными участниками различных выставок, пленэров и симпозиумов в России и за рубежом. Так, Аркадий Львович Николаев преподаёт архитектурную колористику, живопись и графику в Вятском государственном университете; Светлана Александровна Бутакова и Анастасия Владимировна Денисова – доценты кафедры изобразительного искусства Института культуры и искусства Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина; автор данной статьи – профессор Санкт-Петербургской академии художеств и её коллеги, живописцы Иван Борисович Журавлев и Владимир Владиславович – стажёры творческой мастерской монументальной живописи, возглавляемой профессором В. А. Мыльниковой, и педагоги подготовительного отделения Санкт-Петербургской академии художеств.

Для начала все члены команды совершили путешествие по железной дороге до Инты, где гостеприимное руководство города в лице Ольги Евгеньевны Поповой организовало встречу участников и обеспечило их транспортом. О том, что транспорт являлся важной организационной составляющей пленэра, хочется сказать отдельно, так как добраться без него во все самые, казалось бы, недоступные места предполагаемой экспедиции было бы невозможно. Художникам невероятно повезло, так как организаторы

встретили их на уникальном вездеходе Трэкол, да ещё и управляемом потрясающим водителем – Алексеем Куликовым, сумевшем хладнокровно преодолеть все сложности экстремальных поездок. С самого начала путешествия стало понятно, что путь предстоит непростой, но невероятно интересный.

Несмотря на труднопроходимость дороги до базы «Переправа», где предстояло проживать художникам, и на сложности её преодоления, Приполярный Урал сразу же дружелюбно встретил гостей: россыпью голубики и костяники, словно стоящих на страже у дороги рядами грибов, и невероятными красками августовской тундры, отличающимися тончайшими нюансами и переливами серебристо-зелёного, дымчато-розового, прозрачных голубых оттенков, уже соседствующих с желтовато-охристыми островками загрустившей в преддверии осени листвы кустарников и деревьев. Панорамы вершин Уральских гор, открывающиеся с разных ракурсов, сочные золотые закаты, кристально-прозрачные восходы, двойные радуги после лёгких грибных дождей сразу же вовлекли в своё пространство и заставили забыть о повседневном течении времени. Радушную встречу устроили гостям и на базе «Переправа» Интинского филиала Национального парка «Югыд ва» благодаря специалисту по развитию туризма – Марине Малышевой. Несколько потрясающих дней на берегу реки Кожим наполнили художников творческим вдохновением и позволили пережить незабываемые мгновения. Достаточно быстро, как результат коллективного сотворчества, родились название и слоган пленэра «Вахта. Есть такая профессия – Родину рисовать».

Отметим, что буквально все обстоятельства благоволили художникам и, можно сказать, что сама Природа покровительствовала пленэру, «обеспечив» прекрасную солнечную погоду, позволяющую совершать сложные маршруты, восхождения на небольшие горы и даже купания в студёной чистейшей воде стремительных горных рек. Конечно же, благодаря доброжелательному настрою руководства парка у живописцев была совершенно уникальная возможность оказаться в недоступных и таких диковинных местах «послед-

них диких земель Европы», как именуют Приполярный Урал, и куда невозможно попасть в иных обстоятельствах без специального снаряжения, подготовки и сопровождения.

Нам удалось побывать в заповедных местах: проехать на лодке по руслу Кожима, увидеть его потрясающие каньоны, побывать в урочище Каменной бабы, на скалистых берегах реки Балбанью, в ущелье Сюразь-Русь-Вож, у хребта Сюра-из, на озёрах Верхнее и Малое Балбанты, увидеть очертания вершин Народной, знаковую гору Еркусей (Шаман-гору), посёлок Желанное, базу Санавож, потрясающей белизны искрящиеся кварцевые дороги, заброшенную штольню с огромными ледяными кристаллами и снежинками, очутиться на мгновения в предгорной тайге, проехать по тундре… Бесконечная смена неожиданных и ярких впечатлений (например, прогуливающиеся по тропинкам тетёрки или прыгающие из-под ног зайцы) рождала всё новые и новые образы у художников, которые не скрывали своих волнений от увиденного.

После возвращения из «Югыд ва» был ещё день в Инте, в течение которого художники писали этюды города, затем открытие выставки по итогам пленэра в Краеведческом музее. Экспозиция объединила более 30 работ, выполненных в разных техниках – маслом, акварелью, акрилом. Главным образом это пейзажи, но также и два портрета (петербургские художники, выпускники академии И. Журавлев и В. Видяйкин организовали небольшое «соревнование» по написанию пленэрного портрета водителя Трэкола, Алексея, который несколько часов с невероятным тщанием позировал живописцам, что достаточно сложно делать в условиях северной природы из-за насекомых, не позволяющих забыть, что ты не в раю). Однако все – и мастера, и модель – остались очень довольны и процессом, и результатом, а зрители – портретным сходством.

Несмотря на быстрый темп всех мероприятий, можно сделать некоторые обобщения по поводу творческих результатов пленэра, представленных на выставке. Каждый из участников продемонстрировал высокий профессионализм и умение работать на натуре, в весьма непредсказуемых условиях, способность быстро адаптироваться к новой местности и выделять самое существенное в увиденных мотивах.

Так, архитектурно-дизайнерское мышление виртуозно использовал в ярких декоративных пейзажных композициях Аркадий Николаев, работающий в акриловой технике. Его работы отличаются графической чёткостью, лаконичностью и эффектными цветовыми сочетаниями. В них сразу же угадывается богатейший опыт декоратора и практика-архитектора, умеющего концептуально и достаточно быстро выразить идею на плоскости. В загадочных скалах реки Балбанью А. Николаев увидел и передал сложность рельефных очертаний, смелые светотеневые контрасты, яркие цветовые пятна в неожиданных сочетаниях. В панорамных видах Кожима – мощь и неукротимость прекраснейшей реки Урала раскрыты через геометричность форм, усиленных смелыми цветными пятнами сложно смешанных акриловых красок. Не вдаваясь в излишние детали, но чётко угадывая суть, «характер» того или иного места, его пластические особенности и специфику, этот автор добивается точного «портретного» сходства и узнаваемости изображаемого мотива, будь то горная река, или скалы, её окружающие, или таёжные дали, или бархатистый покров тундры…

Владимир Видяйкин удивил поэтичностью образов и тщательностью проработки деталей своих реалистических пейзажей, написанных маслом на холстах в традиционной для академических живописцев манере, в духе В. В. Мешкова («Кожим», «Каменная Баба»). Индивидуальность молодого мастера проявилась в романтическом настроении, пропитывающем каждый элемент его пейзажей, в тонко выписанных в лессировочной манере деталях. От его острого и глубоко лирического взгляда не ускользают солнеч-

ные блики на поверхности воды и камня, характерные свойства разных видов растений, переменчивость состояний освещения земли и неба. Удивляет, что за короткое время пленэрных сеансов он добивается достаточно тонкой нюансировки масляной живописи и её завершенности. Его этюды имеют картинную завершённость и даже «музейность».

Живопись Ивана Журавлева отличается особым темпераментом. В своём творчестве он вдохновляется наследием Г. Коржева и стремится работать на натуре, отбирая всё самое характерное, проявляющее особенности той или иной местности. И. Журавлев пишет масляными красками пастозно, обобщённо, избегая излишней повествовательности, и даже в небольшом размере холста достигает монументальности образа. Он уверенно сочетает масштабность видения с острым вниманием к от-

дельным деталям, позволяя себе писать свободно, размашисто, легко моделируя пластическую форму и добиваясь объёмности, колористической цельности и реалистичности в передаче глубины пространства, что раскрывает в нём серьёзного представителя петербургской академической школы.

Светлана Бутакова – известный в Коми мастер изобразительного искусства, работающая в разных живописных и графических техниках. Она участник многих пленэров и уже не новичок в «Югыд ва». На этот раз С. Бутакова осваивала технику акриловых красок. Ей удалось создать несколько выразительных этюдов в окрестностях Переправы, в урочище Каменной Бабы, в Инте. Художница тонко уловила цветовые отношения здешней природы, акцентировав внимание на её северной суровости и сдержанности. Палитра художницы на этот раз состояла из достаточно плотных по фактуре пятен серебристо-серого и оттенков коричневых охристых цветов, что придало её этюдам цельность и колористическую лаконичность. Характерно, что в свои работы С. Бутакова сумела в условиях пленэра включить даже элементы коллажа, применяя их в изображениях стволов обгоревших деревьев – следов давнего грандиозного лесного пожара в районе Переправы. Этот декоративный приём безусловно усилил выразительность её произведений.

В противовес своим коллегам Анастасия Денисова выбрала акварельную технику живописи, которая на кажущуюся лёгкость проявляет много коварства в условиях пленэра и требует невероятных усилий и точности от автора. Акварель трудно поддаётся исправлениям неточностей и требует почти математического расчёта alla prima. Анастасия выбрала при этом ещё и серьёзный формат бумаги, размером почти А3 листа. Писать пейзажи такого большого размера акварелью на открытом воздухе сложно, т. к. бумага высыхает очень быстро и художнику приходится решать одновременно множество задач. У этого автора получились лёгкие, прозрачные пейзажи, соответствующие тонким

переходным состояниям северного приполярного уральского неба после дождя, когда на небе появляются огромные радуги и капли воды искрятся на каждом листочке и травинке.

Таким образом, раскрывая характер северной природы, каждый из мастеров продемонстрировал особенности своего живописного видения и свойственного только ему творческого темперамента, что проявилось и в выборе мотивов, и в формальных решениях произведений.

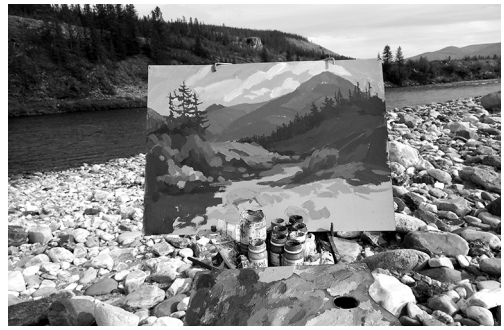
Удивительно, что, вернувшись в Инту и впервые прогулявшись по ней, художники стали писать не главную достопримечательность – водонапорную башню, а старые деревянные, подчас полуразрушенные, но невероятно «живые» дома города, в которых они обнаружили особую привлекательность, панораму улицы Мира, увиденную с высоты башни, парадные Золотые ворота. Эти картины удивили зрителей, показав им город с совершенно новых нетривиальных ракурсов, что и было отмечено на открытии выставки, раскрывшей привлекательность не только «Югыд ва», но и архитектуру славного шахтёрского северного города, имеющего сложную, но яркую историю.

В целом, выставка показала, что проект состоялся, что работы участников (каждому удалось написать по 2-3 этюда в день) «попали» в атмосферу тех мест, где они побывали, что «родину рисовать» – важно, увлекательно и бесконечно интересно.

Безусловно, что участники пленэра сохранят в своей душе любовь к «Югыд ва», к Инте, благодарность к тем людям, кто помог им совершить открытия этих новых географических и творческих горизонтов, и, конечно же, передадут свои чувства зрителям через те произведения, которые они выполнили непосредственно на натуре и которые ещё будут продолжать создавать в своих мастерских.

Спонсор проекта-пленэра «Вахта. Есть такая профессия – Родину рисовать». Инта «Югыд ва»: Благотворительный фонд «САФМАР» г. Москва.

Елена Вовк.

Поколение «Y» выбирает… себя

Анна Гордеева принадлежит к поколению художников, юность которых пришлась на начало «нулевых». Она из поколения «Y», которое называют также «поколением Сети» или «Миллениум».

Теория, предложенная американскими учёными Хоувом и Штраусом, даёт описание общих черт каждого поколения, начиная с XX века. Для поколения «Y» – людей, родившихся в период с 1984 по 2000 годы, они таковы.

«Игреки» внутренне свободны, не терпят запретов и хотят всё и сразу. Престижная работа и материальные ценности не являются для них столь же важными, как для их родителей. Вместо того, чтобы карабкаться вверх по карьерной лестнице, они развиваются по горизонтали. Сегодня на руках у них вузовские дипломы (а зачастую и не один!), но в головах – «каша». Точнее, «каша» с точки зрения их родителей, которым кажется, что «игреки» инфантильны и сами не знают, чего хотят. «Игреки» строят амбициозные планы, но часто не обладают необходимым упорством для их достижения. Скорее всего, они будут стараться получить опыт сразу в нескольких сферах, потому что главное для них – это поиск своего внутреннего «Я»…

Возможно, те, кто знает художницу Анну Гордееву давно, это описание покажется необъективным. Для меня, хотя мы знакомы пока лишь заочно по переписке в сети и её работам, пазлы сложились один в один.

«Акварельная девочка»

Вы помните, как все мы ждали смену веков? Строили планы и немного боялись: каким он будет – XXI век? Наверняка Аня, которой в ночь на 1 января 2000 года было всего 14 лет, тоже загадывала желание и мечтала о чём-то сокровенном. Сбылось ли желание? Мы

Справка: Анна Павловна Гордеева родилась в 1986 году в Сыктывкаре. В 2010 году окончила Ярославское художественное училище, отделение живописи. В 2017 году – графический факультет Московского Государственного Академического института им. В. И. Сурикова. В 2021–2022 годах награждена дипломом ОХГСИ за участие в групповых выставочных проектах. Член Московского Союза художников. Участник всероссийских, московских, союзных, групповых и тематических выставок. Работает в области станковой графики. Владеет различными изобразительными техниками и материалами (акварель, акрил, масло, гуашь, карандаш).

не знаем, это личное. Но точно знаем, что этой девочке очень повезло. Её детство прошло в любви, в окружении дружной компании педагогов и сверстников, воспитанных на красоте.

Самобытное художественное дарование Анны проявилось рано. Увидев тягу дочки к рисованию, родители привели её в Сыктывкарскую детскую художественную школу. Так получилось, что в тот год туда поступили ещё не менее десятка детей, чьи родители представляли городскую элиту «от культуры»: учёные-этнографы, писатели, журналисты, художники. На будущий год в ДХШ задумали эксперимент и открыли сразу два эстетических класса. Помимо живописи здесь изучали историю, архитектуру, мифологию, литературу. Дети вместе с педагогами выезжали на пленэры, на экскурсии в другие города. В старом деревянном доме, где тогда ютилась художественная школа, царил дух античной свободы творчества.

– Я очень благодарна своей «художке». Это было чем-то большим, чем просто школа. Это – вторая семья, где нас любили и мы любили, – вспоминает Анна. – Мне кажется, мы проводили здесь больше времени, чем дома. Было много интересных предметов и талантливых учителей. Ольга Викторовна Тестова занималась с нами живописью, Анна Владимировна Княжева вела архитектуру и рисунок. Я благодарна всем педагогам за то, что создали большой дружный мир учителей и детей. Мы до сих пор все дружим, примерно знаем, кто где находится, помогаем ... В ту школу, как в детство, уже не вернуться.

«Это был наш первый проект и первый выпуск в 2004 году. Наши дети выросли, и мы тоже выросли благодаря этим детям», – призналась Анна Княжева. Сегодня она преподаватель столь же замечательной школы-студии «Радужка», преемницы ДХШ.

После школы Анна поступила в Ярославское художественное училище, где её дипломной работой была серия работ «Северная деревня» (по мотивам пленэра в д. Муфтюга Удорского района).

Порог Московского государственного академического художественного института имени В. Сурикова, к слову, Анна переступила, когда ей исполнилось 25. Её выбор был глубоко осознанным, о чём говорит медаль Российской Академии художеств «За хорошую учёбу». Преподавателями девушки были известные художники Александр Теслик, Анатолий Любавин, Анатолий Якушин. Будучи студенткой, она активно участвует в групповых и тематических выставочных проектах, работает в разных жанрах, пишет акварелью, акрилом, маслом, карандашом… Её принимают в члены Московского Союза художников.

Стоит посмотреть на её картины, и становится понятно, что это художник, обладающий глазом колориста, тонко чувствующий цвет и способный передать тончайшие нюансы настроения.

Взгляните на серию работ «Наследство», в которой представлены стеклянные и фарфоровые предметы: бокалы, чайные пары, графины, статуэтки, вазы. Мало того, что рисовать стекло уже само по себе требует мастерства, ведь нужно сохранить на бумаге его «прозрачность», но через детали художница рассказывает нам целую историю из жизни их бывшей хозяйки.

– Очень люблю пленэр, много рисую пейзажей, – рассказывает Анна. – В прошлом году я ездила в Пыссу. Давно мечтала побывать на Мезени, отправиться по стопам художника В. Ф. Стожарова. Конечно, село уже совсем не такое, как на его картинах, в которых кипит жизнь, а сейчас много огромных могучих домов заброшено. Удивительные места: бесконечные пески, бескрайний лес и река – всё это хотелось передать в картинах.

В планах поездить по родной Республике Коми, чтобы познакомиться, увидеть, запечатлеть наши северные красоты.

– Что люди говорят, когда видят вас с мольбертом?

– Обычно подходят, удивляются, не понимают, что тут рисовать. Для них ведь вся эта красота привычна. Но всем интересно, что получится.

Работы Анны понятны: они вызывают живые эмоции и переживания, наполнены внутренней гармонией и музыкой. Её картины «поют».

– Вы слушаете музыку, когда работаете?

– Практически не слушаю, когда рисую. Может, только первые 15 минут, когда начинаю работать, чтобы немножко подзарядиться. Потом музыка начинает мешать. Раньше очень любила русский рок, группы «ДДТ», «Алиса», «Наутилус». Сейчас рок не слушаю совсем, вкусы меняются со временем. В моём плейлисте сегодня только иностранные группы.

– Вы пишете в основном пейзажи. Почему не портрет, не сюжетная картина? Сегодня ведь есть другие способы запечатлеть красоту природы. К примеру, фото на смартфон…

– Неправильно будет говорить, что я рисую только пейзажи. У меня и портреты есть, и натюрморты. Ещё я иллюстрировала книги для издательства «Анбур». В этом году «Аська, Тришка и другие» с моими иллюстрациями выиграла конкурс «Книга года» в номинации «Книга-билингва». Сюжетную картину сегодня вообще мало кто рисует. Может, время какое-то другое. Да, пейзажей у меня больше, чем других картин в основном – это северные пейзажи, меня вдохновляет наша природа, часто помогает выйти из застоя. Пока так. Завтра, может, мне захочется рисовать что-то другое, я переключусь и буду рисовать другое. Фотография, абсолютно точно, никогда не заменит художника. И у художников нет цели соревноваться с фотоаппаратом. Это разные истории. Можно красиво сфотографировать портрет, а можно его нарисовать. Художник передаст ваш образ, увидит характерное и выразительное, решит, что нарисовать, а что исключить из картины. В фотографии есть документальная составляющая. Мне кажется, в этом поле уже давно никто не сравнивает картину и фотографию. Это два разных направления в искусстве.

Художник или искусственный интеллект?

– Как вы думаете, художник как профессия останется в будущем? Искусственный интеллект наступает по всем фронтам.

– Я думаю, искусственный интеллект не вытеснит художников. Когда появилась фотография, все думали, что художников больше не будет. То же самое, когда появилось кино, все говорили, что больше не будет театров. Как мы видим, всё есть. Искусственный интеллект – это тоже интересно, но, когда приходишь на выставку, то понимаешь, что люди думают по-другому. У них другое сознание, другое мировосприятие, и всё это они закладывают в свои работы. Недавно была на выставке «Cosmoscow», там робот рисовал картину известного современного художника Миши Most. Делал точную копию. Всё получилось? Да? И что же, теперь можно сказать, зачем нам нужен Миша Most, пусть робот рисует? Но ведь робот всё равно рисовал то, что ему заложили, а не то, что он придумал. Нейросети стали рисовать картины, писать книги, музыку, видео: конечно, это ускоряет процессы, и можно беспокоиться о замене профессий. Но нейросети не могут выдавать принципиально новые идеи, а могут лишь повторить, собрать картинку или текст из имеющейся информации, они лишены абстрактного мышления.

– Вы остались в Москве и, наверное, уже чувствуете себя настоящей москвичкой?

– Нет, не думаю. Конечно, в 18-19 лет это была моя мечта – переехать в большой город. Несомненно, Москва открывает какие-то перспективы, но ими тоже надо уметь пользоваться. Много времени уходит на дорогу, на какие-то бытовые истории. Сейчас я понимаю, что если бы не вышла здесь замуж, то, скорее всего, вернулась бы. Я скучаю по нашим елям, по природе. Парки никогда не заменят наш лес, воздух, речку. Я вот каждое лето езжу в нашу деревню

Корольки Прилузского района, просто сходить за грибами, покупаться, воздухом подышать, в тишине немножко побыть. Просто привести мысли в порядок, отойти от большого города. А потом, когда приезжаю обратно в Москву, слышу каждый звук, мне кажется, что тут ужасно шумно, всё это раздражает. Потом привыкаешь и опять ждёшь. Приезжаешь в деревню, а там кажется пусто, тихо… И так каждый год.

Иногда я думаю, что бы было, если бы мы все, кто уехал, закончив разные вузы, вернулись. Сколько бы мы всего вместе уже натворили в Коми! Но, к сожалению, мало кто возвращается. Это такой минус для Сыктывкара, ведь у нас замечательный город.

– Последние события в стране как-то отразились на вашем творчестве?

– В прошлом году была такая странная осень, какая-то нервная, пустая, что ли. И я сделала серию работ, более 20 таких небольших картиночек. Я каждый день из окошка рисовала небольшой пейзаж, и каждый день он был совсем разным. Это могло быть утро, день, вечер. Потом выпал снег, потом началась московская слякоть… Сейчас я смотрю на эти работы и думаю, что моё настроение полностью в них отразилось. И именно эти мои ощущения никогда не повторятся. Так я отвлекалась от происходящего вокруг, чтобы не думать, и мне это помогло.

Очень много людей из нашего арт-сообщества прошлой осенью уехали за границу, и Москва как-то сразу опустела. Моё личное и художественное пространство. Было очень тревожно. Ведь мы думали, что можем помочь своей стране своей жизнью, а не смертью… За этот год мы много всего приняли. Я стараюсь абстрагироваться, иначе сложно жить, работать.

– Чем хотите заняться, в каком направлении двигаться?

– Планов очень много. Хочется воплотить в жизнь все отложенные идеи, работаю над новой серией картин. На этот год запланирована новая книга. Начали с группой художни-

ков проект – выставки в разных небольших городах. Первая уже прошла в Великих Луках весной, сейчас организуем следующую. На весну запланирована выставка в одной из Московских галерей, темой будет город и пространство вокруг. Хочется всего и побольше. В этом плане, конечно, очень нужен арт-менеджер, который бы занимался организацией выставок, продажей картин и т. д., но пока его нет, приходится всё делать самой.

– Как бы вы сформулировали три заповеди художника? И удаётся ли вам их придерживаться?

– *Рисовать каждый день.* Хоть по чуть-чуть, пусть даже просто в альбом. Навыки быстро теряются, а идеи улетучиваются, если их не зарисовывать. В нашем деле очень важна дисциплина, я этому учусь. Если нет чёткого распорядка, то и порисовать не успеешь. В современном мире мы не можем себе позволить заниматься только творчеством: много бытовых вещей, которые отвлекают. Нет, к сожалению, крепостной деревни и пассивного дохода. Иногда некоторые идеи откладываются на долгое время, и это расстраивает. Надо всё успевать.

Принять себя. Понять свои сильные стороны, честно себе признаться в том, что не можешь идти дальше. Быть искренним, сохранить свою самобытность, не думать о том, кто что скажет. Всегда можно найти своего зрителя.

Учиться новому. Очень быстро всё меняется, за последние годы очень изменилось арт пространство. Искусство в моде, и мода на художников стремительно меняется, понятно, что не будешь подстраиваться под модные течения, но знать и смотреть надо. Пробовать себя в разных видах искусства. Я вот, например, всё хочу заняться керамикой и почему-то откладываю. Видимо, на следующую жизнь. Придерживаться, конечно, сложно, особенно с принятием. Иногда хочется выбросить все картины в окно и заняться чем-то другим. Кажется, что всё не так и можно было лучше. С другой стороны, сомнения – тоже своеобразный двигатель.

Ну, вот, думаю, вы убедились, что Анна – типичный «игрек». Пока она ищет себя «по горизонтали». Может, с возрастом и накопленным опытом ей захочется «копать вглубь». Но главное – в её работах видна эта жажда поиска. А ещё перспектива развития, что важно не только для художника – для любого человека, желающего не просто быть, но и стать. В этом поиске и есть смысл жизни. Для любого поколения.

P. S.: Каждые 20 лет на свете появляется новая человеческая генерация – очередное поколение, вступающее в ментальный конфликт с предыдущим. Американские учёные Хоув и Штраус разложили поколения «по полочкам», определив их роль в истории. Если взять последнее столетие, то эта классификация выглядит так: в 1900–1923 годах – «GL» («поколение выживших»). На их долю выпали все ужасы XX века – кризисы, войны, революции; 1923–1943 годы – «молчаливое поколение»; 1943–1963 годы – «поколение бумеров»; 1963–1984 годы – «поколение X»; 1984–2000 годы – «поколение Y»; с 2000 года – «поколение Z».

«Засуха». Этюд. Пленэр. 2022.
Бумага, гуашь, 20х30 см.

Серия работ «В дальней глубине материка» («Домой»). 2017.
Бумага, акрил, 70х116 см.

«Прозрачное утро. Пысса». Этюд. Пленэр. 2022.
Бумага, гуашь, 20х30 см.

«Северная деревня. Муфтюга». 2010.
Бумага, гуашь, 40х60 см.

Серия работ «В дальней глубине материка. Высокая трава». 2017.
Бумага, акрил, 70х114 см.

«Большая Пысса». Пленэр. 2022.
Бумага, гуашь.

«Оберег». 2010.
Бумага, гуашь, 30х60 см.

«Лодка». Этюд. 2009.
Картон, масло, 20х30 см.

«Муфтюга». Этюд. 2009.
Картон, масло, 20х30 см.

«Прилузские бабушки». 2016.
Бумага, акрил, 70х95см.

«Зной». Этюд. 2022.
Бумага, гуашь, 13х24 см.

«Вечер». Этюд. 2022.
Бумага, гуашь, 15х29 см.

«Сторож». 2016.
Бумага, акрил, 70х95 см.

«Северная деревня. У колодца». 2022.
Бумага, гуашь, 40х60 см.

Серия работ «В дальней глубине материка. Вечер». 2017.
Бумага, акрил, 70х116 см.

«Закат. Большая Пысса». Пленэр. 2022.

«На Мезени. Пысса». Пленэр. 2022.
Бумага, гуашь.

«Мезень. Пески». 2023.
Холст, акрил, 70х70 см.

«Розовый снег». 2022.
Бумага, акрил, 18х20 см.

«Первый снег». 2022.
Бумага, акрил, 20х20 см.

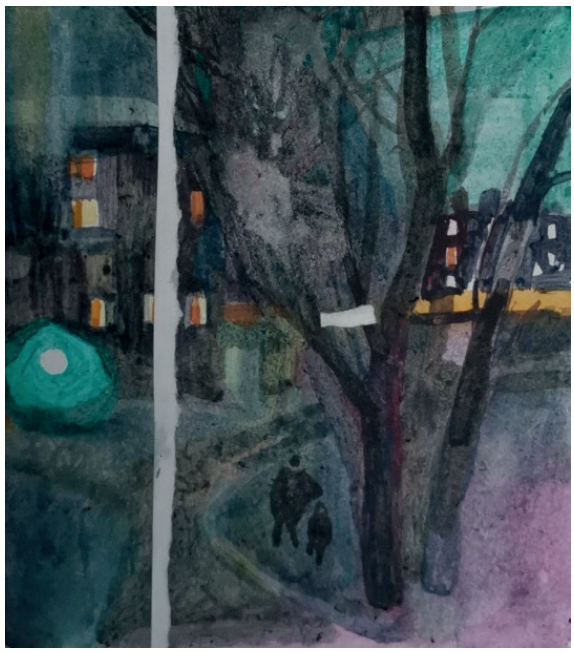
«Пусто». 2022.
Бумага, акрил, 16х21 см.

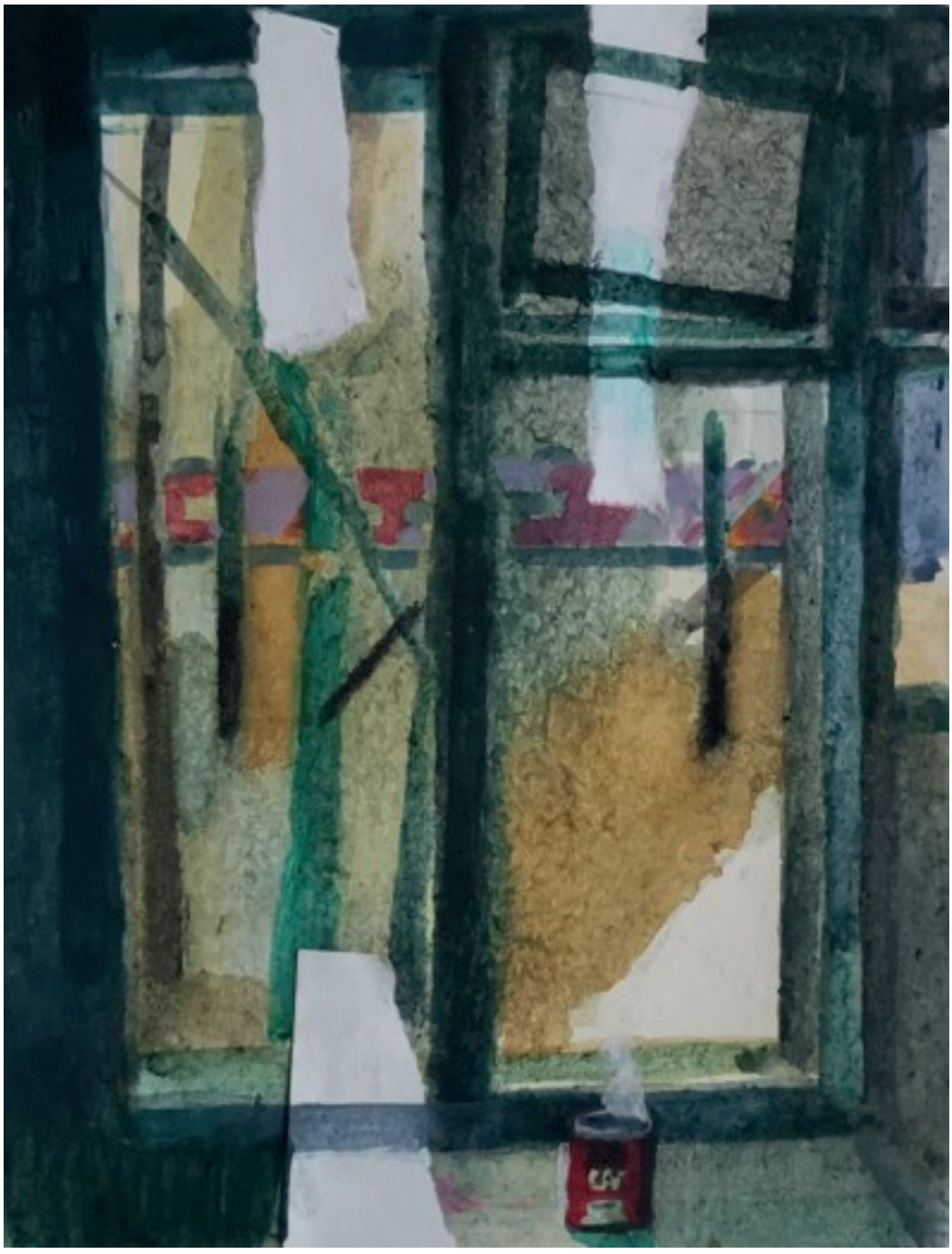
«Волны». 2022.
Бумага, акрил, 17х21 см.

«Зубы». 2022.
Бумага, акрил, 18х20 см.

«Снежно». 2022.
Бумага, акрил, 20х21 см.

«Пеле». 2022.
Бумага, акрил, 13х16 см.

Серия «Наследство. Ценности». 2020.
Бумага, акрил, 60х60 см.

Серия «Наследство. Сервизы». 2020.
Бумага, акрил, 60х80 см.

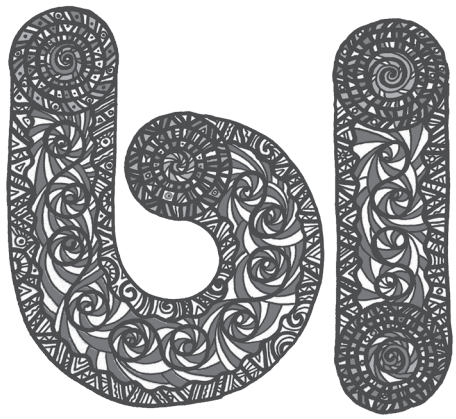
Серия «Наследство. Хрусталь». 2020.
Бумага, акрил, 60х60 см.

Серия «Наследство. Отражения». 2022.
Бумага, акрил, 60х60 см.

«Иконостас». 2023.
Бумага, акрил, 75х75 см.

ТОМ ГИЖЫСЬЯСЛӦН
ЛИТЕРАТУРНӦЙ ЖУРНАЛ

Мария Ушенина (Череповец)

Гортса пу

Мойд

– Дуня, Дуня, – Ваня чуксаліс чойсö. – Дуня, чеччы!
Дуня очсыштіс:
– Мый нö? Тэ мыйла он узь?
– Тсс, – Ваня инмöдіс чуньсö вом дорас да чашкöдіс синсö. – Кылан? Мый тайö?
– Тöв ныр? – шыгыртліс пельпомсö Дуня.
– Абу. Кöнкö тані да. Стен саяс быттьö.
Дуня кывзысьыштіс.
– Шаркöдчö. Сöмын оз стен саяс, а пытшкас.
– Гашкö, шыр да? – нимкодь лои Ванялы. – Либö таг?
Шыр кöть таг – Дунялы пöсь ни кöдзыд.
Нывка гартыштчис шебраснас да регыд мысти унмовсис.

Кымын лун-вой колис – некод эз артав. Öтчыд вой шöрнас Ваня бара Дуняöс пальöдö:
– Кылан?
– Мый?
– Сійö катшкöдчö.
Дуня чошкöдліс пельсö.
Стенмас кодкö шаркöдчис да дзуртышталіс, гирскис да гольскис. Быттьö керка пытшкас кукуруза тусьясыс пöрömаöсь попкорнö либö жö доналöм рачын чеччалö семечки: клоп! тытш! дітш!

Тайö войсяньыс лои гögöрвоана: керкаын Ваня, Дуня, налöн мам да бать кындзи эм нöшта кодкö.
Жыръясö овмöдчис чöскыд кöр. Стенъяс пытшкын öтырышъя мыйкö вешъяліс да кышакыліс.
– А друг сійö көсйö петны? – повзьöдліс Дуняöс Ваня. – Со и ветлöдлö сэті, петанін корсьö.
– Мед эськö петас да! – син бöжнас видзöдлывліс стенлань Дуня.
И пуксьывліс ылöджык. Мыйыс оз овлы да…

А нöшта гагъяс.
Мыйкö найö содны кутісны.
Асывсяньыс рытöдзыс керкаö зілисны писькöдчыны бобувъяс, мазіяс да гагъяс. Медъёна Дунялы да Ванялы воис сьöлöм вылас ыргöн таг. Сійö жургис, быттьö уліті лэбысь самолёт: жу-у-у. И вöлі мунö ыргöнасьыс турунвиж ёкмыль вылö, кодлöн бокъясас тэрыба вöрисны бордъяс.

Нӧшта ӧти вежон мысти стен пытшкас шыыс вежсис, сійӧ лоис небыдджык, шыльыджык.

Дуня первойӧн казяліс, мый мазіяс, бобувъяс да ыргӧн гагъяс кытчӧкӧ вошӧмаӧсь. А сэсся керка вылӧ зырӧдісны номыръяс. Ӧшиньясӧ пондісны кыйкъявны пелыськайяс да ябыръяс.

Ӧтчыд Дунялӧн да Ванялӧн мамыс пуксяс зі вылӧ. Визя-визя збыльнӧй чушканзі вылӧ.

Мам вӧлі буретш пуӧ пажын. А картупельсӧ весавны пуксяс джек вылӧ. Но сӧмын на шлапкысяс, кыдз тай мыйкӧ сатшкысяс кокас.

– Ай! – горӧдас мамныс.

Звирк чеччыштас да пыркнитас платтьӧ бӧждорсӧ. Джоджӧ тітшкысяс кольмӧм зі.

– Мый тэ бара-й тані вӧчан-а? – пузяскодь мам.

Зі нинӧм оз вочавидз, паськӧдас бордсӧ да быйкнитас ӧшиньӧд ывлаӧ.

– Ваня, Дуня! – горӧдас мам. – Миян дорӧ зіяс пырӧмаӧсь, мед оз курччыны-а.

– Но, но, – ӧтлаын вочавидзасны Дуня да Ваня и пондасны видзӧдны, кыдзи зіяс ӧти бӧрся мӧд петалӧны тӧлӧдан решётка синъясӧд.

Кор стен пыр визувтысь зі ёльыс лоас ю кодь паськыд, чоя-вока котӧртасны батьнысла.

– Стенмын зіяс? – пыксис батьныс. – Сӧранныд жӧ кӧ-а?

Но челядь эз сӧрны.

– Видзӧд, – индісны зі ёль вылӧ.

Зіяс вуджисны стен бердті тӧлӧдан решёткалань.

– Тадз оз скодит, – шуис батьныс.

И сувтӧдіс стен бердӧ джек.

А мыйӧн вештіс решёткасӧ, зіяс пондісны ызгыны да пыр жӧ сунгысисны шахталӧн пемыдӧ.

– Медтыкӧ сӧмын эз поздысьны, – вашкӧдіс бать.

Дукасьыштіс. Кыськӧ шахтасянь ӧвтіс яблӧга варенньӧ дукӧн. Либӧ мармеладӧн?

– Тешкодь, – шыгыртліс пельпомсӧ бать. – Нем ог гӧгӧрво.

И горӧдіс мамлы:

– Мый нӧ талун пажын вылас? Яблӧга варенньӧ али мый?

– Абу, – чуймӧмӧн вочавидзис кухнясянь мам, – мыйла варенньӧ? Борщ пуа да.

– Тешкодь, – бара на шыгыртліс пельпомсӧ бать. – Нем ог гӧгӧрво.

Бать мӧдіс дук вылас.

Но яблӧга варенньӧ кӧрыс керка пасьтала разалӧма. Кытысь и корсян?

Бать эз шӧйӧвош – став стенсӧ тотшкӧдіс.

– Тешкодь, – бара шыгыртліс пельпомсӧ. – Нем ог гӧгӧрво. Тӧщӧиныс стенъясас абу. Варенньӧ дозйыс абу жӧ.

Тӧщӧиныс да дозйыс абуӧсь, а варенньӧ дукыс эм.

Бать бӧр косіс тӧлӧдан решёткалань.

Кавшасис джек вылӧ да югзьӧдіс шахталысь пемыдсӧ пӧнарикӧн.

Батьлӧн синмыс мортлӧн кодь, мый сэсся керан. А вӧлі кӧ лёльӧлӧн кодь, бать, эськӧ важӧн нин шахтаас кыйкнитліс. А тадзтӧ мый? Пӧнарикнас югӧдан, но нем он аддзы.

– Нем ог аддзы, – ышловзис бать. – Ковмас мыйкӧ думыштны.

Сійӧ мӧвпалыштіс да кайис керка вевт вылӧ, тӧлӧдан шахта петанінлань. Пондіс ёнджыка ӧвтны яблӧга варенньӧ кӧрӧн, а зіяс нӧшта на гораджыка мӧдісны ызгыны.

Бать östіс пönариксö да видзödліс трубаö.

– Но и но! – шутёвтыштіс. – Да танi жö яблоня!

– Кутшöм яблоня? – шемöсмömön шыасисны дзиръя дорсянь Дуня да Ваня.

– Да збыльнöй! Яблöга.

– Оз вермы лоны! – Дуня да Ваня чилöстісны нимкодьысла.

– Вермö тай, – кывъясис батьныс. – Тайö яблоняыслы, тыдалö, зэв лöсьыда овсьö миян керка стенъясын, быттьökö гортас. А зіясыс, буракö, сёйöны яблöгсö, вывті нин ёна воöма да.

Бать копыртчис да дзумгысис трубаö, куш кокыс колис чурвидзны ортсыас. Öшалыштіс тадзи, весьköдчис, а киас – яблöг. Зэв на и чöскыд видзödömпырысь. Бергödлыштіс киас яблöгсö, чышкаліс döрöм соснас – и кыдз тай курччас зарни боксö!

– Ммм… – читкыртчыліс бать.

– Пап, пап! – пондісны чеччавны улысас Дуня да Ваня. – Пап, миянлы нетшышт жö! И мамлы тшötш!

Бать öктіс футболка тырыс яблöг да лэччис.

– Но и но, – Дуня да Ваня вылö видзödігмоз шензис мамныс. – Кытысь бара-й миян керкаын яблоняыс босьтчис-а? Эз жö öд ачыс стен пытшкас писькödчы?

– Ö-ö-ö, – сьödас вочавидзисны яблöгсö бырödігмоз Дуня да Ваня.

– Ой! – Дуня сиптыштіс кинас вомсö, бергödчыліс мамыслань – оз-ö кывлы? – и копыртчис Ваня дорö. – А помнитан, тэ арнас тойыштін яблöг köйдыссö плинтус улö?

Ваня пыркнитіс юрнас.

Но сэсся и збыльысь дум вылас мыйкö уськödіс да мудера нюммуніс:

– Тайö эксперимент вöлі: быдмас оз стенмын яблоня.

А сэсся дугдіс нюмъявны, дзоргödчис курччыштöм яблöг вылас:

– Ой. Быдмöма.

Дерт, ковмис висьтавны мамныслы и батьныслы, кытысь босьтчис керкаын пуыс. Найö шöйövошлісны. А сэсся шуисны чукöртчывны.

Матыстчис кödзыд тöв. Вывті кödзыд тöв.

– Со кыдз, – дугдіс лыддьыны поводдя серти юöрсö бать. – Мый нö мödам керны?

– Либö нем ог кутöй вöчны? – стöчмödіс мам.

– Кутам-кутам, – ötпырйö горödісны Дуня да Ваня. – Миянлы колö мыйкö вöчны! Öд тайö öні миян яблоня. Оз позь сійöс кынтыны.

– Оз, дерт, позь, – ötикывъясисны мам-батьныс.

И тöв кежлас важ дорсьыс ёнджыка «шонтісны» керкасö. Пытшкöссяньыс и ортсысяньыс. Мед яблонялы тшötш лоас шоныд.

Тöв чöжыс керкаын кыліс косьтöм яблöг дук. Шыръяс гажаа тювкъялісны стен бердті, а войнас шняркъялісны стен пытшті, йирисны яблöг.

Мам корсюрö кавшасьліс куснясян пос вылö, босьтліс тöлödан решёткасö да кималасöн корсис косьтöм яблöгсö, мед пуны компот.

– Ммм, – кыскыштлісны нырнас Дуня да Ваня.

И котöртлісны кухняö юны чöскыд-чöскыд компот.

Тöв чöжыс бать визьйödліс кутшömкö схемаяс.

А мыйӧн стенмын кутіс вӧрӧдчыны яблоня, а ӧшинь сайын пондіс польдыны гар, сійӧ кавшасис чертёжъяснас керка вевт вылӧ.

Лунтыр сэні мыйкӧ вундаліс да гогналіс, тотшкӧдчис мӧлӧтӧн и весиг киськасис лейкаӧн.

Мам, Дуня да Ваня виччысисны.

Ужин кежлӧ бать лэччис сэтшӧм долыд – пыр и гӧгӧрвоим: ставыс артмӧма.

– Но, кывзӧй, – кыпыда шыасис сійӧ. – Кӧсъя тіянлы висьтавны, мый восьті миян яблонялы енэж.

– Ура! Папным восьтіс енэж! – горӧдісны Дуня да Ваня.

– Збыльнӧй пап – ставныслы пап, – нюмдіс мам. – Весигтӧ яблонялы.

Бать копыртчыліс челядь дорас да бара на кӧсйис мыйкӧ висьтавны.

– Пап, пап! А мыйла тэ киськалін керка вевтсӧ? – окота лои тӧдны Дунялы да Ванялы.

– Видзӧдлі, кутас оз виявны, – гӧгӧрвоӧдіс батьныс. – Окота, мед зэрыс веськаліс куш яблоня вылас. А миян юр вылӧ мед эз войтав.

Ӧні яблоня вермис луннас гож водзын шонтысьны, а войнас аддзыны кодзувъяс да тӧлысь. Сылысь коръяссӧ вӧрӧдіс тӧв, мыськис зэр.

А Дуня да Ваня казялісны, мый зэрсӧ позьӧ кывны и керка пытшкас, и ортсысяньыс.

Яблоня сэтшӧма радліс воссьӧм енэжыслы, мый бать чукӧртіс гортсаяссӧ сёрни вылӧ.

– Но, мый кутам вӧчны? Яблоняыс, казялінныд кӧ, быдмӧ зэв ӧдйӧ. Тайкӧ регыд поткӧдас керканымӧс.

Яблоня дугдіс кышӧдчыны да катшкӧдчыны, пондіс кывзысьны.

Улӧсъяс дӧзмӧмӧн дзуртыштісны.

– Виччысьлӧй, – водзвыв ӧлӧдіс бать. – Вайӧ кутам думайтны. Ме тані мыйкӧ чертіті.

Бать вештіс пызан дорышӧ яблӧга варенньӧа банка да паськӧдіс схемаяссӧ.

– Видзӧдӧй, – бать индіс шӧрас тыдалысь кытш вылӧ. – Тайӧ – миян пу.

– Но, но, – довкнитісны юрнаныс мам, Дуня да Ваня.

– А тайӧ, – бать индіс кытшсайса фигураяс вылӧ, – тайӧ – миян керка.

– А мыйла миян спальня абу квадратнӧй? – юаліс мам.

– Да, водзынджык сійӧ вӧлі квадратнӧй, – гӧгӧрвоӧдіс бать. – А ӧні… асьныд аддзанныд.

– Но да, – ӧтикывъясис мам.

Дуня да Ваня видлісны тӧдмавны, уна сэрӧга фигураяс пӧвстысь коднаныс лоӧ налӧн спальняӧн.

– Ме вӧзъя, – водзӧ нуӧдіс сёрнисӧ бать, – быӧдны кутшӧмкӧ жыр. Яблоня сыланьыс и пондас тшӧгны. А мукӧд жырсӧ ог вӧрзьӧдӧй.

– Либӧ жӧ, – бать легӧдыштіс водз чуньсӧ, – неуна вешйыштасны ӧта-мӧд дораныс.

– Но и но! – шемӧсмисны Дуня да Ваня, кодъяс буретш видлісны восьтыны яблӧга варенньӧ.

– Висьталан эськӧ лӧсьыда, – ошкыштіс мам. – И тутш-татшкерис чунь помъяснас пызан кузя, тэрыба-тэрыба. – Но мый миян керкаын лишалӧ?

Мам видзӧдіс бать вылӧ майшасьӧмӧн, бать видзӧдіс мам вылӧ шӧйӧвошӧмӧн.

Тайӧ чӧв-лӧняс варенньӧ банка вылын клопмуніс вевтыс.

Мам-бать стрӧга видзӧдлісны Дуня да Ваня вылӧ.

Ныла-пиа кыскыштісны юрнысӧ пельпомас, но сайӧдны варенньӧ банкасӧ эз слӧймыны.

– Тайӧ, – стӧчмӧдіс Дуня, – мед сійӧ эз узь да эз пот.

– Мед чертёжъясыс эз варенньӧӧссьыны, – стӧчмӧдіс Ваня.

– Чертёжъяс, – ӧтлаын лолыштісны мам да бать.

И видзӧдлісны пызан вылӧ разӧдӧм схемаяс вылӧ.

– Уп, – лолыштісны Дуня да Ваня.

Лов шы кутӧмӧн разисны банка вевтсӧ да вӧйтісны паньяссӧ зарни варенньӧӧ – штёп.

– Со, аддзан? – бать чуткис уна сэрӧга фигураӧ. – Тайӧ – кухня. Ме вӧзъя вуджӧдны сійӧс мӧд местаӧ. Шуам, – кыйкнитліс ӧшиньӧ, – тайӧ мича кушин вылас.

– Тайӧ – кухня, – йӧлӧгаасис мам, а жугыль синмыс сідз и исковтіс кухняті.

Видзӧдласыс сувтовкерліс челядь вылас. Дуня да Ваня кынмылісны.

Мамлӧн мӧвпъясыс вӧліны ылынӧсь, та вӧсна видзӧдлас исковтіс водзӧ.

Дуня да Ваня лолыштісны да бара паньыштісны варенньӧ.

– И кыдз тэ кӧсъян… ммм… ставсӧ тайӧс вуджӧдны? – жугыля юаліс батьлысь мам.

– Со видзӧд! – бать нюжӧдіс улысса чертёжсӧ да пондіс сьӧлӧмсяньыс мыччӧдлыны сы вылын кухнялысь выль олӧмсӧ. – Тайӧ кухняыс ӧні. А со тайӧ – кор ме сійӧс выльысь лэпта. Выльысь лэпта, гӧгӧрвоин?

– Тайӧ лоас выль кухня? – ловзис мам.

– Да!

– Гашкӧ, – стӧчмӧдан гӧлӧсӧн юаліс мам, – гашкӧ, камина весиг?

– Но… – бать ыдъясьӧмӧн зырыштіс чуньнас ныр помсӧ да думыштчис.

Чӧв-лӧняс клёнмунісны паньяс – варенньӧ банка кушмӧма.

Дуня да Ваня ньӧжйӧника шливгисны пызан улӧ, но мам-бать эз казявны тайӧс.

– Камин… – заводитіс бать.

Мам ыджыд лачаӧн видзӧдліс сы вылӧ.

– Камин ог кӧсйысь, – видзчысьӧмӧн шуис бать.

– Но тай… – гажтӧма ышловзис мам.

– Но, – водзӧ гажаа висьталіс бать, – роч пач – видла.

Мам долыдпырысь пондіс кекӧначасьны.

Бать нюмдіс, юаліс Дунялысь да Ванялысь:

– Челядь, кӧсъянныд асывнас сёйны роч пачысь рок, луннас – вый сорӧн пӧжӧм картупель, а рытнас – ещӧ мыйкӧ эсытшӧмӧс? И праздник лунъясӧ пирӧгъяс, а?

– Кӧсъям, – ыззисны Дуня да Ваня.

И петісны пызан сайысь.

Торъя кухня – бур мӧвп.

Кор керкаын эм пу, восьса биӧн овны полан. Тайӧс гӧгӧрвоисны ставӧн. А восьса биыс вӧлі, сы вӧсна мый бать тэчис збыльнӧй роч пач: джуджыдсьыс-джуджыдӧс, нюмъялысьӧс, паськыд гажа паччӧраӧс.

Сэсся и гожӧм пуксис.

Мам думыштіс, мый ывлаын сёйны позьӧ оз быд лун, а куимысь луннас: шонді чеччигӧн чайӧн, пажын дырйи салатӧн да окрошкаӧн, шонді пуксигӧн пӧсь какаоӧн.

А нӧшта, окота кӧ лоас, позьӧ нуръясьны костъясас посни кӧлачӧн да лимон ваӧн.

Дуня да Ваня, мам да бать вольсавлісны турун вылӧ вевттьӧд, пуксявлісны, юлісны чай либӧ какао да варовитлісны. А нӧшта видзӧдісны гагъясӧс, кодзувъяс, кывзісны тӧв да лэбач сьылӧм.

И быд асыв, лун и рыт видзӧдісны асланыс яблоня вылӧ.

Яблоня быдмис водзӧ.

Коркӧ кад керка весьтын мыччысисны яблоня вожъяс. Сэні тыдалісны гӧрддзасьӧм посни турунвиж яблӧгъяс.

Важ кухнялысь местасӧ яблоня регыдӧн и шымыртіс.

И ӧтчыд рытнас бать выльысь чукӧртіс гортсаяссӧ.

Та пӧрйӧ шуис мынтӧдчыны гӧсьт жырйысь.

– А мый нӧ? Ог жӧ пукавлӧй сэні-а, – ӧвтыштіс мам.

– Ага! – Дуня да Ваня долыдпырысь пондісны чечавны бать-мамыслӧн кровать вылын.

– А гӧсьтъяслы ме лэпта дзоля керка, – көсйысис бать.

Тайӧн и помасис чукӧртчӧмныс.

Керкаысь колины сӧмын узьлан жыръяс. Найӧ ляскысисны яблонялӧн пучӧр бердӧ, быттьӧ креж дорӧ чикыш позъяс.

Гӧсьтъяслы бать кыпӧдіс кухнякӧд орччӧн неыджыд пелькиник керка.

Гымалігӧн ывлаӧ сёйны эз петавны, а юисны гӧсьт керкаын чай. Дуня, Ваня да мам-батьныс сэні завтракайтісны, пажнайтісны да ужнайтісны.

Тӧв ныр шутьлялӧ, востымасьӧ, сувтса зэр кисьтӧ. А найӧ чай юан керкаысь кухняӧ котралӧны зэр увтіыс чашкаясла да тасьтіясла.

Чайыс сэсся абу сэтшӧм сук, зэр ваыс войталас да. Но тайӧ мӧй лёк?

Яблоня быдмис и быдмис.

Кыдзи челядь быдмӧны войяснас, сідзи и яблоня войяснас джуждаммис да паськаліс. И быд асыв керкаын олысьяс садьмисны воддза лун дорсьыс неуна вылынджык.

Асывнас сёйӧм бӧрын бать вӧчліс узьлан жыръяслань нуӧдысь сод дорӧ нӧшта ӧти тшупӧд.

А мӧд асывнас керка нӧшта вылӧджык качліс. Сод кузьтаыс оз вӧлі тырмы, и лэччигас ковмыліс чеччыштны улыс тшупӧдсяньыс. И – турбылясьны турунті.

Гожӧм шӧрлань узьлан жыръяс улын быдмис вож.

Сійӧ пыр нюжаліс и нюжаліс, узьлан жыръяс пукалісны сы вылын пыр крепыдджыка и крепыдджыка. И пыр ылӧджык и ылӧджык вешйисны яблоня пучӧр дорсянь.

Узьлан жыръяс пондісны ёна катласьны тӧв йылас.

– Ӧні миян эм пу вылын збыльнӧй керка! – радлісны Дуня да Ваня.

– Пу вылын керка – тайӧ зэв бур, – ӧтикывъясис бать, – но регыд воас тӧв, и бурджык эськӧ овны шоныд местасянь матынджык.

– Миян кухня дорын, – стӧчмӧдіс мам.

Бать босьтчис лэптыны выль керка. Пу улын, кухнякӧд орччӧн.

Керка быдмис, ар матысмис.

Яблӧгъяс дзирыдмисны, ӧзйисны зарниӧн.

Ваня, Дуня, мам да бать видзӧдлывлісны на вылӧ да шулісны ӧта-мӧдныслы:

– Регыд нин, регыд…

Пелыськайяс да ябыръяс тшӧтш виччысисны, быд асыв волісны да чутӧдлісны ныр нас яблӧгсӧ, абу-ӧ воӧма нин.

Зіяс гӧгралісны яблоня весьтӧд. Ӧтияс весиг видлісны розьӧдны кучиксӧ, мед воӧдчыны ма кодь ваӧдз.

Арлӧн медводдза лунӧ выль керка вевт вылӧ усис медводдза яблӧг.

– Ура!

Ваня, Дуня, мам да бать котӧртісны яблӧгла.

Мам – кӧрзинаӧн, бать – кык кӧрзинаӧн, а Дуня да Ваня – лӧсьыд вытьӧн.

– Чир-чир-чир!

– Чррр!

Гажа гыӧн уськӧдчисны пелыськайяс да ябыръяс, пондісны чеччавны турун вывті, бӧрйисны аслыныс медся гырысь яблӧгсӧ.

Вожъяс костас кутісны дзизгыны зіяс.

Яблоня кокньыдика гычӧдіс вожъяссӧ, гылӧдіс и гылӧдіс зарни яблӧгсӧ.

Тӧв чӧж Дуня, Ваня, мам да бать юисны яблӧга компот, чӧсмасисны яблӧга варенньӧа пирӧгъясӧн, джуджыд толаӧд кавшасьлісны пувывса керкаӧ и збоя исковтлісны веськыда керка пос пом дорас.

Яблоня кыліс гажа гызьӧмсӧ, кывзіс серамсӧ да мӧвпаліс:

– Лӧсьыд овны керкаын и лоны кодлыкӧ керкаӧн.

И ньӧжмыда, быттьӧ лэбачпиянӧс, лайкйӧдліс вожъяс вылас Дуняӧс да Ваняӧс.

Комиӧдіс Алёна Шомысова.

Юрий ЯКОВЛЕВ

Мый корсян, сійӧ и сюрӧ

Висьт

Челядьдырыд казьтывсьӧ юмолӧн и курыдӧн. Мыйкӧ пыр кежлӧ коляс паметьӧ, мыйкӧ вунас. Но натӧг абу тырвыяӧсь казьтылӧмъясыс.

Помнитсьӧ, горт матичын ӧшаліс ньӧр. Некор батьным эз босьтлы киас, сӧмын корсюрӧ стрӧга видзӧдліс сэтчань, торъя нин сэк, кор вывті ышмывлім вильышпозъяс, та бӧрын пыр жӧ лӧньлім да бурӧн разӧдчылім пемыд пельӧсъясӧ.

Но ӧтчыд пони Шуриклы ас вылас сюри видлыны ньӧрлысь сотана кӧрсӧ.

Ыджыд вок велӧдчис сідз шусяна «нолёвкаын», налӧн классыс вӧлі меститчӧма Пиля Сенька керкаӧ. Укшаль, кузьмӧс тушаа Пиля Сенька оліс Паша кырулын, кык судтаа керкаын. Вылыс судтаас вӧлі школа, а уліас, брӧвъя ӧшиньяс сайын, Пиля Сенька столяритіс: вӧчаліс ӧдзӧс кӧсяк, ӧшинь рама да мича диван-улӧс… Кӧджын эз вӧв сылӧн ки помысь вӧчӧмторъястӧм керка. Дай ӧнӧдз на быд семьяын, кӧнкӧ, кранитчӧны снимокъяс – сійӧ жӧ Пиля Сенька дядьыс вӧчавліс казьтылан пасъяссӧ.

Вова вокӧс шулісны бать кок пӧлӧн. Бать моз кужис збоя артасьны, школаын пыдди пуктісны том математикӧс. А Шуриклы школаӧ мунтӧдз колис на кык во. Рытывбыд шепель кыла зонка вермис рисуйтчыны важ газет листъяс вылӧ либӧ кок дзенавтӧдз мыкырасьны пони пач вом дорын да мудз тӧдтӧг дзоргыны яралысь би вылӧ.

Ӧтчыд Вова вок грима-грыма бӧр воис гортӧ. Пыр жӧ уськӧдчис мыйкӧ корсьны. Шурик вок, яй бугуль кодь ён детинка, гӧгӧрвотӧма видзӧдіс, кыдзи вокыс сир жунь* моз уялӧ кровать горувті, весиг кыскавліс эрдӧ пач костын куйлысь пес чукӧр. Вӧлӧмкӧ, «грамотей», кыдзи шулісны воксӧ ас сиктса, вунӧдӧма гортас школаысь босьтлӧм линейка. Берысь** нин Шурик казявліс, кыдзи ыджыд вокыс вӧдитчӧ тайӧ гижтаннас. Тӧдіс пони вокыс, кӧні вошӧмторйыс, но мыйлакӧ эз явит. Яндзим восьтны, мый ворсігмозыс сюйис дӧбрасӧ пони пачӧ. Сэтшӧм ворсӧм вӧлі зонкалӧн: «посъясӧн» йитлыны сотчысь чуркаяссӧ да видзӧдны, кыдзи ыпъялысь «пос» ӧти здукӧн пӧрӧ сэрапомӧ…

Юрсӧ улӧ ӧшӧдӧмӧн Вова вок бӧр муніс школаӧ. А рытнас воссис Шуриклӧн мыжыс. Мыжатӧ пӧ синмыс вузалӧ. Ёна луддзывлісны пони зонкалӧн бекъясыс, быттьӧ кодзувкоткар вылӧ пуксьӧдлісны. Сэки Шурик ас ку вылас и тӧдмаліс: гусьӧн овны оз позь!

*Сир жунь – уд. сирпи.
**Берысь – уд. унаысь.

Сям артмö ичöтдырйи

Висьт

Чукйöн тыр сиктса йилöмлöн вöля-гажыс. Он куж и артавны, мыйта ворсаныс! Дерт, и карса дзолюклы тырвыйöн дасьтöма, кытчö воштыны пöст кад. Кöсъян кö, ветлы зоопаркö либö аквапаркö. Сöмын тай жаль босьтлö, кор аддзан вöрса пемöсъяссö йöртöдъясысь… Оз кыскы сэтчö, дай ставыс. А мыйта ворсаныс карса шойччанінын: карусель, качай, быдпöлöс аттракционыс… Юрыд бергöдчö! Сюсь бать-мам иналöны ныв-пинысö быдсяма юр югдöдан кружокö.

Сиктса йилöм – астыр олысьяс, шöйтöны гортдорса вöр-ягын. Ворсöны пу йывъясö вöчöм чомъясын. Позьö шуны, ывлаыс ачыс велöдö найöс овны асвыйöн. Син на син вöрса олысьяскöд тшöтш олöны. Ичöтсянь олöмыс туйдö пони мортöс збыльысь донъявны пемöсъясöс, тöдны налысь шог-дойяссö.

Нюм петлö, кор дум вылö усьлöны челядьдырся ворсанъяс. Бура помнита… Меным, нёль арöса кызбуклы, батьö сетліс рöбöта – разьны гöрöд. Лунтыр вöлі пушка да ружта, корся помсö. Ньылöм киссьö шорöн, а орöдны оз позь, колö бур ног разьны да бöр гартны сунис туракö.

«Но, разьсис эз?» – шпыннялö ыджыд вок, öшлöпан. Оз отсась, жеръялö сöмын. А Ванька Митя гусьöн кыйöдö, аддзас оз пони пиыс гез помсö. Да казьтывлö, кыдзи быдман кадас Даней пöльыс тешитчылöма сы вылын: гугöн гачöдлöма нуксö кузь соска важ дукöсö: бöрдöмсорöн пö катлася джодж шöрын, мырдöн силитча мездысьны дедöн карöм налькйысь. Öдэй баб жаляддза видзöдö пессьöм вылам, но оз и думайт мездыны. Сöмын верстьövыв воиг вежöртöма батьö: ичöтсянь колö велöдны пони войтырöс венласьны сьöкыдлунъяскöд. Енмыс тöдö, мыйта мытшöд панydасьлö мортлы олöм чöжыс. Виччысян öтарсянь, а воас мöдарсянь.

Ванька Митя айыс моз жö вöраліс, ноп тыр кыйдöс кыскывліс. Пызан вылысь эз бырлыв чери-пöткаыс. И öтарö ягсьыс вайлывліс юмов гöснеч либö маръямоль. Вексö аканясьысь пони нывкаяс чим гöрд мольяссö тэрыба пысавлісны сунисö, вöчлісны мича сиköтшъяс. Азьгумысь варов зонкаяс дасьтывлісны пöлянъяс, сэсся яра чилзылісны да повтöм индеечьяс моз пöлясисны мыня* кодь чорыд анькытшöн. Гортын, матич йылын, век бовксис дозмöр гадь – гырысь, чус лавкаса пöльтöм шар. А зонкаяс радейтісны лыйсьыны. Гусьöн тöбасны увйö истöгысь босьтöм сера, вартасны сэтчö кöрт тув. Шков – гымöбтас! А коркö, важ амбар разигöн, сюрис патрон куд. Тыдалö, гражданскöй войнаса тышъяс дырйи кольлöма. Эз дыр кранитчыны мичаа серöдöм кудйын патронъясыс – быдмысь войтыр шыблалісны бипурö. Повзьöдчана грымакыліс Ву юдорса ягын. Енмыс тай кранитіс-а. Сэсся тöвбыд пони каля-маляяс исласисны йиа чой йывсянь… Некор вöлі гажтömавны! Мый кöть эн шу, а сиктса йилöмлöн чукйöн тыр ворсаныс.

*Мыня – уд. галька.

Мый сэн дуран?

Висьт

Сиктса бура тӧдӧны: ыджыд пач керкаын – медся коланатор. Майбыр, шонтӧ, пуӧпӧжалӧ, вердӧ, лечмӧдӧ. Став сиктса олӧмыс бергалӧ пач гӧгӧр. Весьт кузя Миша ӧдва кыссяс гортас йиа чой йывсянь ислалӧм бӧрын. Гачыс йизьӧма да таракылӧ быд воськовтігӧн. Сӧмын тӧвся пемыдыс да кӧдзыдыс и вермылӧны вӧтлыны дзӧръюрӧс ворсанінысь. Мамыс Мишалӧн видзӧдӧмпырысь стрӧг: сюся видлас гӧгӧрбок, сэн жӧ малыштас юрӧдыс, сэн жӧ и шлачкас каканас да отсалас кайны шоныд паччӧрӧ. Паччӧр пельӧсын пемыд, но Мишалы водзвыв восьтасны занавессӧ. Кадысь кадӧ матыстчылас бабыс, пӧрысь, роялысь нин лов, медым тӧваркарны* – кӧть мед эз гывды пач вывсянь гӧгапиыс. Ок, и лӧсьыд шонтысьны паччӧр вылын! Пач яйыс пым, весиг важ дукӧсъяс пыр чишкалӧ мышкутӧ. Сутки чӧж кутӧ шоныдсӧ ыджыд пач.

Нинӧм карӧмысь пони зонка пыр мыйкӧ няклялӧ вомас. И колӧ жӧ лоны сідз, ӧтчыд тӧдлытӧг шмакыс веськаліс голянас. Ни бӧрӧ, ни водзӧ. Тупкис лов ветланінсӧ дай ставыс! Повзис Миша, ымзӧмӧн катласьӧ пач вылын. Ки улас сюрисны кос сартасъяс, батьӧн водзвыв дасьтӧм ломтасыс. Пӧтка бордъяс моз найӧ реписны пач вылысь. «Мый сэн дуран? – кысянькӧ кыліс мамыслӧн стрӧг гӧлӧсыс, – йӧй али вежӧра?»

Тракнитчис мый вынсьыс зонка. Слабог, кылаліс кляпыс, воссис лов ветланыс. Радпырысь, быттьӧ налькйысь мездмӧм лов, гур лэччис да кыв шутӧг босьтчис весавны гылӧдӧм чагъяссӧ. Чуймис мамыс: мукӧд лунӧ эськӧ сё пӧв ковмис тшӧктыны-а… Пыр жӧ катіс пызан вылӧ рыся шаньга да выльӧн лысьтӧм йӧв.

*Тӧваркарны – тӧждысяна видлыны.

Машук

Висьт

Машук, сизим арӧса визув нывка, вотіс оз. Пӧпуттьӧ чӧсмасис юмов вотӧснас. Сымда воӧма озйыс! Прамӧ кисьтӧма… А юмо-ов – кывтӧ ньылыштан. Радлӧ ас кежсьыс Машук – любӧ лоӧ Валя чойыслы. Дай мамыс ошкас: слабог, бур отсасысь туӧ, абу дрӧчка… Жальыс петавлӧ Машуклӧн, мамыслы век некор да. Ӧтарӧ скӧтнӧй двӧрын ноксьӧ: вердӧ сюрукъястӧ, весалӧ жыръяс. Машук – мамыслӧн кок пӧв, двӧрӧ сыкӧд век котралӧ: отсалӧ идравны яслияс, серамсорӧн вердӧ ассьыс дона кукъяссӧ. Тешкодь нывкалы, кыдзи найӧ апалӧны кос турун кӧра сынӧдсӧ небыд тырпнаныс.

Кор дозмукыс тырис, Машук петіс эрдӧ. Но друг джӧм сувтіс. Пӧле шӧрас сулаліс колхозса дзулей*. Ыджыд юр лӧбансӧ улӧ лэдзӧма, нырбукас кольча бовъялӧ. Чушкӧ, люталӧ. Весиг сиктса понъяс дзебсявлісны кытчӧсюрӧ, кор Яша нима дзулей довгис сикт кузя, непӧштӧ челядь да верстьӧ.

Повзис Машук, сы ни садь уськӧдчис пуяс сайӧ. Кӧсйис кытшовтны сэтчӧс лёкинсӧ да петны сикт дорӧ. Гортын оз нин сэтшӧма пов. Но уна-ӧ колӧ ичӧт нывкалы? Вошис Машук, ылаліс – оз тӧд, кодарӧ шаговтны.

Паныдасис вӧрса ю. Вутшка берегыс, пырзьӧма быдсӧн. Абу эськӧ и паськыд, позьӧ вуджны. Но кодкӧ быттьӧ ӧлӧдіс Машукӧс. Нывка крута бергӧдчис да ритша-ратша котӧртіс бӧр.

Пуяс сайысь бара тыдовтчис муса сиктныс. И… нем виччысьтӧг нымӧн эз тангысь дзулейкӧд. Вӧлӧмкӧ, нывка бӧр воӧма вотчан места дорас.

Машуклы чайтсис, быттьӧ Яша скӧрысь видзӧдліс сы вылӧ гырд синъяснас да повзьӧдчана довкнитліс ёсь сюра юрнас. Гораа бӧрддзис нывка, ӧпрӧметь уськӧдчис бӧр. Ачыс эз казявлы, кыдзи веськаліс гортас, мамыслӧн мелі сывйӧ. Повзьӧма, муртса сьӧлӧмыс оз чеччы морӧссьыс. Но медся жаль вӧлі, мый вошис кытчӧкӧ юмов вотӧсӧн тыр дозмукыс.

*Дзулей – уд. ӧш.

Татьяна Напалкова
(Кулӧмдін районса Немдін сикт)

Ылі грездын гӧститӧм

Висьт

Ылын-ылын, войвылын, сулалӧ неыджыд грезд. Сӧмын кызь вит керка зымвидзӧны мыльк йылын. Тайӧ грездас олӧны Ванялӧн пӧч-пӧльыс. Вунӧдіс нин Ванюш, кор бӧръясьыс воліс на дінӧ.

Кор батьыс петкӧдліс поезд вылӧ билетъяс, зонкалӧн сьӧлӧмыс босьтчис ӧдйӧ тіпкыны. Ваня зэв шоныда казьтывліс рӧдвуж дорас ветлӧмсӧ.

Со и кӧрт туй станция! Ванюшлӧн юрыс бергалӧ ӧтарӧ-мӧдарӧ, ставсӧ окота видзӧдлыны. Абу дивӧ, ӧд зонка медводдзаысь мунӧ ӧтнасӧн сэтшӧм ылӧ. Машинист тутӧстӧ, и поезд вӧрзьӧ. Детинка видзӧдӧ вӧр-васӧ вагон ӧшиньӧд да мӧвпалӧ пӧч-пӧль йывсьыс.

Дас часыс поездын колисны ӧдйӧ, и со нин – грездса ичӧтик станция. Ваня босьтіс чемодансӧ да петіс ывлӧ. Сэні сійӧс вочааліс пӧчыс. Ӧксинь пӧч гажаа нюмъяліс, быттьӧ эз эскы, мый внукыс локтіс дзонь куим вежон кежлӧ.

Медводдза вежоннас Ваня тӧдмасис грездыскӧд, выль йӧзкӧд, отсасис пӧчлы видзны мӧскӧс, пӧльлы – пыртлыны ва.

Ӧти рытӧ Петыр пӧль шуис, мый сылы колӧ кайлыны вӧр керкаас видзӧдлыны, ставыс-ӧ лючки-ладнӧ. Ванюшлӧн югзис синмыс: зонка некор на эз вӧвлы вӧр керкаын! Дыр низгис пӧльыслы, и со найӧ восьлалӧны орччӧн.

Кутшӧм мича вӧрыс водз асывнас: лысваыс пӧртмасьӧ шонді водзын, дзор козъяс лайкйӧдлӧны пашкыр лапъяснас.

А дукыс! Юрыд кольмӧ!

Воисны вӧр керка дорӧ. Ваня тэрмасьӧмӧн кутчысис ӧдзӧс вугйӧ да кӧсйис пырны, но пӧльыс эз лэдз тайӧс вӧчнысӧ.

– Пӧльӧ, мый лоис?

– Ваня, тэ ӧмӧй он тӧд, мый медводз колӧ таркӧдчыны?

– Мыйла? Сэні некод абу.

– Кыдзи абу? А коді дӧзьӧритӧ керкасӧ, кор ми абуӧсь? Медводз колӧ таркӧдчыны да чолӧмавны вӧрсаӧс. Тадзи сійӧ тӧдмалас, мый локтӧны кӧзяинъяс. Нӧшта колӧ таркӧдыштны быд пельӧсӧ, медым став лёкыс петас керкаысь.

– Пӧльӧ, кытысь тэ тӧдан тайӧс?

– Коркӧ важӧн менӧ велӧдіс батьӧй, а сійӧс – сылӧн батьыс. Гӧгӧрвоин?

– Да. А эмӧсь нӧшта татшӧм ӧбычайяс?

– Эмӧсь, но висьтала неуна бӧрынджык, ӧні миянлы колӧ уджыштны.

Петыр пӧль да Ваня лунтыр «дӧмисны» вӧр керка вевт, новлісны кос пес, вӧчисны выль лабичьяс. Сэсся пӧль пузьӧдіс бипур вылын тшай, перъяліс нопсьыс Ӧксинь пӧчӧн дасьтӧм сёян. Кутшӧм азыма сёйсьӧ бура уджалӧм бӧрад!

Но Ваня эз вунöд, мый пöльыс көсйысис висьтавны вöрса öбычайяс йылысь, да юаліс та йылысь бипур дорын. Петыр пöль бурджыка пуксис мыр вылö, матыстіс пöсь тшайсö да тшын вылö видзöдігмоз босьтчис висьтавны.

– Важысянь коми йöз нималісны бур кыйсьысьясöн да вöралысьясöн. Коми муад суйöр сайсянь волісны купечьяс, медым ньöбавны дона куяс. Вöрö петтöдз эз позь юасьны, кытчö мунö вöралысь, медым эз вомдзась кыйдöсыс. Вöрö мужичöйяс мöдлісны сöстöм паськömöн, няйт кölуйöн эз позь. Нывбабаяс некор эз чышкыны верöс бöрсяыс туйсö, сы вöсна мый вöралысь вермис вошны.

Быд семьялöн эм аслас угоддьö, кытчö некор оз пырны мукöд йöз. Сійöс позьö тöдмавны быд котырлöн аслыссикас пас серти. Аддзан кö йöз лэчкысь пöткаöс ли, урöс ли – вöрöдны оз позь. Бура кыйсьöм бöрын быть колö неуна кольыштны вöрсалы, он кö коль – вермас скöрмыны, да мöдысь вöралöмыд оз артмы. Суис ко тэнö вой, верман пырны быд керкаö, сömын эн вунöд: кымын пес видзин, колö вöчны кык пöв унджык.

– А чери кыйигöн татшöм жö правилöясыс?

– Дерт. Медводдза черитö век колö сетны васалы. Таысь öтдор, колö пестыны бипур, кытöн сотны дöра, стеклö. Тадзи кыйсьысьяс вöчöны васалы козин.

Дыр на эськö вермис висьтавны коми йöзлöн олöм йылысь Петыр пöль, но пуксьысь шонді петкöдліс: колö мöдöдчыны гортö. Ваня чеччис аслас мыр вылысь, сылöн син улас усис няньтор, коді колис пажнайтöм бöрын. Зонка котöрöн уськöдчис вöр керкалань. Петыр пöль видзöдіс сы вылö да эз гögörво, кытчö муніс внукыс. Ваня пуктіс няньсö öдзöс дорас да аттьöаліс вöрсаöс. Петыр пöль нюмъёвтіс да шуис:

– Бура тай тэныд коми öбычайяс йылысь висьтавсьöма. Молодеч, Ванюшка! Гортö локтам да, пöчыд сэсся мойдыштас кölысь да нывбабаяслöн оласног йылысь.

Карö Ваня локтіс выль тöдömлунъясöн да аслас ёртъяслы на висьталіс коми йöзлöн олöм йылысь.

Георгий Бугримов
(Кулӧмдін районса Пожӧг сикт)

Лэч туй

Висьт

– Аски асывводз кайла вӧрӧ лэч туй кытшовтны, – висьталіс бать.

– Батьӧ, ме тшӧтш тэкӧд ветла, – сьӧлӧмсянь вӧзйыси ме.

Батьӧй шензьыштіс, но шуис:

– Бур, сӧмын водз чеччыны ковмас, чуксала да, мед сёысь эг шу.

Баба гожӧм локтіс миян гездӧ. Лунъяс сулалісны шоныдӧсь, эз зэрлась, сӧмын небыдик тӧвру легӧдіс пу вылысь коръяс, и найӧ бобувъяс моз шлавгысисны вижӧдӧм турун вылӧ. Майбыр да и сӧмын!

Шондіыс асывсянь вильшасис югӧръяснас, быттьӧкӧ чуксаліс: «Чеччы нин, Ваня, а то батьыд коляс». Ме звиркниті-чеччи, часі петкӧдліс нёль час. Керкаын чӧв-лӧнь, батьӧй узьӧ на. Синмӧй сэсся эз нин куньсьыв, полі, мый ланьта да ог паляв. Недыр мысти чеччис бать да босьтчис дасьтыны ноп. Гусьӧникӧн, мед не пальӧдны гортсаясӧс, юим копе, нуръясьыштім да заводитім пасьтасьны.

– Ваньӧ, мун котӧртлы посводзӧ, пыранінас стенмас ӧшалӧ лазйӧй, вай сійӧс, – шуис бать.

Нинӧм юавтӧг ме сюся петі, видзӧда, а сэні стен пӧлӧныс вель унатор ӧшалӧ.

– Мый бара сійӧ лазйыс-а? – вӧлисти воис юрӧ, быттьӧкӧ батьлысь мӧдӧдігас эг вермы юавны.

Видзӧдалі ставсӧ, а сэсся босьті кутшӧмкӧ мӧтӧк. Тайӧ, мися, кӧнкӧ, лазйыс. Вайи да сеті батьлы. А сійӧ видзӧдліс ме вылӧ да кутіс гораа серавны.

– Но тэ жӧ эськӧ Ванька да, серам петкӧдлысь, лазсӧ ӧд пасьталӧны, а тэ гез вайӧмыд. Мый нӧ лэч туй вылас сійӧн вӧчан? Он ӧд лэчсӧ таысь гартышт. Лок ветлам да босьтам.

Бать петкӧдліс, мый сійӧ лазйыс. И збыльысь кӧлуй, жилет кодь. Меным весиг яндзим лои, ог тӧд да. Со пӧ ӧд важ йӧзыд кутшӧм бур пасьталантор мӧвпыштлӧмаӧсь. Кучикысь, мед он кӧтась, патронъяс пуктыны места эм, бокас позьӧ лэчьяс ӧшӧдны, тасмаасян да, костас чер сюйыштны, и абу сьӧкыд.

Пасьталіс лазсӧ, да менам син водзын быттьӧ кутшӧмкӧ преданиеысь герой сувтіс. Нопйӧ пуктіс тшай тыра термос, нянь, пельпом вылас ӧшӧдіс пищаль, лэдзис Тайга поннымӧс, и мӧдӧдчим. Ме, дерт, рытсяньыс неуна дасьтысьышті жӧ. Мамӧй тшӧктіс босьтны шоколад. Вӧрад пӧ ёна мудзӧм бӧрад верман лигыштны, выныд муннытӧ оз ло, а шоколадтӧ сёйыштан да, содыштас. Тадзи сійӧс велӧдлӧма ыджыд батьӧй, коді вӧр-ватӧ гежмавлӧма абу ӧти во. Батьтӧгыд быдмигад дас арӧссянь матігӧгӧр вӧрад лэчьястӧ вӧлӧм пуктавлӧ. Буретш сылӧн лэч туй вылӧ талун ми и мӧдӧдчим.

Водзын лэч туй кольлӧмаӧсь пияныслы, а менам ыджыд батьӧй петкӧдлӧма мамӧлы, а сэсся сійӧ – батьӧлы, кӧть эськӧ и куим пи сылӧн вӧлӧма. Ныристӧмӧсь пӧ

кыйсьынысö. Со и кыйö öні менам бать. Чойöй кайлывлö жö октысьны да кыйны, а ме медводдзаысь вöзйыси и думысь виччыси мыйкö шемöсмöданатор.

Мыйöн пырим лэч туй вылö, быттьö ставыс югзис, быттьö кутшöмкö аддзытöм вын кутіс отсавны да кокньöдны мунömнымöс. Медводдза жö лэчкас вöлі пысасьöма сьöла.

– Тайö, кöнкö, ыджыд батьöй нимкодясьö да отсалö. Лоö на пö кодлы менам угоддьöясöд ветлыны, – мövпышті ме. – Ог кö ме, сэсся коді?

И ме сеті ыджыд батьлы кыв, мый бытьысь велöдча пуктавны лэчьяс, сёр лэчьяс, качана лэчьяс да кута старайтны сылысь лэч туйсö. А бать менö велöдас быдторйö, мый кужö ачыс.

http://www.artlad.ru/

Подписной индекс: П4453